А. Богдановъ.

ЭМПИРІОМОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФІИ.

КНИГА I.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

С. Доброватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА—1905.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина

Изъ числа трехъ статей, предлагаемыхъ здѣсь вниманію читателя, одна („Universum“) появляется въ свѣтъ впервые, двѣ другія были напечатаны въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“:

„Идеалъ познанія“—въ 1903 г., 3—4.
„Жизнь и психика“—1908 г., 9—10 и 11—12.

Идеалъ познанія.

(Эмпиріомонизмъ физическаго и психическаго).

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ критики по преимуществу. Начиная съ эпохи Возрожденія, великое освободительное движеніе человѣческаго духа шагъ за шагомъ расчищаетъ путь для непрерывнаго, безпрепятственнаго прогресса человѣческихъ силъ индивидуальныхъ и общественныхъ... Въ сферѣ *мышленія* эта освободительная работа выступаетъ въ формѣ критики, разбивающей безчисленные фетиши, стоящіе на пути познанія, разрывающей безчисленныя путы, сковывающія его развитіе. Но рѣшительное господство критики начинается съ конца XVIII вѣка. Французская революція сдѣлала критику всепроникающимъ принципомъ общественнаго бытія людей; Кантъ сдѣлалъ ее всепроникающимъ принципомъ мышленія: всякія границы для критики были принципіально устранены, она должна была отнынѣ сама устанавливать свои границы.

Съ тѣхъ поръ критика была лозунгомъ всего прогрессивнаго въ жизни и мышленіи. Подъ ея знаменемъ шли прежде утописты въ своихъ нападеніяхъ на общественный строй, а теперь подъ ея знаменемъ ведется великая классовая борьба. Въ наукѣ сила критики привела къ выработкѣ точныхъ методовъ, въ философіи—къ неуклонному позитивизму.

Конечно, не разъ наступали моменты авторитарной реакціи въ жизни, догматической реакціи въ мышленіи. Но и здѣсь ярко сказывалась сила критики, сказывалась не только въ томъ, что она рано или поздно побѣждала, но также и въ

томъ, что реакція большей частью старалась нарядиться въ ея костюмъ, старалась выдать себя за критику. Это стремленіе реакціонныхъ силъ провозить свою историческую контрабанду подъ флагомъ критики всего лучше доказываетъ то могущество и то уваженіе, которыми пользуется этотъ благородный флагъ во всѣхъ моряхъ и заливахъ бурнаго океана современности.

Чѣмъ же объяснить себѣ такое громадное и, повидимому, все возрастающее жизненное значеніе критики? Оно означаетъ борьбу различныхъ формъ жизни, отживающихъ и нарождающихся, накопленіе силъ, для которыхъ тѣсны сложившіяся рамки, жажду простора и свободы. Какъ мы знаемъ, бываютъ въ развитіи народовъ эпохи органическія и критическія, — эпохи, когда жизнь спокойно течетъ по привычному руслу, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь въ новыхъ путяхъ, потому что старые пока еще ея не стѣсняютъ, и эпохи, когда она бурно стремится черезъ пороги и скалы, прокладывая новыя русла взамѣнъ старыхъ, слишкомъ узкихъ и тѣсныхъ. Тяжелые, поросшіе мхомъ камни катятся и уносятся въ море, рушатся подмытыя вѣковыя горы — это критическая работа жизни, и такова та эпоха, въ которую мы живемъ.

Но рѣка течетъ не для того, чтобы сворачивать камни и горы, критика никогда не можетъ быть конечной цѣлью, результатомъ, на которомъ жизнь могла бы остановиться. Удовлетвориться одной критикой не можетъ ни чувство, ни воля людей, ни даже познаніе. Растущая жизнь, накопляющіяся силы необходимо должны складываться въ новыя формы, должны организоваться въ новыя единства. Дѣло критики—дать просторъ для этихъ формъ, помѣшать имъ развиться уродливо и дистармонично; но создать ихъ она не можетъ. Критика — это садовникъ, который тщательно расчищаетъ почву для дерева, подстригаетъ лишнія и неправильно растущія вѣтки; но не онъ — причина того, что дерево растетъ и приноситъ роскошные плоды. Жизнь развивается изъ жизни, и сама опредѣляетъ свою цѣль; эта цѣль—творчество, а не критика.

То содержаніе, которое въ наше время ищетъ для себя новыхъ формъ, поистинѣ громадно. Коллективныя силы человѣчества въ его борьбѣ съ внѣшней природой возросли въ сотни разъ за послѣдніе вѣка и примѣняются въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ; еще значительнѣе расширилась область научнаго опыта, по отношенію къ которой сфера производства является теперь только небольшой частью; неизмѣримо увеличилось богатство идей и міровоззрѣній, переплетающихся и сталкивающихся въ современномъ мірѣ. Нужны формы безконечно широкія и прочныя, но и безконечно пластичныя, чтобы охватить и свободно совмѣстить такое содержаніе въ его непрерывномъ развитіи; нужны формы безконечно сложныя и въ то же время безконечно гармоничныя, чтобы въ нихъ безъ противорѣчій уложилось все разнообразіе этой безпредѣльно прогрессирующей жизни. Наше воображеніе не въ силахъ представить себѣ, какъ несравненно величественны должны быть эти новыя формы въ своей грандіозности, какъ несравненно изящны въ своей стройности.

Въ неясныхъ, общихъ контурахъ онѣ уже обрисовываются вдали. Развивающееся сознаніе смутно ихъ различаетъ и страстно къ нимъ стремится. Идеалъ практической жизни въ наше время выступаетъ яснѣе: онъ выражаетъ стремленіе гармонически объединить все человѣчество для борьбы со стихійнымъ міромъ, для непрерывнаго развитія силъ. Не такъ ясенъ идеалъ познанія; онъ не для всѣхъ формулированъ въ живомъ, понятномъ словѣ, его имя чуждо громадному большинству даже тѣхъ, кому близокъ идеалъ практической жизни. А между тѣмъ живое, нераздѣльное единство практики и познанія говоритъ намъ, что оба идеала должны быть неразрывно связаны между собою, должны находиться въ строгой гармоніи. Поэтому законна всякая попытка, хотя бы въ такой общей схемѣ, въ какой представляется намъ идеалъ жизни, обрисовать также идеалъ познанія.

Ставя себѣ такую задачу, мы уже заранѣе знаемъ, что путь къ ея рѣшенію идетъ черезъ область критики:—не той страст-

ной критики, которая преобразуетъ формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченнаго мышленія.

I.

Если мы стремимся опираться въ своемъ изслѣдованіи на всѣ пріобрѣтенія великой эпохи критики, то исходной точкой его для насъ всего цѣлесообразнѣе взять наиболѣе законченное и строгое выраженіе духа критики въ познавательномъ отношеніи къ дѣйствительности. Такимъ выраженіемъ критической тенденціи для нашего времени представляется намъ *эмпиріокритицизмъ*—критика всего познанія съ точки зрѣнія опыта и критика самаго опыта съ точки зрѣнія его связи и закономѣрности.

Эмпиріокритицизмъ есть современная форма позитивизма, развившаяся на почвѣ новѣйшихъ методовъ естествознанія съ одной стороны, новѣйшихъ формъ философской критики — съ другой. Это философское теченіе нашло себѣ самыхъ видныхъ выразителей въ Эрнстѣ Махѣ и Рихардѣ Авенаріусѣ, изъ которыхъ первый формулировалъ его съ особенной ясностью и прозрачностью, второй—съ особенной полнотой и точностью *). Оно привлекаетъ къ себѣ все больше сторонниковъ среди молодыхъ представителей науки и философіи какъ на каѳедрѣ, такъ и внѣ ея; оно оказываетъ все большее вліяніе на научное и философское развитіе нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее вліяніе признаютъ даже противники эмпиріокритицизма.

Излагать сколько-нибудь полно философскія основы эмпиріокритицизма намъ не приходится; съ точки зрѣнія нашей задачи достаточно характеризовать самое общее познавательное отношеніе этой школы къ дѣйствительности, къ міру опыта.

---

*) Самый терминъ „эмпиріокритицизмъ“ принадлежитъ, собственно, Авенаріусу, но онъ хорошо характеризуетъ также воззрѣнія Маха, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ они и отличаются отъ взглядовъ Авенаріуса.

Задача познанія, по воззрѣніямъ Маха и Авенаріуса, заключается въ томъ, чтобы систематизировать содержаніе опыта, такъ что опытъ является и естественной основой и естественной границей познанія. По своему объективному значенію, систематизація эта является могучимъ жизненнымъ приспособленіемъ, орудіемъ сохраненія жизни и ея развитія. Взглядъ на познаніе, какъ на приспособленіе, возникшій въ эволюціонномъ мышленіи, конечно, гораздо раньше эмпиріокритицизма, въ работахъ этой школы находитъ себѣ самое широкое и всестороннее развитіе, и дѣлается базисомъ послѣдовательной *критики* познанія. „Die Analyse der Empfindungen“ Маха и его научно-критическія работы, особенно „der Wärmelehre“, съ одной стороны, и „Kritik der reinen Erfahrung“ Авенаріуса съ другой, даютъ цѣльную и во всемъ существенномъ однородную картину критически-эволюціонной теоріи познанія *).

Но познаніе въ этой картинѣ является не только приспособленіемъ вообще, а также приспособленіемъ *соціальнымъ*. Соціальный генезисъ познанія, его зависимость отъ соціальнаго опыта, принципіальная равноцѣнность мышленія различныхъ людей и его непрерывное соціальное взаимодѣйствіе ярко выступаетъ и сознательно подчеркивается обоими мыслителями. Здѣсь ихъ предшественниками надо признать великихъ

*) Въ развитіи взглядовъ Маха исходной точкой послужилъ философскій *идеализмъ*, тогда какъ для Авенаріуса съ самаго начала характерна *реалистическая* окраска. Тѣмъ замѣчательнѣе тожество философскихъ выводовъ, къ которымъ совершенно независимо одинъ отъ другого пришли оба эти мыслителя, реформируя теорію познанія на основѣ выработанныхъ научныхъ методовъ. Весьма несущественныя разногласія между этими философами носятъ на себѣ однако явный отпечатокъ различія начальныхъ пунктовъ развитія (особенно это относится къ понятію „элементовъ-ощущеній“ у Маха; объ этомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ въ ряду основныхъ произведеній эмпиріокритицизма „Der menschliche Weltbegriff“ Авенаріуса (ученіе объ интроекціи); но къ нему мы также еще вернемся

основателей историческаго монизма, о которыхъ оба философа врядъ ли имѣли сколько-нибудь ясное понятіе *).

Тамъ, гдѣ Махъ обрисовываетъ связь познанія съ соціально-трудовымъ процессомъ, совпаденіе его взглядовъ съ идеями Маркса становится порой прямо поразительнымъ. Въ нѣкоторыхъ философскихъ этюдахъ его „Wärmelehre“ мы встрѣчаемъ такія положенія, какъ, напр., слѣдующее: «наука возникла изъ потребностей практической жизни... изъ техники» (стр. 451),—формулировка строго соотвѣтствующая принципу историческаго матеріализма. Для насъ это—лишнее доказательство глубокой прогрессивности эмпріокритицизма, какъ теченія, способнаго органически воспринять все наиболѣе жизненное въ его идейной средѣ.

Изслѣдуя познаніе, какъ соціальное приспособленіе, эмпріокритицизмъ не находитъ никакого принципіальнаго различія между познаніемъ обыденнымъ не критическимъ, и познаніемъ научно-философскимъ, критическимъ. И задачи, и методы по существу въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, разница только въ степени выработки приспособленій: научными и критическими методами задачи познанія достигаются съ относительно большей полнотой при меньшихъ затратахъ энергіи; эти методы характеризуются *экономизаціей* времени и силъ. Такимъ образомъ, обыденное и неточное познаніе, въ

*) Ближе по времени къ Маху и Авенаріусу стоитъ А. Риль, который также признаетъ спеціальность познанія и его біологическую роль какъ приспособленія, но далеко не вполнѣ выдерживаетъ этотъ принципъ въ своемъ анализѣ познанія („Der philosophische Kriticismus“. II B. 2 T.). Вообще за послѣдніе десятки лѣтъ идеи эти встрѣчаются нерѣдко въ философской и соціально-философской литературѣ; развитіе сравнительной филологіи не мало способствовало ихъ упроченію, выясняя органическую связь мышленія съ рѣчью—соціальной формой общенія (здѣсь особенно Нуаре, Максъ Мюллеръ); но обыкновенно эта соціально-генетическая точка зрѣнія на мышленіе ни философами, ни учеными не проводится до конца со строгой методологической послѣдовательностью.

своемъ прогрессивномъ развитіи, стремясь охватить все возрастающее богатство и разнообразіе опыта, необходимо должно переходить шагъ за шагомъ въ критическое и точное. При этомъ познаніе все въ большей мѣрѣ приближается къ *чистому описанію* того, что имѣются въ опытѣ,—разумѣется, къ такому описанію, которое обобщаетъ и систематизируетъ.— Тутъ выступаетъ вопросъ о содержаніи опыта, о его связи и закономѣрности и о жизненномъ значеніи различныхъ частей этого содержанія. Это и есть вопросъ о критикѣ опыта.

Безконечный потокъ опыта, изъ котораго кристаллизуется познаніе, представляетъ въ своемъ цѣломъ не только очень грандіозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шагъ за шагомъ это цѣлое, анализъ переходитъ отъ болѣе крупныхъ его частей къ все болѣе и болѣе мелкимъ и достигаетъ, наконецъ, нѣкоторой границы, гдѣ разложеніе дальше не удается. Здѣсь лежатъ *элементы* опыта. Что же это за элементы?

Махъ называетъ ихъ «элементами-ощущеніями». Тотъ опытъ, который мы имѣемъ относительно «внѣшняго міра», сводится къ «тѣламъ», какъ сочетаніямъ различныхъ «признаковъ»,— мѣста, времени, цвѣта, формы, величины и т. п. Разложеніе этихъ «признаковъ» приводитъ насъ къ элементарнымъ ощущеніямъ пространства, времени, цвѣтовъ, тоновъ, къ ощущеніямъ иннерваціоннымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и т. д. Въ такъ называемомъ «внутреннемъ мірѣ» мы имѣемъ воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи. Дальнѣйшій анализъ даетъ здѣсь частью такіе же элементы, какъ для внѣшняго опыта (напр., въ «воспріятіи» какого-нибудь тѣла также пространственныя, цвѣтовыя, иннерваціонныя, и т. под. ощущенія), частью элементы, повидимому, иные — волевые, эмоціональные *)... Собственно, только по отношенію къ «психическому»

*) Авенаріусъ различаетъ „элементы“ и „характеры“, при чемъ подъ „элементами“ подразумѣваетъ цвѣта, тоны, твердое и мягкое, сладкое и горькое и т. под., а подъ „характерами“—окраску удовольствія и страданія, красоты и безобразія, реальности и кажущагося, ясности и смутности и т. д. Для нашихъ

міру элементы можно съ полнымъ правомъ называть «ощущеніями», потому что «ощущенія»—терминъ психологическій, который неудобно примѣнять къ физической области опыта *); но въ высшей степени важно, что одни и тѣ же элементы могутъ принадлежать «тѣламъ», какъ ихъ «признаки» («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое», и т. д.) и входить въ составъ «воспріятій» и «представленій», какъ собственно, «ощущенія» (ощущеніе краснаго, зеленаго, холоднаго, и т. д.). «Красное» въ тѣлахъ и «ощущеніе краснаго» въ ихъ воспріятіи суть *тожественные* элементы опыта, которые мы только различно обозначаемъ.

Тѣла—это комплексы такихъ же элементовъ, какіе въ «воспріятіяхъ» мы называемъ «ощущеніями». Положеніе чрезвычайно важное, на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Человѣческій организмъ существуетъ для насъ, какъ тѣло въ ряду другихъ тѣлъ. Изъ какихъ же элементовъ опыта склады-

---

щѣлей это различіе не существенно, и потому мы въ изложеніи предпочитаемъ слѣдовать Маху.

*) Это различіе Махъ самъ не разъ отмѣчаетъ для того, чтобы устранить возможность идеалистическаго истолкованія своихъ взглядовъ. Его русскій переводчикъ (Энгельмейеръ. Очерки по теоріи познанія Э. Маха, 1901, изд. Манцовой) нѣсколько погрѣшаетъ тѣмъ, что мало обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла; передавая взгляды Маха, онъ доходитъ даже до такихъ формулировокъ, какъ слѣдующая: „наши ощущенія не производныя міра, а мы произвели міръ изъ нашихъ ощущеній“ (Введеніе, стр. 17). Махъ на эту формулировку никогда бы не согласился. Онъ указалъ бы, во-1), что элементы только тогда правильно называть ощущеніями, когда мы говоримъ о нихъ съ психологической точки зрѣнія, а по отношенію къ „физическому“ міру этотъ терминъ не допустимъ; и во-2), что элементы не то, изъ чего мы произвели міръ, а *продуктъ познавательнаго разложенія* опыта, такъ что опытъ въ цѣломъ, по отношенію къ нимъ, *первичное*, а не вторичное. Можетъ-быть удастся и дальнѣйшее разложеніе теперешнихъ „элементовъ“—они, вѣдь не атомы; тогда они смѣнятся элементами болѣе простыми, но еще болѣе „производными“, въ смыслѣ длины того пути, по которому познаніе дойдетъ до нихъ.

вается это тѣло? Прежде всего мы имѣемъ рядъ элементовъ, воспринимаемыхъ при помощи зрѣнія, рядъ элементовъ цвѣта и пространства (формы). Затѣмъ рядъ совершенно иныхъ элементовъ, воспринимаемыхъ при помощи чувства давленія и чувства температуры: элементы формы и пространства, какіе даются намъ ощупываніемъ тѣла, элементы тепла и охлажденія, выступающіе рядомъ съ ними, и т. д. Далѣе рядъ элементовъ, доступныхъ слуху — тоны и шумы, изъ которыхъ слагается рѣчь, пѣніе, плачъ, смѣхъ, и т. под... Всѣ эти ряды совершенно различны по своему матеріалу—*качественно разнородны*, и однако всѣ они объединяются въ одинъ комплексъ, обозначаемый словомъ «человѣкъ». Рядъ зрительный—элементы цвѣта и видимой формы—немыслимо даже и сравнивать въ его непосредственности съ рядомъ тактильнымъ—элементами осязаемой формы, твердости, тепла,—или съ рядомъ акустическимъ—тонами и шумами; немыслимо сравнивать въ этомъ смыслѣ даже отдѣльные элементы одного ряда между собою, напр., «красное» съ «зеленымъ». Но «тѣло» есть нѣчто единое. Что же даетъ ему это единство? Устойчивая связь частей комплекса.

Эта устойчивая связь въ нашемъ опытѣ далеко не безусловна. Въ массѣ случаевъ мы только видимъ проходящихъ мимо людей, но не слышимъ и не осязаемъ; данъ зрительный рядъ, остальные не даны, и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами «тѣла», «люди». Въ другихъ случаяхъ мы только слышимъ или только осязаемъ, или видимъ и слышимъ и т. д. Но отдѣльные ряды прочно ассоціированы между собою—изъ опыта мы знаемъ, что если видимъ человѣка, то достаточно намъ подойти и потрогать его, чтобы осязать и, вѣроятно, также слышать. Изъ каждаго ряда можетъ оставаться лишь незначительная часть элементовъ, и однако весь комплексъ, все «тѣло» вступаетъ въ сферу нашего опыта: мы можемъ видѣть одинъ палецъ человѣка, или осязать только его руку, или слышать только походку,—и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами человѣкъ. Если дѣло идетъ о данномъ человѣкѣ—

г-нѣ А., то весь составъ комплекса можетъ сильно измѣниться, напр., будетъ надѣтъ новый костюмъ, цвѣтъ лица и фигура пострадаютъ отъ болѣзни, голосъ охрипнетъ и т. д.; однако мы будемъ признавать то же лицо, тотъ же комплексъ. Вообще, относительная устойчивость комплекса элементовъ достаточна, чтобы сдѣлать изъ него «тѣло» *).

Для насъ очень важна одна сторона дѣла, на которой не останавливаются ни Махъ, ни Авенаріусъ. Рядъ зрительный, рядъ тактильный, рядъ акустическій, входящіе въ составъ одного «тѣла», качественно различаются по своимъ элементамъ, совершенно несравнимы съ точки зрѣнія матеріала—сравните, напр., красное съ твердымъ или съ горькимъ,—и однако они выступаютъ въ неразрывной связи. Отчего они не образуютъ для познанія самостоятельныхъ комплексовъ? Развѣ познаніе не стремится соединять однородное и разъединять разнородное? Почему же нашъ опытъ складывается въ такіе неоднородные по составу комплексы? Отвѣтъ на эти вопросы получается очень легко, если мы остановимся на основномъ фактѣ опыта—на *параллелизмѣ рядовъ*, образующихъ тѣла.

Если мы одновременно видимъ человѣка, слышимъ его и осязаемъ его тѣло, то *взаимныя отношенія* элементовъ во всѣхъ трехъ рядахъ опыта находятся въ извѣстномъ соотвѣт-

*) Изъ этой относительности возникаетъ самое абсолютное въ философіи, „субстанція“, или „вещь въ себѣ“. Каждой данной части комплекса можетъ не хватятъ въ нашемъ опытѣ въ данный моментъ, и однако мы признаемъ „вещь“ за *то же самое*, чѣмъ является для насъ цѣлый комплексъ. Не значитъ ли это, что можно откинуть всѣ „элементы“, всѣ „признаки“ вещи, и все-таки она останется,—уже не какъ явленіе, а какъ „субстанція“? Конечно, это только старая логическая ошибка: каждый волосъ въ отдѣльности можно вырвать, и человѣкъ не станетъ лысымъ; но если ихъ вырвать всѣ вмѣстѣ, человѣкъ будетъ лысый; таковъ и процессъ, которымъ создается „субстанція“, которую Гегель недаромъ называлъ „caput mortuum абстракціи“. Если откинуть всѣ элементы комплекса, то комплекса не будетъ; останется только обозначающее его *слово*. Слово—это и есть „вещь въ себѣ“.

ствіи между собою. Измѣненіямъ въ зрительномъ ряду соотвѣтствуютъ опредѣленныя измѣненія въ тактильномъ ряду, и наоборотъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ поднялъ руку (измѣненіе въ комбинаціи цвѣтовыхъ и пространственныхъ элементовъ), то мы, если желаемъ, всегда можемъ одновременно ощутить это и при помощи осязанія (измѣненіе въ комбинаціи тактильныхъ элементовъ), отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленной связи, которая не можетъ быть замѣнена другою. Если мы видимъ опредѣленныя движенія губъ и грудной клѣтки, то мы, обыкновенно, слышимъ опредѣленные звуки рѣчи; и опять-таки отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Предположимъ, что вы имѣете зрительный рядъ элементовъ, но тактильнаго совсѣмъ нѣтъ, и не можете получить, т.-е. вы видите человѣка, но при его ощупываніи не получаете никакихъ осязательныхъ ощущеній—ни сопротивленія, ни тепла; въ такомъ случаѣ это вовсе не человѣкъ, а привидѣніе, или какая-нибудь оптическая иллюзія. Вы слышите рѣчь человѣка, но, несмотря на наличность всѣхъ обычныхъ условій для воспріятія соотвѣтственнаго зрительнаго ряда, не получаете его, или получаете рядъ съ совершенно иными отношеніями; въ такомъ случаѣ это опять-таки не человѣкъ. а галлюцинація слуха или, можетъ быть, фонографъ. Тамъ, гдѣ нарушается обычный параллелизмъ такихъ-то данныхъ рядовъ, тамъ устраняется и признаніе въ опытѣ обычно воспринимаемаго такого-то даннаго «тѣла», и выступаетъ необходимость иначе объединить факты опыта, признать не то «тѣло», какъ обыкновенно, а другое, или совсѣмъ отрицать наличность «тѣла».

Параллелизмъ разнородныхъ рядовъ опыта, объединенныхъ въ одно «тѣло», даетъ этимъ рядамъ нѣкоторую однородность; но это однородность *отношеній*, а не элементовъ. Именно эта однородность отношеній, наблюдаемая для различныхъ рядовъ опыта, и есть ближайшая основа единства *тѣла*. Пространственное и временное единство тѣла—только опредѣленныя

формы этой однородности отношеній, этого параллелизма рядовъ: пространство, напр., зрительное координируется съ пространствомъ доступнымъ осязанію именно въ силу параллелизма между рядами элементовъ; а единство времени есть прямо другое названіе для параллельнаго теченія всѣхъ этихъ рядовъ среди общаго потока непосредственныхъ переживаній.

Замѣтимъ, что одинъ изъ этихъ рядовъ обыкновенно играетъ въ комплексѣ особую—*организующую* роль. Когда мы представляемъ себѣ человѣческое тѣло, то оно является намъ *по преимуществу* какъ осязаемый, или *по преимуществу* какъ видимый предметъ, т.-е. въ основу комплекса ложится одинъ рядъ, по большей части именно тактильный (рѣже зрительный); а другіе ряды объединяются около него, какъ центральной части комплекса. Нетрудно понять, чѣмъ обусловливается такая особенная роль тактильнаго ряда: она связана съ его особеннымъ значеніемъ—значеніемъ въ біологической борьбѣ. Обыкновенно, только при наличности тактильнаго ряда предметы могутъ оказываться серьезно полезными или серьезно вредными для жизни: всѣ объекты «производства» въ смыслѣ экономистовъ — матеріалы труда, орудія, предметы потребленія—представляютъ «осязаемые» предметы; тѣла, лишенныя тактильнаго ряда, напр., тѣни, отраженія, облака, являются жизненно-неважными (по крайней мѣрѣ, непосредственно неважными; косвенно и они могутъ пріобрѣтать большое значеніе, какъ, положимъ, дождевыя облака). Кромѣ того, немалое значеніе имѣетъ тѣсно связанная съ этой біологической ролью большая полнота и опредѣленность тактильнаго ряда (при ощупываніи предметовъ); однако въ этомъ отношеніи онъ скорѣе уступаетъ зрительному ряду, который и выступаетъ какъ рядъ организующій, вмѣсто тактильнаго, когда этого послѣдняго не имѣется, а иногда даже и при его наличности.

Возвратимся теперь къ изложенію взглядовъ Маха. Какъ было уже сказано, одни и тѣ же элементы могутъ входить въ составъ «физическихъ тѣлъ» и въ составъ «психическихъ процессовъ». Если «тѣло», называемое человѣческимъ орга-

низмомъ, есть комплексъ такихъ-то цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и другихъ элементовъ, то *воспріятіе* этого тѣла — изъ какихъ элементовъ онъ слагается? Да очевидно, изъ тѣхъ же самыхъ цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и т. д.; только здѣсь эти же элементы называются «ощущеніями». Изъ тѣхъ же элементовъ слагается и «представленіе» тѣла, когда тѣла нѣтъ въ непосредственномъ воспріятіи. Но какая же разница между «тѣломъ» и «воспріятіемъ тѣла», или его «представленіемъ». Вѣдь это, несомнѣнно, далеко не одно и то же съ точки зрѣнія нашего опыта.

Тѣло въ ряду другихъ тѣлъ принадлежитъ къ опредѣленной системѣ вещей, которая характеризуется опредѣленными отношеніями, и называется «физическимъ» или «внѣшнимъ» міромъ. Воспріятіе или представленіе тѣла принадлежитъ къ другой системѣ, въ которой отношенія иныя, и которая называется «психическимъ» или «внутреннимъ» міромъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ различію двухъ областей опыта— физической и психической «внѣшней» и «внутренней».

Въ мірѣ физическомъ комплексы — тѣла характеризуются извѣстной устойчивой закономѣрностью своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Передъ вами столъ; ваше воспріятіе стола мѣняется съ каждой перемѣной положенія вашей головы: оно исчезаетъ, если вы отвернетесь или уйдете; но столъ, какъ тѣло, не измѣняется при этомъ и остается на своемъ мѣстѣ. Представленіе стола вы можете произвольно, однимъ усиліемъ вниманія, вызвать и фиксировать въ ряду другихъ представленій въ самыхъ различныхъ ассоціаціяхъ образовъ; но вы не можете такъ же произвольно, однимъ актомъ воли, достигнуть того, чтобы столъ возникъ въ ряду другихъ тѣлъ или выступилъ въ новомъ соотношеніи съ ними. Связь явленій въ обоихъ случаяхъ различна; въ физическомъ мірѣ она имѣетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ, чуждый всякого произвола, *независимый отъ случайно измѣняющихся состояній нашего организма;* въ мірѣ психическомъ явленія выступаютъ *въ опредѣленной зависимости именно отъ со-*

стояній организма: ближайшимъ образомъ отъ нервной системы.

Воспріятія получаются тогда, когда возбужденіе различныхъ органовъ чувствъ передается центральному нервному аппарату, и измѣняются сообразно съ формой этого возбужденія съ одной стороны, состояніемъ нервныхъ проводниковъ и нервныхъ клѣтокъ — съ другой. Перерѣжьте два оптическихъ нерва, и весь міръ зрительныхъ воспріятій исчезнетъ для данной психики; или отравите нервную систему сантониномъ, и всѣ предметы будутъ восприниматься въ иной окраскѣ, чѣмъ прежде. Подвергните организмъ дѣйствію хорошей дозы наркотическаго яда, и исчезнутъ не только воспріятія, но и представленія, даже эмоціи и стремленія. Нарушьте питаніе коры головного мозга, и весь психическій міръ окажется спутаннымъ, разстроеннымъ; всѣ его отношенія рѣзко измѣнятся. А физическій міръ, несмотря ни на что, остается по прежнему.

Всѣ такія сопоставленія—ихъ можно дѣлать безъ конца—приводятъ къ слѣдующей формулировкѣ: поскольку данныя опыта выступаютъ *въ зависимости отъ состоянія данной нервной системы,* постольку они образуютъ *психическій міръ* данной личности; поскольку данныя опыта берутся *внѣ такой зависимости,* постольку передъ нами *физическій міръ.* Поэтому Авенаріусъ обозначаетъ эти двѣ области опыта, какъ *зависимый рядъ* и *независимый рядъ* опыта.

Для пониманія реальнаго различія обоихъ рядовъ опыта особенно важны тѣ промежуточные случаи, гдѣ происходитъ ихъ временное смѣшеніе. Свои образы сновидѣній, свои галлюцинаціи человѣкъ относитъ сначала къ внѣшнему міру; но послѣдующій опытъ убѣждаетъ его, что эти явленія зависѣли всецѣло отъ особаго, преходящаго состоянія его нервной системы, и тогда онъ относитъ ихъ уже къ психическому міру. Если человѣкъ не настолько образованъ, чтобы установить эту форму зависимости, кака это часто бываетъ у неразвитыхъ людей по отношенію къ галлюцинаціямъ, то явленіе, несмотря на всю свою неустойчивость, будетъ отнесено къ «внѣшнему»

міру — галлюцинація будетъ понята, какъ «привидѣніе» или «духъ», вообще, какъ *тѣло*, хотя и съ особенными свойствами (слово «духъ» не должно вводить здѣсь въ заблужденіе, «духъ», фетишиста есть отнюдь не «психическое» въ научномъ смыслѣ).

Кромѣ тѣхъ комплексовъ, которые одинаково могутъ выступать и въ физическомъ ряду, какъ тѣла и въ психическомъ, какъ воспріятія или представленія, существуютъ еще комплексы иного рода, принадлежащіе всецѣло къ психическому міру, и никогда не относимые нами къ физической области опыта. Это комплексы эмоціональные и волевые: чувства, аффекты, стремленія, и т. под. Радость, гнѣвъ, желаніе, любовь, никогда не представляются намъ «тѣлами», а всегда только психическими процессами. Между тѣмъ, такого рода комплексы бываютъ иногда чрезвычайно устойчивы — много устойчивѣе иныхъ мимолетныхъ явленій физическаго міра. Мало того, той же исключительной «психичностью» отличается комплексъ наиболѣе устойчивый въ ряду нашихъ переживаній, тотъ, который мы обозначаемъ словомъ «я». Какъ понять эту особенную группу переживаній?

Спеціально-психическій характеръ всей группы опредѣдѣляется тѣмъ фактомъ, что она стоитъ въ особенной, непосредственной зависимости отъ состояній данной нервной системы, и не можетъ быть представлена внѣ этой зависимости, въ той закономѣрной связи, которая характеризуетъ физическую сферу опыта. Отсюда легко возникаетъ стремленіе рѣзко выдѣлить спеціально-психическій рядъ изъ общей системы опыта, отдѣлить его, какъ нѣчто самостоятельное, отъ всѣхъ психо-физическихъ переживаній. Но такой взглядъ нельзя было бы признать правильнымъ.

Комплексы эмоціональные, волевые, и комплексъ «я» разлагаются анализомъ на элементы, и эти элементы *однородны* съ тѣми, которые выступаютъ во всякихъ иныхъ, психо-физическихъ сочетаніяхъ. Такъ, въ эмоціяхъ, согласно экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, если даже не принимать обобщающей теоріи Джемса и Ланге, несомнѣнно играютъ боль-

шую роль элементы иннерваціонные и тактильные, элементы, которые въ другихъ сочетаніяхъ входятъ въ составъ «воспріятій» и въ составъ «тѣлъ». Точно также волевые комплексы представляютъ изъ себя сложныя комбинаціи различныхъ элементовъ съ опредѣленными «характерами» (по терминологіи Авенаріуса); особенное значеніе имѣютъ здѣсь иннерваціонные элементы *). Что же касается «я», то это сложнѣйшій комплексъ жизненно важныхъ комбинацій, по преимуществу эмоціальныхъ и волевыхъ, вообще тѣхъ, которыя стоятъ въ наиболѣе тѣсной связи съ самосохраненіемъ организма **). Такимъ образомъ, по своимъ *элементамъ* по своему *матеріалу*, и спеціально-психическіе комплексы не отличаются отъ другихъ группировокъ въ сферѣ опыта, не отличаются отъ психическихъ-физическихъ комбинацій.

II.

Мы обрисовали, насколько это требуется для поставленной нами задачи, самое общее отношеніе эмпиріокритицизма къ дѣйствительности, какъ системѣ опыта. Передъ нами выступило міровоззрѣніе, съ одной стороны — глубоко обоснованное на пріобрѣтеніяхъ современной науки, съ другой стороны—очень увлекательное по своей простотѣ и ясности. Оно съ трудомъ укладывается въ рамки обычныхъ философскихъ опредѣленій. Оно рѣдко отличается отъ наивнаго реализма своимъ глубоко аналитическимъ и строго критическимъ отношеніемъ ко всему содержанію опыта. Но не менѣе далеко отстоитъ оно и отъ всякаго идеализма: отъ трансцендентнаго — тѣмъ, что не признаетъ никакой высшей, сверхчувственной реальности

*) См. R. Avenarius, „Kritik der reinen Erfahrung“, II, 206 и слѣд. стр., а также прим. 54. См. также G. Simmel, „Skizze einer Willenstheorie“, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnessorgane, 1895 г.—иннерваціонная теорія воли.

**) См. R. Avenarius. Kr. d. r. Drf.“, II, стр. 355 и стр. 275 (о „доминантѣ“); также E. Mach, „Analyse der Empf.“, стр. 18 — 20 (3-е изд., 1902).

идей, а считаетъ всякую мыслимую идею продуктомъ усложненія и обработки опыта, отъ имманентнаго—тѣмъ, что дѣйствительность, опытъ оно отнюдь не укладываетъ всецѣло въ рамки психическаго, въ рамки «представленія», но это «психическое» признаетъ только за одну опредѣленную область опыта. Эмпиріокритицизму нѣтъ также дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще: и матерія, и духъ для него только комплексы элементовъ, а всякая «сущность» и всякое сверхъ-опытное познаніе — термины безъ содержанія, пустыя абстракціи. Если мы назовемъ это міровоззрѣніе критическимъ, эволюціоннымъ, соціологически окрашеннымъ позитивизмомъ, то мы сразу укажемъ тѣ главныя теченія философской мысли, которыя слились въ немъ въ одинъ потокъ.

Разлагая все физическое и психическое на тожественные элементы, эмпиріокритицизмъ не допускаетъ возможности какого бы то ни было дуализма. Но здѣсь и возникаетъ новый критическій вопросъ: дуализмъ опровергнутъ, устраненъ, а достигнутъ ли монизмъ? Освобождаетъ ли въ дѣйствительности точка зрѣнія Маха и Авенаріуса все наше мышленіе отъ его дуалистическаго характера? На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно.

Критика опыта сдѣлала дуализмъ невозможнымъ,—и все же онъ остался, только принялъ новую форму. Опытъ одинъ по своему матеріалу — *но почему же въ немъ двѣ закономѣрности?* Связь физическаго и связь психическаго ряда принципіально различны, не сводимы одна на другую, и не допускаютъ объединенія въ какой нибудь третьей, высшей закономѣрности *). Это не дуализмъ реальности, а дуализмъ *способа познанія*, и Авенаріусъ полагаетъ, что «diese Dualität ist

*) Можно, конечно, свести ту и другую къ обобщающей ихъ абстракціи,—но это будетъ лишь безсодержательное понятіе о связи вообще, неспособное органически объединить двѣ основныя формы закономѣрности опыта.

kein Dualismus» (эта двойственность — не дуализмъ). Но такую точку зрѣнія трудно признать правильной, какъ бы ни была она успокоительна.

Дѣло въ томъ, что принципіально различныя, несводимыя къ единству закономѣрности для цѣльности и стройности познанія немногимъ только лучше принципіально различныхъ, несводимыхъ къ единству реальностей. Когда область опыта разбивается на два ряда, съ которыми познаніе принуждено оперировать совершенно различно, то познаніе не можетъ чувствовать себя единымъ и гармоничнымъ. Неминуемо возникаетъ рядъ вопросовъ, направленныхъ къ устраненію двойственности, къ ея замѣнѣ высшимъ единствомъ. Почему въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта возможны двѣ принципіально различныхъ закономѣрности? И почему ихъ именно двѣ? Почему зависимый рядъ, «психическое», находится въ тѣсномъ функціональномъ соотношеніи именно съ нервной системой, а не другимъ какимъ-либо «тѣломъ», и почему нѣтъ въ опытѣ безчисленнаго множества зависимыхъ рядовъ, связанныхъ съ «тѣлами» другихъ типовъ? Почему одни комплексы элементовъ выступаютъ въ обоихъ рядахъ опыта—и какъ «тѣла», и какъ «представленія», а другіе никогда не бываютъ тѣлами, и принадлежатъ всегда къ одному ряду, и т. д.?

Эмпріокритицистъ будетъ, конечно, правъ со своей точки зрѣнія, отвергая самую постановку этихъ вопросовъ: дѣло познанія — описать то, что имѣется въ опытѣ, и если въ немъ есть двойственность, то это надо констатировать, а незачѣмъ спрашивать «почему»? Но вопросъ «почему» выражаетъ въ данномъ случаѣ несомнѣнную, вполнѣ реальную потребность въ описаніи дѣйствительно гармоничномъ, логически единомъ,— потребность, которую въ общемъ критика опыта признаетъ вполнѣ законною, и отрицаніе вопроса оставляетъ эту потребность совершенно неудовлетворенною.

Между «двойственностью» и «дуализмомъ» въ познаніи нѣтъ никакой рѣзкой границы: двойственность становится дуализмомъ по мѣрѣ того, какъ выступаетъ интенсивнѣе стрем-

леніе къ гармоніи познанія, къ его единству, по мѣрѣ того, какъ развивающаяся психика становится чувствительнѣе ко всякому раздвоенію, а элементы обѣихъ сторонъ двойственности все чаще одновременно выступаютъ въ сознаніи, порождая накопляющееся чувство противорѣчія. Для Спинозы двойственность познаваемыхъ аттрибутовъ единой субстанціи, мышленія и протяженія, совсѣмъ не противорѣчила монизму системы, но для насъ, людей XX вѣка, она уже несомнѣнный дуализмъ. То же должно стать и со всякой принципіальной двойственностью способовъ познанія.

Вотъ почему наше стремленіе къ идеалу познанія необходимо ставитъ задачу — преодолѣть эту двойственность.

III.

Разсмотримъ нѣсколько ближе и внимательнѣ отношеніе двухъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго. Намъ надо какъ можно точнѣе *характеризовать* ихъ различія и, если окажется возможнымъ, выяснить *генезисъ* этихъ различій. Вопросъ о генезисѣ можетъ показаться здѣсь несообразнымъ; но постараемся отдѣлаться отъ всякаго предвзятаго сужденія о немъ и посмотримъ, не приводитъ ли къ этому вопросу строго критическій анализъ самыхъ различій.

Постоянная характеристик всего «физическаго» — это его *объективность*. Никто не можетъ представить себѣ физическаго тѣла или процесса, которые можно было бы обозначать какъ нѣчто «субъективное». Здѣсь нѣтъ никакихъ исключеній. Но что значитъ «объективное»?

Первый, представляющійся наиболѣе простымъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: объективнымъ мы называемъ то, что прочно и устойчиво въ нашемъ опытѣ. Но подобный взглядъ необходимо сразу отвергнуть. Въ физическомъ мірѣ наблюдаются крайне мимолетныя, почти неуловимыя событія, и это не лишаетъ ихъ характеристики «объективнаго». Наоборотъ, въ психическомъ мірѣ встрѣчаются крайне прочныя

и устойчивыя, постоянно возвращающіяся комбинаціи, къ которымъ эта характеристика безусловно не подходитъ. Форма даннаго облака въ данный моментъ есть нѣчто вполнѣ объективное, хотя черезъ $^1/_{10}$ секунды она будетъ уже совсѣмъ не та; наоборотъ, воспріятіе солнечнаго движенія по небесному своду — чрезвычайно устойчивая, часто повторяющаяся психическая комбинаціи, и однако, мы не можемъ признать этого движенія за объективный фактъ. Очевидно, надо искать иного опредѣленія.

Можно стать на такую точку зрѣнія: объективно для насъ въ явленіяхъ то, на чемъ мы можемъ съ успѣхомъ основываться въ своей дѣятельности, то, что не приводитъ насъ къ практическимъ противорѣчіямъ. Физическія тѣла съ ихъ свойствами представляютъ нѣчто объективное потому, что мы, принимая эти тѣла за реальности и пользуясь ихъ выясненными свойствами, не приходимъ къ противорѣчіямъ съ самими собой. Это, въ сущности, модификація предыдущаго взгляда, только захватывающая опытъ въ болѣе широкихъ рамкахъ. Но и она должна быть отвергнута, и именно постольку, поскольку она относится *къ индивидуальному, а не коллективному опыту*. Отдѣльное лицо въ теченіе всей своей жизни нерѣдко исходитъ практически изъ весьма субъективныхъ воззрѣній, но, благодаря узости рамокъ своего опыта, не приходитъ къ ощутительнымъ противорѣчіямъ. Крестьянинъ, не выѣзжающій изъ деревни, можетъ всю жизнь считать землю плоскимъ кругомъ, небо—голубымъ хрустальнымъ сводомъ, а солнце — блестящимъ кружкомъ, ежедневно проходящимъ по этому своду; и гармонія его практической жизни нисколько не пострадаетъ; однако, объективны ли эти данныя его опыта? Еще больше могутъ уяснить вопросъ нѣкоторые патологическіе случаи. Встрѣчаются параноики, которые до конца остаются въ своемъ собственномъ, нереальномъ мірѣ, съ несуществующими людьми, обыкновенно ихъ преслѣдующими. Считаясь съ этими личностями, ведя борьбу противъ нихъ, параноикъ иногда, именно при высоко систематизированномъ бредѣ, не при-

ходитъ ни къ какимъ познавательнымъ противорѣчіямъ въ своемъ опытѣ; но попробуй онъ (что, конечно, едва ли возможно) хоть на короткое время отнестись къ своимъ врагамъ объективно въ нашемъ смыслѣ, т.-е. признать ихъ не реальными, не принимать мѣръ противъ ихъ злоумышленій, и очень скоро новыя репрессіи съ ихъ стороны привели бы его къ практическому противорѣчію. Здѣсь въ *личномъ* опытѣ «объективное» не можетъ служить надежной основой для практики, а «субъективное» можетъ *).

Мы приходимъ къ такому выводу: характеристика «объективности» вообще не можетъ имѣть своей основой индивидуальный опытъ—ни устойчивость его сочетаній, ни гармонію результатовъ дѣятельности съ ея исходными данными опыта. Основа «объективности» должна лежать въ сферѣ *коллективнаго* опыта.

Объективными мы называетъ тѣ данныя опыта, которыя имѣютъ одинаковое жизненное значеніе для насъ и для другихъ людей, тѣ данныя, на которыхъ не только мы безъ противорѣчія строимъ свою дѣятельность, но на которыхъ должны, по нашему убѣжденію, основываться и другіе люди, чтобы не прійти къ противорѣчію. Объективный характеръ физическаго міра заключается въ томъ, что онъ существуетъ не для меня лично, а для всѣхъ, и для всѣхъ имѣетъ опредѣленное значеніе, по моему убѣжденію, такое же, какъ для меня. Объективность физическаго ряда—это его *общезначимость* *). «Субъективное» же въ опытѣ,—это то, что не обладаетъ обще-

*) Прекрасный случай этого рода цитированъ у С. Корсакова („Курсъ психіатріи", т. I. стр. 198 и слѣд.)—систематизированный бредъ съ детальнымъ описаніемъ членовъ преступнаго тайнаго общества, которое преслѣдуетъ больного, ихъ наружности, манеръ и характеровъ. Вся жизнь больного сводилась къ различнымъ отношеніямъ съ этими несуществующими людьми.

**) Въ нашей литературѣ чаще употребляютъ терминъ „общеобязательность"—менѣе точный, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ излишній нормативный оттѣнокъ.

значимостью, что имѣетъ значеніе лишь для одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ.

Эта точка зрѣнія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она является общераспространенною и принимается очень различными философскими доктринами. Но если ее понять послѣдовательно-генетически, то она представится намъ въ новомъ освѣщеніи.

Общезначимость есть не что иное, какъ *согласованность* опыта различныхъ людей, *взаимное соотвѣтствіе* ихъ переживаній. Откуда же берется эта согласованность, это взаимное соотвѣтствіе? Слѣдуетъ ли считать ее «предустановленной гармоніей» или же результатомъ развитія?

Данныя для отвѣта мы можемъ найти въ развитіи формъ пространства и времени.

IV.

Въ ученіи о пространствѣ необходимо строго различать пространство чувственнаго воспріятія и абстрактное пространство—Sehraum u Raumbegriff Геринга, физіологическое и геометрическое пространство Маха. Хотя ихъ связь неразрывна, но въ системѣ опыта ихъ роль различна.

Физіологическое пространство есть то, которое нашъ непосредственный опытъ даетъ намъ съ одной стороны въ актѣ зрѣнія, съ другой стороны—въ актѣ осязанія: то, которое мы прямо воспринимаемъ въ видѣ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ. Абстрактное пространство—это пространство нашего мышленія, всеобъемлющее, не связанное ни съ какимъ частнымъ воспріятіемъ, пространство, представляемое нами, какъ «всеобщая» и «чистая» форма созерцанія. Свойства того и другого во многомъ очень различны.

Физіологическое пространство не обладаетъ ни однородностью, ни непрерывностью, ни постоянствомъ отношеній; точнѣе—оно обладаетъ всѣмъ этимъ лишь отчасти. Въ различ-

ныхъ его частяхъ вещи представляются неодинаковыми: одна и та же вещь становится больше или меньше—смотря по разстоянію, такой или иной формы—смотря по положенію относительно глаза. Находясь близко, предметы являются рельефными, вдали они теряютъ рельефъ, становятся плоскими, на извѣстномъ предѣлѣ—исчезаютъ. Это относится къ пространству глаза; пространство осязанія болѣе устойчиво, но въ общемъ оно сходно съ первымъ. Въ немъ величина и форма предметовъ также измѣняются въ зависимости отъ условій прикосновенія: то или иное положеніе рукъ при ощупываніи, вообще прикосновеніе тѣми или иными частями тактильной поверхности, а также обычное или необычное состояніе этой поверхности. Въ полости рта, при ощупываніи языкомъ одинъ и тотъ же предметъ представляется больше, чѣмъ при осязаніи руками; то, что гладко при прикосновеніи къ щекамъ, оказывается шероховатымъ для пальцевъ; то, что составляетъ два предмета, напр., два острія циркуля, для кожи пальцевъ, можетъ быть однимъ предметомъ для кожи лба или плечъ, и т. д. Вообще, неоднородность физіологическаго пространства, неустойчивость его отношеній настолько привычны для насъ, что даже не привлекаютъ нашего вниманія, несмотря на крайнюю иногда фантастичность происходящихъ въ немъ превращеній.—Наконецъ, физіологическое пространство всегда *ограничено*; это то, что мы называемъ «полемъ» зрѣнія или осязанія.

Не таково абстрактное пространство. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно строго однородно; въ немъ все совершается непрерывно, и всѣ отношенія закономѣрны. Въ немъ вещи не мѣняютъ ни формы, ни величины безъ внѣшняго воздѣйствія, не появляются и не исчезаютъ безъ достаточныхъ основаній, не мѣняютъ своихъ свойствъ въ силу одного только положенія въ той или иной его области. Это пространство безконечно.

Въ физіологическомъ пространствѣ звѣзды являются маленькими свѣтящимися точками съ расходящимися отъ нихъ измѣнчивыми полосками свѣта—лучами, съ непрерывными пе-

реливами цвѣта; эти точки существуютъ въ теченіе ночи и исчезаютъ съ наступленіемъ дня; разстояніе ихъ отъ глаза не больше разстоянія видимаго вдали лѣса или горъ. Въ абстрактномъ пространствѣ онѣ таковы, какими изображаетъ ихъ намъ астрономія въ своихъ подавляющихъ всякое воображеніе картинахъ...

Каково же взаимное отношеніе обоихъ видовъ пространства? Физіологическое пространство есть результатъ развитія; въ жизни ребенка оно лишь постепенно кристаллизуется изъ хаоса зрительныхъ и тактильныхъ элементовъ. Это развитіе продолжается и за предѣлами первыхъ лѣтъ жизни: въ воспріятіи взрослаго человѣка и разстоянія, и величины, и формы предметовъ устойчивѣе, чѣмъ въ воспріятіи ребенка. Я отчетливо помню, что мальчикомъ лѣтъ 5 разстояніе между землей и небомъ я воспринималъ, какъ величину въ 2 — 3 раза больше высоты двухъэтажнаго дома, и очень удивлялся, когда, забравшись на крышу, не нашелъ, чтобы замѣтно приблизился къ небесному своду. Такъ я ознакомился съ однимъ изъ *противорѣчій* физіологическаго пространства. Въ воспріятіи взрослаго человѣка этихъ противорѣчій меньше, но они всегда есть.

Абстрактное пространство *свободно отъ противорѣчій*. Въ немъ одинъ и тотъ же предметъ, не подвергающійся достаточнымъ воздѣйствіямъ, не оказывается и больше, и меньше опредѣленнаго другого предмета, и такой и иной формы и т. д. Это пространство строгой закономѣрности, всюду совершенно однообразной.—Существуетъ мнѣніе, что оно для всѣхъ вполнѣ одинаково и не можетъ измѣняться. Апріористы утверждаютъ что за всю исторію человѣчества, поскольку она намъ извѣстна, «чистое пространство» (пространство, какъ форма интуиціи) не измѣнялось.

Но это послѣднее утвержденіе *фактически* невѣрно. Исторія показываетъ, что и абстрактное пространство есть результатъ развитія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нѣтъ надобности даже идти къ ребенку, къ дикарю, къ первобытному человѣку,

которыхъ апріористъ такъ охотно надѣляетъ абстрактнѣйшими изъ своихъ представленій. Достаточно обратиться къ философамъ древности и новаго времени.

Аристотель отрицалъ возможность пустого пространства, и въ то же время утверждалъ пространственную ограниченность вселенной. Такимъ образомъ для него пространство не являлось безконечнымъ, хотя безконечность времени онъ признавалъ.—Для Эпикура пространство въ самомъ себѣ заключало верхъ и низъ, чѣмъ онъ и объяснилъ движеніе потока атомовъ; такимъ образомъ абсолютное пространство было неоднородно. Въ сущности, кажется, только Кантъ достаточно отчетливо представилъ абстрактное пространство строго однороднымъ: только онъ установилъ впервые *относительность всякаго движенія*, а эта относительность есть именно прямое выраженіе всеобщей однородности пространства. Если пространство обладаетъ абсолютной однородностью, то движеніе А по направленію къ В и движеніе В по направленію къ А, очевидно, вполнѣ тожественны — безъ отношенія къ другому тѣлу положеніе даннаго тѣла не можетъ различаться въ пространствѣ, всѣ части котораго совершенно одинаковы. Такъ какъ относительность всякаго движенія, однако, не сознавалась прежде, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что и абстрактное пространство людей того времени сохраняло еще нѣкоторые слѣды неоднородности *). Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что абстрактное пространство есть дѣйствительно результатъ познавательнаго развитія человѣчества.

Отношеніе физіологическаго и абстрактнаго времени, въ общемъ, таково же, какъ отношеніе разсмотрѣнныхъ нами формъ

---

*) Исторія геометріи указываетъ также на различную степень абстрактности пространства у греческихъ и индусскихъ геометровъ. Одна и та же пара фигуръ для грека представляла случай равенства, а для индуса—случай симметріи. Аналогичныя различія имѣлись и въ ученіи о подобіи фигуръ.

пространства. Физіологическое время по сравненію съ абстрактнымъ неоднородно: оно течетъ неравномѣрно, то быстро, то медленно, иногда даже какъ будто перестаетъ существовать для сознанія—именно во время глубокаго сна или обморока; кромѣ того, оно ограничивается предѣлами личной жизни. Соотвѣтственно всему этому измѣнчива и «временная величина» однихъ и тѣхъ же явленій, взятыхъ въ физіологическомъ времени: одинъ и тотъ же процессъ, не испытывая никакихъ воздѣйствій, можетъ протекать для насъ «быстро» или «медленно», а иногда и совсѣмъ оказывается внѣ нашего физіологическаго времени *). Не таково время абстрактное («чистая форма созерцанія»): оно строго однородно и непрерывно въ своемъ теченіи, и явленія въ немъ выступаютъ въ строгой закономѣрности. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ — въ прошломъ и будущемъ — оно безконечно.

Несомнѣнно, что время—не только болѣе общая, но и болѣе ранняя по генезису форма опыта, чѣмъ пространство **). Поэтому уловить слѣды историческихъ измѣненій по отношенію къ этой формѣ гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію къ пространству — даже абстрактное время повсюду на памяти исторіи является уже приблизительно сложившимся. Однако можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что въ неразвитомъ мышленіи дѣтей или низко стоящихъ дикарей чистое время еще не обладаетъ характеромъ *безконечности*. Кромѣ

*) Любопытенъ въ этомъ отношеніи тотъ общеизвѣстный фактъ, что скучно проводимое время, которое тянется въ непосредственномъ переживаніи страшно медленно, въ воспоминаніи кажется затѣмъ очень короткимъ. Попытку объясненія этого факта см. у Маха, „Analyse der Empf.“, глава XII, гдѣ дается и общій анализъ временныхъ ощущеній.

**) Rudolph Willy отожествляетъ даже физіологическое время *съ потокомъ опыта*, со смѣною переживаній различной широты и интенсивности („Время—это самый опытъ въ его теченіи“... См. „Krisis der Psychologie“, глава, посвященная критикѣ Маха). Для нашей цѣли вопросъ объ *элементахъ* физіологическаго времени значенія не имѣетъ.

того, вопросъ о *началѣ* времени существовалъ еще и для греческой философіи, а затѣмъ игралъ извѣстную роль въ патристикѣ. Но если этотъ вопросъ могъ выступать въ сознаніи мыслителей, то очевидно, что самая «форма созерцанія» не обладала еще той опредѣленностью и отчетливостью, какъ въ наше время.

Мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Абстрактное пространство и время суть продукты развитія. На своихъ низшихъ стадіяхъ они сохраняютъ частью и такія особенности физіологическаго пространства и времени, которыя на высшихъ стадіяхъ совершенно или почти совершенно теряютъ. Очевидно, чистыя «формы созерцанія» возникаютъ *изъ* физіологическаго пространства и времени. Но какимъ способомъ? Это можно выяснить путемъ сравненія тѣхъ и другихъ формъ.

Абстрактное пространство и время характеризуется тѣмъ, что въ нихъ *устранены всѣ противорѣчія* физіологическаго пространства и времени, такъ что опытъ *гармонизированъ*, согласованъ въ различныхъ своихъ частяхъ. Это достигается путемъ устраненія неоднородности физіологическаго пространства и времени, путемъ внесенія въ нихъ непрерывности, и путемъ ихъ мысленнаго расширенія за предѣлы всякаго даннаго опыта.

Далѣе, абстрактное пространство и время *объективны*, т.-е. существуютъ не только для данной личности и въ данныхъ ея переживаніяхъ, но для всѣхъ познающихъ, обладаютъ *общезначимостью;* въ этомъ они также представляютъ противоположность физіологическому пространству и времени, у которыхъ окраска субъективная, значеніе индивидуальное, ограниченное.

Всѣ эти различія очень глубоки и важны, но на основаніи предыдущаго мы не должны придавать имъ абсолютнаго характера: если абстрактныя формы пространства и времени сложились въ процессѣ развитія, то и ихъ специфическія особенности на каждой данной ступени развитія принадлежатъ имъ лишь постольку, поскольку эти формы дѣйствительно уже

сложились. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, въ мышленіи древнихъ не достигалась въ такой мѣрѣ, какъ въ современномъ, ни однородность пространства, ни его безграничность, и, слѣдовательно, объективность, т.-е. общезначимость, нашихъ «формъ созерцанія» не безусловна по отношенію къ древнимъ, а также и наоборотъ.

Это приводитъ насъ къ слѣдующему важному положенію: объективность или общезначимость данныхъ формъ пространства и времени относится въ дѣйствительности только къ существамъ, до извѣстной степени близкимъ по степени своего познавательнаго развитія *). Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно выступаетъ вопросъ о происхожденіи этой объективности. Оно же неразрывно связано съ происхожденіемъ другихъ особенностей абстрактнаго пространства и времени.

Какимъ путемъ возможенъ для познающей личности переходъ отъ постоянно неоднородныхъ, лишенныхъ непрерывности и всегда ограниченныхъ пространственныхъ и временныхъ *воспріятій* къ однороднымъ, непрерывнымъ, безгранично развертывающимся *абстрактнымъ формамъ* пространства и времени? Только однимъ путемъ — *черезъ общеніе съ другими людьми.*

Въ индивидуальномъ опытѣ время течетъ иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, иногда какъ будто прерывается. Измѣняется

---

*) Я понимаю, что это положеніе можетъ вызвать въ душѣ читателя интенсивное чувство противорѣчія. Мы такъ привыкли представлять себѣ, что и всѣ другіе люди, прошлаго, настоящаго и будущаго, — и даже животныя живутъ „въ томъ же пространствѣ и времени, что и мы". Но привычка — не доказательство. Безспорно, что *мы* мыслимъ этихъ людей и животныхъ въ *нашемъ* пространствѣ и времени, но чтобы *они* мыслили себя и насъ *въ томъ же самомъ* пространствѣ и времени, это ни изъ чего не слѣдуетъ. Конечно, поскольку ихъ организаціи вообще сходны съ нашею, и поскольку ихъ высказыванія намъ понятны, мы можемъ предположить и у нихъ сходныя, но не тожественныя съ нашими „формы созерцанія".

временная мѣра опыта, и всѣ переживанія мѣняютъ свой темпъ. Что могъ бы создать изъ этого совершенно отдѣльный отъ другихъ людей познающій индивидуумъ—этотъ вѣчный Робинзонъ философіи? Все, что угодно, только не то, что для насъ требуется—однородность и непрерывность абстрактнаго времени. Воспоминанія означеннаго Робинзона обрываются на извѣстной границѣ; что онъ могъ бы вывести изъ этого? Все, что угодно, только не безконечность времени.—Но безчисленныя высказыванія другихъ людей, заполняя пробѣлы и сглаживая неровности его личнаго опыта, убѣждаютъ его въ томъ, что перерывы въ теченіи процессовъ природы, существующіе для него, не существуютъ для другихъ, и съ успѣхомъ могутъ быть замѣщены ихъ опытомъ, что замедленія и ускоренія въ теченіи опыта также «не объективны», т.-е. не сходятся съ опытомъ другихъ людей, и съ пользою могутъ быть выравнены соотвѣтственно этому чужому опыту. *Согласуя свои переживанія съ переживаніями другихъ людей, создалъ человѣкъ абстрактную форму времени.*

Совершенно невѣрно представленіе большинства психологовъ о томъ, что будто бы простое наблюденіе періодичности естественныхъ процессовъ, напр., движенія солнца, достаточно, чтобы создать идею равномѣрнаго теченія времени. Періодичные процессы природы въ воспріятіи дикаря идутъ также неравномѣрно: когда онъ доволенъ,—солнце движется быстрѣе, все кругомъ происходитъ въ болѣе живомъ темпѣ, когда ему скучно,—солнце движется медленно, и все окружающее замедляетъ свой темпъ. И это вполнѣ понятно для дикаря: вѣдь онъ—анимистъ и представляетъ всю природу по образу и подобію себя самого; онъ знаетъ, что онъ ходитъ иногда быстро, иногда медленно, въ зависимости отъ настроенія; и солнце, съ его точки зрѣнія, также мѣняетъ въ зависимости отъ настроенія свою небесную походку. Только высказыванія другихъ людей, для которыхъ нерѣдко время течетъ быстро тогда, когда для него медленно, и наоборотъ, только эти высказыванія ведутъ къ выработкѣ идеи однороднаго времени.

Что касается пространства, то въ личномъ опытѣ верхъ и низъ постоянно неоднородны, всѣ тѣла мѣняютъ свои свойства и характеръ движенія въ зависимости отъ того, приходится ли направлять кверху или книзу ихъ движеніе. Только такой поздній результатъ коллективнаго опыта, какъ представленіе о шарообразности земли и о паденіи тѣлъ къ ея центру, даетъ возможность принять принципіальную однородность всѣхъ направленій пространства; а для тѣхъ людей прошлаго, которые думали, что антиподы невозможны, потому что нельзя людямъ ходить вверхъ ногами, пространство, очевидно, не было однороднымъ.

О безконечности пространства въ индивидуальномъ опытѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Слѣдовательно, о пространствѣ приходится сдѣлать тотъ же выводъ, что и о времени: оно есть форма соціальнаго согласованія опыта различныхъ людей.

Всѣмъ этимъ рѣшается для насъ и вопросъ о генезисѣ объективности пространства и времени. Поскольку въ опытѣ различныхъ людей оказываются *согласованными* пространственныя и временныя отношенія, постольку отношенія эти и пріобрѣтаютъ общезначимость, т.-е. объективность.

Итакъ, что же означаютъ въ концѣ концовъ абстрактныя формы пространства и времени? Онѣ выражаютъ *соціальную организованность опыта.* Обмѣниваясь безчисленными высказываніями, люди непрерывно устраняютъ взаимно противорѣчія своего соціальнаго опыта, гармонизируютъ его, организуютъ его во всеобщія по значенію, т.-е. объективныя формы. Дальнѣйшее развитіе опыта идетъ уже на основѣ этихъ формъ и необходимо укладывается въ ихъ рамки.

Въ наше время экономисты и соціологи уже затрудняются примѣнять въ анализѣ нелѣпую фигуру Робинзона. Но экономическій Робинзонъ все-таки болѣе возможенъ, чѣмъ познавательный, этотъ невѣроятный солипсистъ, который чаще всего выступаетъ героемъ гносеологическихъ анализовъ, который познаетъ совершенно самостоятельно отъ другихъ людей и лишь

при помощи разныхъ тонкихъ уловокъ успѣваетъ перебраться за предѣлы своего «внутренняго міра» въ болѣе просторный міръ, «внѣшній», гдѣ обыкновенно и начинаетъ создавать различныхъ фетишей: «матерію», существующую независимо отъ нашего опыта, а также иныя «субстанціи». Кто изъ людей и когда интеллектуально жилъ и развивался внѣ соціальнаго опыта, внѣ среды «высказываній?» Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ наше время человѣкъ получаетъ абстрактныя формы опыта почти готовыми въ своей наслѣдственной психической организаціи. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что и соціально-сложившіяся формы могутъ въ долгомъ ряду поколѣній пріобрѣсти прочность, подобную прочности другихъ біологическихъ образованій, ту прочность, которая выражается въ органической наслѣдственности. При этомъ соціально-сложившіяся формы опыта окажутся дѣйствительно «a priori» опыта индивидуальнаго; и такой соціально-эволюціонный априоризмъ допустить вполнѣ возможно. Но надо помнить, что опытъ людей не можетъ быть всецѣло и безусловно уложенъ въ рамки этихъ сложившихся формъ: шагъ за шагомъ онъ можетъ измѣнять ихъ, что, какъ мы видѣли, и происходило на самомъ дѣлѣ

V.

Теперь у насъ есть исходная точка для рѣшенія болѣе общаго вопроса—о физическомъ и психическомъ мірѣ.

Общую характеристику «физической» области опыта представляетъ, какъ мы указали, объективность или общезначимость. Къ физическому міру мы относимъ исключительно то, что считаемъ объективнымъ; и если затѣмъ оказывается, что отнесенное такимъ образомъ переживаніе субъективно, т.-е. не обладаетъ дѣйствительной общезначимостью, то мы немедленно переносимъ его въ сферу психическаго, подъ именемъ, напр., галлюцинаціи, иллюзіи, сновидѣнія; а если научныя привычки мышленія у насъ недостаточно сложились, то мы

это переживаніе можемъ просто признать непостижимымъ, чудомъ и т. под., другими словами,— перестаемъ познавательно къ нему относиться.

Вопросъ о происхожденіи объективности физическаго міра послѣ предыдущаго не долженъ представлять большихъ затрудненій. Та согласованность коллективнаго опыта, которая выражается въ этой «объективности», могла явиться лишь какъ результатъ прогрессивнаго согласованія опыта различныхъ людей при помощи взаимныхъ высказываній. Объективность физическихъ тѣлъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ опытѣ, устанавливается въ конечномъ счетѣ на основѣ взаимной повѣрки и согласованія высказываній различныхъ людей. Вообще, физическій міръ это—соціально-согласованный, соціально-гармонизированный, словомъ — *соціально-организованный опытъ*. Вотъ почему онъ нераздѣленъ для насъ отъ абстрактнаго пространства и времени—этихъ основныхъ формъ, въ которыхъ выражается соціальная организованность опыта.

Здѣсь возможно такое возраженіе: въ цѣлой массѣ случаевъ мы убѣждаемся, и съ полнымъ основаніемъ, въ объективности различныхъ внѣшнихъ предметовъ помимо всякихъ чужихъ высказываній. Если я ушибъ ногу о камень, неужели объективность этого камня будетъ подлежать для меня сомнѣнію, пока я не дождусь чужихъ высказываній относительно этого камня? Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи.

Объективность внѣшнихъ предметовъ всегда сводится къ обмѣну высказываній *въ конечномъ счетѣ*, но далеко не всегда— *непосредственно* на немъ основывается. Въ процессѣ соціальнаго опыта складываются извѣстныя общія отношенія, общія закономѣрности (абстрактное пространство и время принадлежатъ къ ихъ числу), которыя характеризуютъ собою физическій міръ, которыя его охватываютъ. Эти общія отношенія, соціально сложившись и упрочившись, по преимуществу связаны соціальной согласованностью опыта, по преимуществу *объективны*. Всякое новое переживаніе, которое всецѣло согласуется съ ними, которое всецѣло укладывается въ ихъ

рамки, мы признаемъ объективнымъ, не дожидаясь ничьихъ высказываній: новый опытъ естественно получаетъ характеристику того стараго опыта, въ формы котораго онъ кристаллизуется.

Въ нашемъ примѣрѣ съ камнемъ, критеріемъ объективности камня является тотъ фактъ, что онъ находитъ себѣ мѣсто среди пространственной и временной послѣдовательности физическаго міра, какъ тѣло среди другихъ тѣлъ, и въ *причинной* связи съ другими явленіями этого ряда *). Камень оказывается среди «объективной» области опыта, и потому самъ выступаетъ для насъ какъ нѣчто объективное. Но контроль развивающагося соціальнаго опыта стоитъ всегда надъ этой объективностью и иногда отмѣняетъ ее. Домовой, который меня душитъ по ночамъ, обладаетъ для меня характеромъ объективности, быть-можетъ, ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ камень, о который я ушибаюсь; но высказыванія другихъ людей отнимаютъ эту объективность. Если забыть объ этомъ высшемъ критеріи объективности, то систематическія галлюцинаціи могли бы образовать объективный міръ, на что здоровые люди врядъ ли согласятся.

---

*) Причинная связь представляетъ изъ себя болѣе поздній продуктъ соціально-познавательнаго развитія, чѣмъ абстрактное пространство и время. На памяти исторіи она шагъ за шагомъ переходила отъ формы анимистической (причина явленія—дѣйствіе скрывающейся за нимъ воли духа) къ формѣ энергитической (причина явленія—другое явленіе, съ нимъ соизмѣримое, количественно ему эквивалентное, безъ остатка въ него переходящее). О различныхъ стадіяхъ этого развитія см. мои работы „Основ. элементы историч. взгляда на природу“, 1898 г., и „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“, 1901. См. также В. Оствальда—„Натуръ-философія“ (1901 года, русск. переводъ 1902 г.).

Въ своей новѣйшей фазѣ, „энергетической“, причинность пріобрѣтаетъ тотъ характеръ *однородности* отношеній между явленіями опыта, который раньше выработался въ „объективныхъ“ формахъ пространства и времени. Что касается до *непрерывности* и *безконечности*, то эти черты были уже давно общи при-

Итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ характеризовать физическій міръ, какъ соціально-организованный опытъ. Какова же въ такомъ случаѣ должна быть характеристика «психическаго»?

Область психики характеризуется прежде всего тѣмъ, что психическія переживанія одного лица не обладаютъ общезначимостью по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Мои воспріятія и представленія, взятыя въ ихъ непосредственности, существуютъ только для меня и лишь косвенно пріобрѣтаютъ познавательное значеніе для другихъ дѣтей, да и то только отчасти. То же самое относится къ моимъ эмоціямъ и стремленіямъ. Всѣ эти факты «внутренняго опыта» отличаются величайшей несомнѣнностью — но только для меня, только для того, кто ихъ переживаетъ. Они «субъективны», т.-е. не согласованы съ переживаніями другихъ людей, не приведены въ гармонію съ ихъ опытомъ и потому не имѣютъ для другихъ людей «объективнаго» характера. Они лишены той *соціальной организованности*, которая свойственна физическому опыту.

Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что и психическое соціально сообщается отъ однихъ людей другимъ при

чинному ряду съ временнымъ и пространственнымъ (хотя и не всегда въ немъ имѣлись).

Во всякомъ случаѣ, причинная связь — болѣе сложное образованіе, чѣмъ абстрактное пространство и время, и *ихъ уже предполагаетъ*; поэтому намъ и нѣтъ надобности спеціально останавливаться на ея соціальномъ генезисѣ. Юмъ, который сводилъ причинную связь только къ привычнымъ послѣдовательностямъ опыта, былъ, конечно, неправъ, и правъ былъ Кантъ, указывая, что изъ привычныхъ послѣдовательностей нельзя получить *общеобязательности* (общезначимости) причинной связи. Но и Юмъ имѣлъ полное основаніе отрицать *абсолютную общезначимость* причинной связи,—тутъ ошибка была на сторонѣ „гносеологія" Канта. Рѣшить же вопросъ не могли ни тотъ, ни другой, такъ какъ стояли на почвѣ индивидуализма въ опытѣ и познаніи, а *соціально-генетическая* точка зрѣнія была чужда имъ обоимъ

помощи высказываній — мимики, рѣчи, искусства. Сообщать свои переживанія другимъ—еще не значитъ достигать согласованности, гармоніи ихъ съ чужими переживаніями; отъ этого психическій опытъ отдѣльнаго лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективнаго опыта, онъ остается личнымъ опытомъ *).

Однако, психическій опытъ не является просто неорганизованнымъ, хаотическимъ. Хотя въ меньшей степени, чѣмъ опытъ физическій, но онъ обладаетъ извѣстной связностью, согласованностью. Его элементы *ассоціируются*—это его спеціальная форма организаціи; воспріятія, представленія, стремленія группируются въ опредѣленныя цѣпи и комплексы; наконецъ, все это объединяется около одного, наиболѣе прочнаго и устойчиваго комплекса воспоминаній, чувствъ и стремленій—того комплекса, который обозначается словомъ «я». Иначе говоря, и психическое организовано, но только не соціально, а индивидуально: это—индивидуально-организованный опытъ.

Во избѣжаніе путаницы терминовъ, я замѣчу, что и опытъ индивидуальный можетъ быть организованъ соціально, и опытъ соціальный можетъ быть организованъ индивидуально. Для астронома, только что открывшаго комету, эта комета пока еще только индивидуальный комплексъ элементовъ опыта; но такъ какъ онъ немедленно укладываетъ ее въ рамки соціально-организованнаго опыта, ставитъ въ общую связь этого опыта

---

*) Различіе между простой соціальностью опыта, выражающейся въ его передачѣ отъ людей къ людямъ, и его соціальной организованностью, совпадающей съ „объективностью“, можно пояснить аналогіей изъ экономическаго міра. Въ мѣновомъ обществѣ трудъ, несомнѣнно, соціаленъ, потому что одни работаютъ для другихъ и наоборотъ, что и обнаруживается въ обмѣнѣ товаровъ; но это не значитъ еще, чтобы трудъ былъ соціально-организованъ, т.-е. чтобы трудовыя дѣйствія людей были соціально согласованы, гармонизированы. Напротивъ, мѣновое производство всегда характеризуется, какъ неорганизованное, „анархическое“.

и согласуетъ съ другими его данными, то это его индивидуальное переживаніе сразу оказывается составной частью соціально-организованнаго опыта, въ данномъ случаѣ — астрономическаго міра. Наоборотъ, черезъ высказыванія другихъ людей человѣкъ усваиваетъ себѣ значительную часть соціальнаго опыта; но поскольку онъ ассоціативно объединяетъ этотъ соціальный опытъ съ другими психическими переживаніями около своего «я», постольку организуетъ его индивидуально; тогда этотъ опытъ является всецѣло психическимъ и относится, напр., къ сферѣ личной памяти.

Возможно еще одно терминологическое недоразумѣніе. Могутъ сказать: психическое познается, подобно физическому; существуетъ наука психологія и психологическіе законы; эта наука и эти законы выработаны соціально и органически входятъ въ систему общественнаго познанія, стало быть, психическій опытъ соціально организуется въ формѣ этихъ законовъ и не есть только опытъ индивидуально-организованный. Но это возраженіе легко устраняется выясненіемъ понятій «закона» и «опыта».

Законы отнюдь не принадлежатъ къ сферѣ опыта, къ сферѣ непосредственныхъ переживаній; законы — результатъ познавательной обработки опыта; они не даны въ немъ, а создаются мышленіемъ, какъ средство организовать опытъ, гармонически согласовать его въ стройное единство. Законы — это *абстракціи познанія;* и физическіе законы такъ же мало обладаютъ физическими свойствами, какъ психологическіе — свойствами психическими. Ихъ нельзя относить къ тому или другому ряду опыта; а потому, если они сами и образуютъ соціально-организованную систему, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы была соціально-организована и охватываемая ими область опыта. Они получаются изъ опыта путемъ отвлеченія; а можно вѣдь отвлечься, между прочимъ, именно отъ того, что дѣлаетъ данный опытъ соціально-неорганизованнымъ. Какъ разъ такъ и обстоитъ дѣло съ психологіей и ея законами: она отвлекается отъ *данной* конкретной личности,

отъ ея даннаго, отдѣльнаго «я», имѣетъ дѣло съ психической личностью вообще. Но именно данное отдѣльное «я», конкретность данной отдѣльной личности и есть то, что дѣлаетъ ея опытъ организованнымъ индивидуально, а не соціально.

Резюмируемъ. Антитеза физическаго и психическаго ряда переживаній сводится къ различію опыта, соціально-организованнаго, и опыта, организованнаго индивидуально.

VI.

На основаніи предыдущаго насъ не можетъ болѣе удовлетворять установленная Махомъ и Авенаріусомъ формулировка различій между физическимъ и психическимъ; мы не будемъ говорить о рядѣ «независимомъ» и рядѣ, зависимомъ отъ системы *C;* держась терминовъ Авенаріуса, мы должны были бы говорить о рядѣ, зависимомъ отъ «конгрегальной системы» (соціальной), и о рядѣ, зависимомъ отъ индивидуальной системы *C*. Но и такая характеристика еще недостаточно выражаетъ идею о *типѣ организаціи* того и другого ряда; между тѣмъ сущность дѣла заключается именно въ типѣ организаціи.

Теперь для насъ не представляютъ особыхъ затрудненій тѣ «вопросы дуализма», которые мы должны были поставить эмпиріо-критическому монизму. Если въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта мы находимъ двѣ принципіально различныхъ закономѣрности, то все же обѣ онѣ вытекаютъ одинаково изъ нашей собственной организаціи: онѣ выражаютъ двѣ біологически-организующихъ тенденціи, въ силу которыхъ мы выступаемъ въ опытѣ одновременно, какъ особи и какъ элементы соціальнаго цѣлаго. На вопросъ, почему этихъ типовъ организаціи опыта только два, мы скажемъ: ищите отвѣта въ біологической и соціальной исторіи человѣка; она разскажетъ вамъ, какъ въ борьбѣ за существованіе возникла родовая жизнь человѣка, какъ обособлялась въ ней личность, и въ то

же время развертывалась все болѣе широкая связь соціальная, и, наконецъ, какъ развивались, приспособляясь все къ той же борьбѣ, человѣческія формы мышленія съ ихъ современной двойственностью. При этомъ разрѣшится также вопросъ о томъ, почему одни комплексы элементовъ опыта выступаютъ иногда въ физическомъ, иногда въ психическомъ ряду, а другіе — только въ психическомъ: исключительно психическими являются комплексы эмоціональные и волевые, т.-е. тѣ переживанія, которыя, по условіямъ соціальной и внутри-соціальной борьбы, наиболѣе различно направлены въ различныхъ людяхъ.

Но если такимъ образомъ раньше поставленные вопросы дуализма теряютъ свою остроту, оказываясь принципіально разрѣшимыми, то тѣмъ настоятельнѣе требуетъ себѣ вниманія новый, вытекающій изъ этого ихъ рѣшенія вопросъ: каково относительное значеніе обоихъ типовъ организаціи опыта, какъ оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія развитія, какой судьбы надо ожидать для каждаго изъ нихъ въ случаѣ дальнѣйшаго прогресса человѣческой жизни? Вопросъ очень сложенъ, и можно надѣяться пока только на очень приблизительное его рѣшеніе, но нѣкоторыя данныя для этого рѣшенія имѣются.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно наблюдать взаимное соотвѣтствіе и гармонію обоихъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго, и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ—ихъ взаимную конкурренцію и даже противорѣчія. Гармонія и соотвѣтствіе обнаруживаются наиболѣе непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ воспріятія и представленія, какъ принято говорить, «правильны» или «соотвѣтствуютъ самимъ вещамъ», такъ что физическое тѣло и его психическій образъ въ достаточной степени «совпадаютъ», чтобы не получалось практическихъ и теоретическихъ недоразумѣній. Наоборотъ, когда воспріятія или представленія «неправильны», «не соотвѣтствуютъ вещамъ», когда человѣкъ испытываетъ «иллюзію», принимая одну «вещь» за другую, или переживаетъ «галлюцинаціи», «ошибки памяти», или просто «не понимаетъ», съ

какой вещью имѣетъ дѣло, то онъ, съ одной стороны, можетъ неудачно реагировать практически, такъ что получаетъ отъ данной «вещи» различныя вредныя воздѣйствія, съ другой стороны—оказывается неприспособленъ теоретически, т.-е. его высказыванія порождаютъ противорѣчія въ другихъ людяхъ, а также и въ немъ самомъ, поскольку онъ усвоилъ себѣ коллективный опытъ. Это—тѣ формы, въ которыхъ наиболѣе непосредственно проявляется взаимное несоотвѣтствіе, дисгармонія опыта соціально-организованнаго съ опытомъ, организованнымъ индивидуально, ряда физическаго съ рядомъ психическимъ.

Менѣе непосредственно выступаютъ гармонія и противорѣчія обоихъ рядовъ опыта въ процессѣ ихъ *познанія*, ихъ систематизаціи путемъ обобщенія и различенія. Здѣсь гармонія сводится къ тому, что и физическое, и психическое подводятся подъ однѣ и тѣ же обобщающія формы—«категоріи» или «законы», противорѣчіе начинается тамъ, гдѣ это не удается. Наприм., поскольку познающій подчиняетъ и физическое, и психическое единому закону причинности, постольку оба ряда гармонически объединяются въ познаніи; поскольку онъ подводитъ физическое подъ категорію причинности, а психическое—подъ категорію «свободы», т.-е. необусловленности, или представляетъ причинныя цѣпи обоихъ рядовъ абсолютно раздѣльными, нигдѣ не сливающимися, постольку передъ нами противорѣчіе физическаго и психическаго ряда въ видѣ «дуализма», т.-е. невозможности для познанія довести до конца свою объединяющую и обобщающую тенденцію.

Иногда противорѣчіе физическаго и психическаго принимаетъ форму ихъ конкурренціи. Это наблюдается и непосредственно—тамъ, гдѣ человѣкъ, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, считаетъ «реальное» за «кажущееся», дѣйствительность—за иллюзію, или, наоборотъ, принимаетъ за физическую реальность образы сновидѣній, галлюцинаціи, и т. под.; тогда область «физическаго» или «психическаго» прямо расширяется въ личномъ опытѣ за счетъ

другой. Затѣмъ въ познаніи, особенно въ философіи, конкурренція рядовъ выступаетъ въ видѣ матеріалистическаго или спиритуалистическаго монизма: въ первомъ случаѣ психическое просто включается познаніемъ въ физическій рядъ, во второмъ—наоборотъ: физическое укладывается въ рамки психическаго ряда. Въ обоихъ случаяхъ одинъ рядъ, такъ сказать, вытѣсняетъ другой, занимая его мѣсто въ познаніи.

Физіологическое пространство со всѣмъ его содержаніемъ представляетъ примѣръ того, какъ реально комбинируется физическое и психологическое, опытъ, организованный соціально, и опытъ, организованный индивидуально. Мы очень рѣдко поддаемся иллюзіямъ физіологическаго пространства, и наше воспріятіе того или иного предмета фактически, обыкновенно, заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ то, и притомъ гораздо больше, чѣмъ даетъ изображеніе въ сѣтчаткѣ. Видя какой-нибудь предметъ отчасти и только съ одной стороны, мы въ то же время сразу представляемъ его себѣ въ цѣломъ и со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ является, собственно, лишь въ геометрическомъ пространствѣ, и это дополняющее представленіе такъ неразрывно сливается съ непосредственнымъ воспріятіемъ, что нужно спеціальное усиліе психики, чтобы ихъ разграничить, чтобы видѣть не больше, чѣмъ имѣется въ оптическомъ изображеніи; а въ полной мѣрѣ это даже никогда не удается. Вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное воспріятіе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергается и нѣкоторому исправленію; напр., мы не только вообще не видимъ предметовъ вдвойнѣ двумя глазами, но они не удваиваются замѣтно для насъ по большей части и тогда, когда изображенія въ обоихъ глазахъ расположены не вполнѣ соотвѣтственно одно другому: дальніе предметы далеко не всегда двоятся въ тѣхъ случаяхъ, когда мы смотримъ на близкіе предметы, и наоборотъ. Психика постоянно стремится согласовать свой «психическій» опытъ съ опытомъ «физическимъ», дополняетъ и исправляетъ его этимъ послѣднимъ, въ результатѣ чего и получаются такія формы опыта, какъ физіологическое пространство,—формы, окрашен-

ныя частью «субъективнымъ», частью «объективнымъ» оттѣнкомъ.

Здѣсь мы попутно получили и біологическую оцѣнку обоихъ типовъ организаціи опыта: повсюду, гдѣ они конкуррируютъ или сталкиваются, жизненно высшимъ оказывается типъ соціально-организованный или объективный; съ нимъ долженъ быть согласованъ опытъ субъективный или организованный индивидуально, иначе получается жизненная неприспособленность. И это вполнѣ понятно, такъ какъ базисъ объективнаго опыта несравненно шире: этотъ базисъ—соціальное развитіе, жизнь милліоновъ людей въ тысячахъ поколѣній, тогда какъ субъективный опытъ имѣетъ своей органической основой въ каждомъ данномъ случаѣ лишь индивидуальный процессъ развитія опредѣленной личности. Такая оцѣнка въ сущности уже дана была нами, когда мы характеризовали одинъ рядъ опыта его «общезначимостью», другой— лишь «индивидуальной значимостью» *).

---

*) Еще разъ напомнимъ читателю, что „объективный“ опытъ вовсе не то, что „соціальный“ опытъ, и „субъективный“ не то, что „индивидуальный“. Соціальный опытъ далеко не весь соціально организованъ и заключаетъ въ себѣ всегда различныя противорѣчія, такъ что однѣ его части не согласуются съ другими; лѣшіе и домовые могутъ существовать въ сферѣ соціальнаго опыта даннаго народа или данной группы народа, напр., крестьянства; но въ опытъ соціально-организованный или объективный включать ихъ изъ-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируютъ съ остальнымъ коллективнымъ опытомъ и не укладываются въ его организующія формы, напр., въ цѣпь причинности Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ опытъ, пока еще индивидуальный, напр., опытъ какого-нибудь изслѣдователя, открывающаго новые факты и провѣряющаго, а частью опровергающаго старые, фактически въ наибольшей мѣрѣ гармонируетъ со всей совокупностью коллективнаго опыта и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его общими организующими формами. При этомъ въ случаяхъ перваго рода дисгармоническіе элементы соціальнаго опыта въ процессѣ развитія шагъ за шагомъ устраняются, со-

Но если одинъ изъ двухъ типовъ организаціи опыта является біологически-высшимъ, то очевидно, что процессъ развитія долженъ вести къ возрастающему господству именно этого типа, къ постоянной кристаллизаціи всего содержанія опыта именно въ его формахъ. Значитъ ли это, что другой типъ долженъ просто исчезнуть? Изъ предыдущаго нельзя сдѣлать такого вывода. Мы только видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, когда между двумя типами возникаетъ конкурренція или прямое противорѣчіе, то одинъ изъ нихъ долженъ подчиняться другому, уложиться въ его рамки, согласоваться съ нимъ, но отнюдь не просто уничтожиться. Тамъ, гдѣ «воспріятія» не соотвѣтствуютъ «воспринимаемымъ вещамъ», тамъ они должны быть исправлены въ соотвѣтствіи съ этими «вещами», но вовсе не исчезнуть и не перестать быть «воспріятіями», т.-е. «психическими фактами», а не «физическими явленіями». Психическій рядъ долженъ прогрессивно приспособляться къ ряду физическому, гармонизироваться съ нимъ, но не вытѣсняться имъ.

Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Индивидуальная организованность вовсе не исключаетъ организованности соціальной, а, наоборотъ, легко становится элементомъ этой послѣдней, такъ же, какъ и въ процессахъ труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключаетъ гармоническаго единства воли коллективной, а, наоборотъ, при извѣстныхъ условіяхъ позволяетъ этому послѣднему достигнуть выс-

---

храняя свое значеніе сначала для все меньшихъ и меньшихъ группъ общества, и затѣмъ только для отдѣльныхъ личностей; въ случаяхъ же второго рода индивидуальный опытъ принимаетъ мало-по-малу характеръ соціальнаго, распространяясь въ обществѣ все шире и шире. Именно на этомъ основана, съ одной стороны, непрерывная гармонизація соціальнаго опыта путемъ устраненія его противорѣчій, съ другой стороны, расширеніе соціальнаго опыта путемъ внесенія въ него новыхъ и новыхъ элементовъ индивидуальнаго опыта отдѣльныхъ, развивающихся личностей.

шей ступени. Несомнѣнно, что всякое низшее единство можетъ явиться интегральной частью единства высшаго, лишь бы оно было въ достаточной мѣрѣ согласовано съ другими низшими единствами, входящими въ составъ высшаго.

VII.

Дуализмъ опыта и познанія начинается не тамъ, гдѣ существуютъ два типа организаціи опыта, но тамъ, гдѣ тотъ и другой типъ не находятся въ организованномъ соотношеніи, т.-е. не объединены гармонически. Организація клѣтки, съ одной стороны, и организма, къ которому она вмѣстѣ съ другими клѣтками принадлежитъ, съ другой стороны, не образуетъ еще жизненнаго дуализма; онъ возникаетъ только тамъ, гдѣ клѣтка начинаетъ жить самостоятельной жизнью, не приспособляясь къ своему цѣлому; тогда отсутствіе гармоніи между частью и цѣлымъ даетъ себя почувствовать въ пониженіи жизнеспособности либо части, либо цѣлаго, либо того и другого вмѣстѣ. Это и есть дуалистическое противорѣчіе.

Такимъ же образомъ въ опытѣ и познаніи дуализмъ получается въ томъ случаѣ, если индивидуально-организованный опытъ перестаетъ быть нераздѣльной частью опыта соціально-организованнаго, если первый складывается въ самостоятельныя формы, независимыя отъ формъ второго, не приспособленныя къ нимъ гармонически, словомъ, если «психическое» превращается въ особый міръ со своими собственными категоріями и законами, не образующими органическаго единства съ категоріями и законами «физическаго». Тогда міръ опыта, лишенный цѣлостности, превращается въ міръ противорѣчій и борьбы; личность оказывается неспособной согласовать свои переживанія вообще и дѣйствія въ частности съ переживаніями и дѣйствіями другихъ людей, которые выступаютъ тогда въ ея опытѣ, какъ иначе организованныя единицы; а сознаніе путается въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ анимизма и метафизики. Именно таково современное положеніе человѣческой психики.

Выходъ изъ этого дуалистическаго положенія возможенъ только въ томъ случаѣ, если произойдетъ систематическое приспособленіе опыта индивидуально-организованнаго къ организованному соціально, такъ что первый найдетъ себѣ мѣсто въ объединяющихъ формахъ второго, какъ клѣтка въ системѣ тканей организма. Что этотъ путь единственный, какой можно теоретически допустить, въ томъ легко убѣдиться по способу исключенія. Если бы приспособленіе происходило въ обратномъ направленіи, соціально-организованный типъ приспособлялся бы къ индивидуально-организованному, то это означало бы, очевидно, просто уничтоженіе перваго изъ нихъ, сто систематическое разложеніе; ни о какой гармоніи соціальнаго опыта не могло бы быть и рѣчи. А предположить ихъ гармоническое сліяніе въ какомъ-нибудь иномъ, третьемъ и высшемъ типѣ мы не можемъ, если не хотимъ выходить изъ рамокъ опыта, въ которомъ вообще не имѣется никакихъ указаній на подобный третій типъ *). Остается только одинъ путь гармонизаціи опыта, именно тотъ, который былъ сейчасъ указанъ.

Въ самой дѣйствительности такая тенденція развитія непосредственно обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прямыя практическія потребности вынуждаютъ человѣка искать примиренія противорѣчивыхъ данныхъ опыта. Тогда онъ обыкновенно не задумывается ставить свой «психическій» и «субъективный» опытъ подъ контроль опыта «физическаго» и «объективнаго», провѣряетъ свои воспріятія и »представленія» при помощи этого послѣдняго, и устраняетъ изъ нихъ все, что въ его рамки и формы не укладывается. Тогда онъ высказывается,

---

*) Философія не разъ искала гармонизаціи опыта именно на этомъ пути—за предѣлами опыта, въ высшемъ познаніи. Но фактически выйти за предѣлы опыта и она, конечно, не могла, а приходила только къ пустымъ абстракціямъ и противорѣчивымъ образамъ, всѣ элементы которыхъ брались все-таки изъ опыта.

приблизительно, въ такомъ родѣ: «Мнѣ показалось то-то и то-то (опытъ какъ «психическое»); но этого не могло быть по такимъ-то и такимъ-то причинамъ (провѣрка при помощи причинности—формы «объективнаго» опыта, и установленныхъ, также изъ «объективнаго» опыта, фактовъ); очевидно, я ошибся (устраненіе тѣхъ элементовъ «субъективнаго», которые не приспособлены къ «объективному»); вѣроятно, въ дѣйствительности имѣется то-то и то-то; я думаю это по такимъ-то и такимъ-то причинамъ» (приблизительная гармонизація «субъективнаго» и «объективнаго» путемъ приспособленія перваго ко второму).—Существуетъ, правда, и противоположный путь приспособленія: «хотя все говоритъ въ пользу этого, но я немогу допустить, чтобы это было такъ, и вѣрю, что это не такъ, а вотъ какъ» (приспособленіе «объективнаго» къ «субъективному»); но это регрессивный путь приспособленія, на этомъ пути противорѣчія могутъ только возрастать, а система опыта и познанія—только дезорганизоваться.

Въ системѣ познанія, которая вся представляетъ прогрессивную гармонизацію опыта, подчиненіе «субъективнаго» въ опытѣ «объективному» представляетъ основной организующій принципъ, внѣ котораго самое познаніе немыслимо. Поэтому съ «субъективнымъ» оно считается лишь постольку, поскольку стремится согласовать его съ формами «объективнаго», напр., поставить въ причинную связь съ опредѣленными объективно установленными данными опыта. Только въ сферѣ познанія и возможна окончательная и общая гармонизація опыта, его всеохватывающая монистическая организація; опытъ же непосредственный, постоянно приносящій новыя и новыя переживанія, неизбѣжно приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ новыя частныя противорѣчія, которыя и должно примирить затѣмъ познаніе.

Вопросъ заключается теперь въ томъ, на какомъ пути познаніе способно осуществить эту монистическую организацію опыта, дать всеобщее примиреніе его дуалистическихъ противорѣчій. Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ слѣ-

дуетъ разсмотрѣть связь «физическаго» и «психическаго» тамъ, гдѣ обѣ эти области опыта всего тѣснѣе соприкасаются между собою.

VIII.

Психологи въ своихъ изслѣдованіяхъ большею частью принимаютъ практически,—а многіе изъ нихъ и теоретически,—принципъ такъ называемаго «психофизическаго параллелизма». Это — идея объ извѣстномъ постоянномъ соотношеніи между психическими явленіями и «физіологическими процессами нервной системы», именно такомъ соотношеніи, при которомъ каждому данному акту сознанія соотвѣтствуетъ опредѣленное измѣненіе въ нервной системѣ, такъ что «параллельно» ряду фактовъ сознанія развертывается рядъ одновременныхъ физіологическихъ нервныхъ процессовъ въ неразрывной и неизмѣнной связи съ ними. Какъ методъ изслѣдованія, эта точка зрѣнія оказалась въ высокой степени полезною и не встрѣтилась ни съ какими противорѣчіями, которыя могли бы принципіально подорвать ее,—вообще оправдала себя въ достаточной мѣрѣ.

Надо замѣтить, что на идеѣ параллелизма нѣкоторые философы—главнымъ образомъ, нео-кантіанскаго оттѣнка—пытались построить своеобразную форму «монистическаго міровоззрѣнія». Именно, физическое и психическое разсматриваются, какъ «двѣ стороны единой реальности»—внѣшняя и внутренняя; то, что для «внѣшняго» воспріятія выступаетъ, какъ физическое, для «внутренняго» воспріятія, по этому взгляду, является, какъ психическое, подобно тому, какъ дуга круга, разсматриваемая извнѣ, представляется выпуклою линіей, а изнутри — вогнутой. Взглядъ этотъ, очевидно, не стоитъ въ необходимой логической связи съ научно-психологической теоріей параллелизма; онъ заключаетъ въ себѣ то, чего въ ней нѣтъ—такъ называемую «интроэкцію», помѣщеніе психическаго міра *внутри* нервной системы, гипотезу, для нашихъ цѣлей

совершенно излишнюю и болѣе чѣмъ спорную. Принимать такую гипотезу намъ нѣтъ никакой надобности, разъ мы стремимся не удаляться безъ необходимости отъ того, что имѣется въ опытѣ; это нисколько не помѣшаетъ намъ сохранять *методологическую* идею параллелизма *).

Положеніе Авенаріуса о «функціональномъ соотношеніи» психическаго или, какъ онъ выражается, «ряда E», съ физіологическими измѣненіями центральнаго нервнаго аппарата, съ «рядомъ C», въ сущности, есть лишь другая формулировка *научнаго* психо-физическаго параллелизма. Въ самомъ дѣлѣ, это и есть признаніе постоянной, опредѣленной связи между соотвѣтственными членами обоихъ рядовъ; а понимать параллелизмъ въ какомъ-либо иномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, вродѣ, напр., геометрическаго параллелизма, конечно, не приходится, потому что явленія обоихъ рядовъ недостаточно сходны для того, чтобы допускать возможность такого параллелизма, какъ параллелизмъ однородныхъ линій или поверхностей.

Терминъ «психо-физическій параллелизмъ» употребляется и у Маха, но уже въ иномъ значеніи, когда онъ говоритъ о

*) Терминъ „интроэкція“ введенъ Авенаріусомъ, который ученію объ интроэкціи посвятилъ свою замѣчательную работу „Der menschliche Weltbegriff“. Тамъ дана и общая исторія интроэкціи (съ точки зрѣнія скорѣе логическаго, чѣмъ культурно-историческаго ея развитія), и ея общая критика (выясненіе логическихъ противорѣчій интроэкціи, обнаруживающихъ ея философскую несостоятельность).

Въ современномъ мышленіи интроэкціи принадлежитъ безусловное господство. Въ обыденной психологіи она выражается въ признаніи „тѣла“ внѣшней оболочкой „души“, какъ внутренней сущности. Въ психологической наукѣ и въ философіи она сказывается въ представленіи о „внѣшнихъ чувствахъ“, которыми воспринимается физическій міръ, и „внутреннемъ чувствѣ“, которымъ воспринимается міръ психическій. Физіологическій организмъ представляется какъ бы ящикомъ съ непрозрачными стѣнками, внутри котораго помѣщается „психика“.

Основное соображеніе, опровергающее интроэкцію, таково.

повторенiи однихъ и тѣхъ же комплексовъ въ сферѣ физическаго и въ сферѣ психическаго: то, что въ связи физическаго опыта является, какъ «тѣло», становится «воспрiятiемъ» или «представленiемъ» въ связи психическаго опыта. Но этотъ параллелизмъ *) не стоитъ ни въ какомъ противорѣчiи съ тѣмъ психо-физическимъ параллелизмомъ, о которомъ у насъ теперь идетъ дѣло, и относится къ совершенно иной области отношенiй—не къ болѣе узкому отношенiю между индивидуальнымъ сознанiемъ и нервной системой, а къ болѣе широкому отношенiю между индивидуальнымъ сознанiемъ и физическимъ мiромъ вообще. Для насъ же важно въ данный моментъ лишь первое изъ этихъ отношенiй.

Если мы припомнимъ то, что говорилось раньше о параллелизмѣ рядовъ опыта, образующихъ «тѣла» или «процессы» физическаго мiра, то сразу увидимъ, что психо-физическiй параллелизмъ относится безусловно къ тому же типу.—Въ самомъ дѣлѣ, физическое «тѣло» или «процессъ» образуется

Самъ органiамъ есть опредѣленный комплексъ зрительныхъ, тактильныхъ, и т. под. элементовъ въ ихъ опредѣленныхъ отношенiяхъ, и „внутри“ этого комплекса можно помѣщать только однородные съ нимъ, но меньшiе комплексы: органы, ткани, волокна, клѣтки; а помѣщать тамъ комплексы элементовъ иного типа, не однородные съ первымъ, не имѣетъ смысла: это все равно, что помѣщать мелодiю, воспринимаемую слухомъ, внутри музыкальнаго инструмента, воспринимаемаго зрѣнiемъ и осязанiемъ. Пространственныя отношенiя сами по себѣ суть *зрительно-тактильныя*, и потому нельзя комплексы иного, не зрительно-тактильнаго типа, ставить въ чисто-пространственныя отношенiя „внутри“ и „внѣ“.

*) Махъ называетъ его также „тожествомъ“, что, однако, не вполнѣ вѣрно: элементы, дѣйствительно, одни и тѣ же, но „воспрiятiе тѣла“, взятое отдѣльно, гораздо бѣднѣе ими, чѣмъ само „тѣло“. „Тѣло“—комплексъ гораздо болѣе опредѣленный и гораздо болѣе сложный, потому что оно образовалось путемъ соцiальной гармонизацiи безчисленныхъ „воспрiятiй“; въ „воспрiятiи“ оно никогда не является полностью, цѣликомъ, а всегда только отчасти; напр., „воспрiятiе“ тѣла никогда не можетъ дать его сразу со всѣхъ сторонъ.

путемъ органическаго сліянія различныхъ рядовъ опыта — различныхъ именно *по элементамъ*. Рядъ зрительный, тактильный, акустическій объединяются въ комплексъ, называемый хотя бы «человѣческое тѣло»; и основой этого объединенія является именно *параллелизмъ* этихъ рядовъ, т.-е. опредѣленное соотвѣтствіе между элементами одного и элементами другого, третьяго ряда. Различіе между самыми рядами не количественное, а *качественное*, т.-е. ихъ элементы абсолютно несводимы одни къ другимъ; но на основѣ взаимнаго параллелизма всѣ они объединяются вокругъ одного (обыкновенно тактильнаго) ряда въ цѣлостный комплексъ, съ которымъ и оперируетъ познаніе.

Совершенно таково же по существу отношеніе рядовъ психическаго и нервно-физіологическаго въ занимающемъ насъ вопросѣ: они *качественно различны по элементамъ, но связаны параллелизмомъ*, при чемъ параллелизмъ такой же, какъ, напр., между зрительнымъ и тактильнымъ рядомъ въ комплексѣ, называемомъ «человѣческій организмъ»: это строго опредѣленное функціональное соотношеніе между рядами, но отнюдь не прямое количественное и качественное соотвѣтствіе. Имѣется опредѣленное воспріятіе, эмоція, стремленіе; это — комплексъ такихъ-то и такихъ-то иннервацiонныхъ, тактильныхъ, зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. элементовъ. Соотвѣтственно такому «психическому» явленію мы, если возможно, наблюдаемъ, если не удается, представляемъ себѣ нѣкоторый опредѣленный «физіологическій процессъ»; это—комплексъ совершенно иныхъ элементовъ, тоже зрительныхъ, тактильныхъ и т. д., но отнюдь не тѣхъ, какіе образуетъ «психическій» комплексъ Если, напр., въ воспріятіи имѣются элементы «зеленаго», то ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы въ соотвѣтственномъ «физіологическомъ фактѣ» имѣлись такіе же элементы «зеленаго»; ихъ можетъ даже совсѣмъ не быть въ нашемъ представленіи нервныхъ процессовъ, а могутъ быть, напр. изъ цвѣтовыхъ элементовъ только «бѣлое», «черное», «красное». Рядъ физіологическій, при всемъ своемъ соотвѣтствіи съ

рядомъ психическимъ, оказывается состоящимъ изъ совершенно иного матеріала, точно такъ же, какъ въ любомъ «физическомъ тѣлѣ» рядъ зрительно-иннерваціонный, состоитъ изъ иного матеріала, чѣмъ тактильно-иннерваціонный, и т. под.

Изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ. Если познаніе въ своемъ стремленіи гармонизировать опытъ будетъ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своему уже выработанному методу, то оно должно связать психическій и нервно-физіологическій рядъ въ одинъ «процессъ», различно воспринимаемый, но цѣлостный, не психическій и не физіологическій, но психофизіологическій,—какъ человѣческое тѣло не есть комплексъ зрительный или тактильный, но зрительно-тактильный. Для познанія и здѣсь и тамъ дѣло должно итти о цѣлостныхъ комплексахъ, которые не даны ему непосредственно, но образованы имъ изъ многообразія элементовъ опыта; разница только въ томъ, что по отношенію къ физическимъ комплексамъ эта задача уже давно выполнена въ исторіи человѣчества, а по отношенію къ психо-физіологическимъ ее еще надо выполнить.

Именно такая активно-организующая дѣятельность познанія способна, по нашему мнѣнію, устранить дуалистическія противорѣчія и привести къ дѣйствительной гармоніи міровоззрѣнія. Это не будетъ монизмъ «сущности» или «реальности» — такія безсодержательныя понятія не могутъ удовлетворить критически-монистическаго мышленія; это будетъ монизмъ типа организаціи, по которому систематизируется опытъ, монизмъ познавательнаго метода. Посмотримъ, съ самомъ дѣлѣ, что даетъ онъ познающему въ его стремленіи достигнуть единства міропониманія.

Познаніе физическаго міра уже въ наше время по своему методу въ высокой степени монистично. Физическія явленія, при всей своей безконечной сложности и разнообразіи, уложены въ рамки всеохватывающихъ формулъ, пріобрѣтающихъ шагъ за шагомъ все болѣе опредѣленное содержаніе, все полнѣе гармонизирующихъ опытъ, дающихъ все больше возмож-

ности практическаго предвидѣнія и приспособленія. При этомъ для такихъ формулъ, особенно для основной изъ нихъ—закона сохраненія энергіи, не имѣютъ уже прямого значенія непосредственные элементы опыта въ ихъ смѣнѣ и различіяхъ: одно и то же «тѣло» или «процессъ», воспринимаются ли они въ зрительныхъ или тактильныхъ, или акустическихъ рядахъ, представляютъ однѣ и тѣ же энергетическія величины и комбинаціи. Познаніе отвлекается отъ способовъ непосредственнаго воспріятія, и на мѣсто міра «элементовъ» въ немъ выступаетъ міръ *отношеній*. Въ этомъ мірѣ стройность достигается путемъ цѣлесообразной группировки комплексовъ—ихъ разграниченій и соединеній соотвѣтственно требованіямъ наименьшихъ противорѣчій и наибольшей гармоніи;—самыя же группировки выполняются и фиксируются при помощи символовъ, выработка и подборъ которыхъ происходятъ въ соціальномъ процессѣ общенія. На этотъ процессъ общенія опирается все коллективное научное и философское творчество.

То же, что дѣлаетъ познаніе по отношенію къ физическому опыту, стремится оно выполнить и по отношенію къ опыту психическому. Но здѣсь оно наталкивается на массу особенныхъ трудностей и противорѣчій, которыхъ не удается устранить до тѣхъ поръ, пока познаніе въ этой области идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шло въ другой области опыта. Эти трудности и противорѣчія резюмируются, въ концѣ концовъ, однимъ словомъ «дуализмъ», а сущность ихъ заключается въ томъ, что тѣ различные методы, которыми оперируетъ познаніе въ обѣихъ областяхъ опыта, неминуемо то и дѣло встрѣчаются въ одномъ полѣ сознанія и создаютъ раздвоеніе психической дѣятельности, которое ощущается какъ познавательная неприспособленность, какъ дисгармонія мысли. Когда же психическое выступаетъ для познанія, какъ одинъ изъ параллельныхъ рядовъ комплекса, въ которомъ другіе ряды—зрительный, тактильный—способны образовать «физическое тѣло» (нервную систему), тогда дисгармонія исчезаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, познанію не приходится создавать особаго метода для каждаго изъ параллельныхъ рядовъ, сливающихся въ томъ или иномъ комплексѣ — оно имѣетъ дѣло съ цѣлыми комплексами. Психо-физіологическій процессъ, познаваемый какъ одно цѣлое, долженъ укладываться въ рамки того же метода, какимъ познается созданный изъ нѣкоторыхъ его рядовъ процессъ физіологическій—метода наукъ о физическомъ, для нашего времени—метода *энергетики*. При этомъ совершенно безразлично, будемъ ли мы брать для анализа элементы изъ ряда «физіологическаго» или изъ ряда «психическаго»; каждый разъ дѣло будетъ итти объ одной и той же энергетической величинѣ, потому что энергетическое познаніе отвлекается отъ способа воспріятія, а не беретъ, напр., рядъ зрительный и рядъ тактильный, какъ отдѣльные энергетическіе комплексы. Какъ въ обычномъ физическомъ комплексѣ, который называется «тѣломъ», одинъ изъ рядовъ опыта является организующимъ для другихъ, напр., рядъ тактильный, такъ въ комплексѣ психо-физіологическомъ одинъ изъ его рядовъ окажется организующимъ, основнымъ для познанія, и мы полагаемъ, что такимъ будетъ именно рядъ физіологическій, какъ болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый въ своихъ отношеніяхъ. Но это различіе и здѣсь такъ же несущественно для познанія, какъ въ физическомъ комплексѣ различіе организующаго тактильнаго и группирующихся около него зрительнаго, акустическаго и т. д. рядовъ. Одно и то же познавательное цѣлое — психо-физіологическій процессъ — можетъ восприниматься различными способами, но для познанія остается однимъ и тѣмъ же. Различія *элементовъ* исчезаютъ въ единствѣ *отношеній*, и цѣльность познанія возстановляется.

Но при этомъ теряетъ свой смыслъ и самое противопоставленіе «физическаго» и «психическаго». Опытъ организованный индивидуально входитъ въ систему опыта организованнаго соціально, какъ его нераздѣльная часть, и перестаетъ составлять особый міръ для познанія. «Психическое» исчезаетъ въ объединяющихъ формахъ, созданныхъ познаніемъ для «физиче-

скаго», но и физическое перестаетъ быть «физическимъ», какъ только у него нѣтъ его постоянной антитезы—психическаго. Единый міръ опыта выступаетъ, какъ содержаніе для единаго познанія. Это—эмпиріомонизмъ.

Эмпиріомонизмъ возможенъ только потому, что познаніе активно гармонизируетъ опытъ, устраняя его безчисленныя противорѣчія, создавая для него всеобщія организующія формы, замѣняя первичный хаотическій міръ элементовъ производнымъ, упорядоченнымъ міромъ отношеній. Можно, разумѣется, допустить, что эмпиріомонизмъ осуществится не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его представляемъ; но онъ долженъ осуществиться, а его невозможность означала бы конечную несостоятельность познанія.

Было бы неправильно думать, что, придя къ схемѣ эмпиріомонизма, мы достигли монистическаго міросозерцанія. Эта схема формулируетъ высшую познавательную тенденцію; но цѣльное міросозерцаніе можетъ получиться лишь путемъ систематическаго проведенія этой тенденціи. Познавательная картина міра не дается въ одной формулѣ — это организованная система наукъ и философіи; монистическая же схема есть лишь гармонизирующій принципъ этой картины, и нужна громадная работа, чтобы провести этотъ принципъ во всѣхъ частяхъ картины; а пока этого не сдѣлано, пока остаются частности, не подчиняющіяся гармонизирующей схемѣ, ей противорѣчащія или просто не проникнутыя ею, до тѣхъ поръ нельзя говорить о настоящемъ эмпиріомонизмѣ.

Принимая во вниманіе колоссальную массу коллективнаго труда, которую положило человѣчество на выработку системы наукъ и философіи, и долгій періодъ времени, въ теченіе котораго активно обнаруживалась тенденція къ познавательному монизму, естественно поставить вопросъ: почему же до сихъ

поръ монизмъ этотъ, несмотря на все, не успѣлъ сложиться? Почему даже схема его такъ долго не могла быть отчетливо формулирована?

Можно было бы, конечно, не останавливаться на этомъ вопросѣ, а просто принять, что гармонизація опыта дѣло настолько сложное и трудное, что, несмотря на массу затраченнаго времени и энергіи, человѣчество выполнило пока только часть его,—и этимъ удовлетвориться. Но намъ кажется, что есть основанія отмѣтить нѣкоторыя спеціальныя препятствія, которыя именно въ наше время ставятъ границу монистической тенденціи. Это позволитъ намъ сдѣлать и нѣкоторыя приблизительныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи познанія въ этомъ направленіи.

Современное общество раздроблено на классы и полно антагонизма. Люди, принадлежащіе къ одной соціальной системѣ, часто очень сильно отличаются другъ отъ друга и рѣзко сталкиваются въ жизни на почвѣ различія интересовъ. Конкурренція съ одной стороны отношенія раздѣленія труда и особенно господства и подчиненія съ другой окрашиваютъ собою всю соціальную жизнь нашего времени. Эти господствующія формы жизни не могутъ не наложить своего отпечатка и на область познанія.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что человѣкъ практически и познавательно противополагается другому человѣку. Практически — ихъ стремленія сталкиваются въ борьбѣ интересовъ, какъ той, которая ведется въ видѣ конкурренціи между представителями одного класса или группы, такъ и въ той, которая идетъ между классами или группами. Теоретически— они не понимаютъ другъ друга, какъ люди различнаго опыта и различныхъ типовъ мышленія. И борьба и непониманіе далеко не охватываютъ всей жизни людей, а существуютъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, рядомъ съ сотрудничествомъ и взаимнымъ пониманіемъ, также частичными; но поскольку они существуютъ, постольку монистическая организація опыта наталкивается на величайшія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ борется съ другимъ, онъ не можетъ съ достаточной полнотой передавать ему свой опытъ; какъ извѣстно, дѣло доходитъ до того, что человѣкъ въ борьбѣ часто принужденъ скрывать свои переживанія или даже извращенно передавать ихъ; отсюда столько «лжи» въ современномъ обществѣ, лжи зачастую необходимой, интегрально входящей въ самую систему отношеній. Уже этого достаточно для взаимнаго непониманія; но раздѣленіе труда дѣлаетъ сферу этого непониманія еще шире, чѣмъ сфера борьбы. Спеціалистъ не понимаетъ спеціалиста, поскольку матеріалъ ихъ опыта различенъ (напр., художникъ не понимаетъ ученаго, филологъ—естественника и т. п.), подчиняющійся не понимаетъ господствующаго, и наоборотъ, поскольку различенъ не только матеріалъ ихъ переживаній, но и ихъ фактическое отношеніе къ однимъ и тѣмъ же даннымъ опыта (напр., что для одного—орудіе труда, то для другого—орудіе эксплоатаціи и т. под.). Но что означаетъ «непониманіе»?

Оно означаетъ, что доступныя намъ (путемъ соціальнаго общенія) переживанія другихъ людей не укладываются въ закономѣрность нашего опыта, — мы не можемъ поэтому правильно оцѣнивать ихъ психическія состоянія и предвидѣть ихъ дѣйствія. И очевидно, поскольку опытъ однихъ людей лежитъ внѣ закономѣрности, т.-е. организованности для другихъ людей, постольку онъ необходимо является соціально неорганизованнымъ, или «субъективнымъ», или «психическимъ». Напротивъ, та часть опыта, для которой выработалась въ соціальномъ процессѣ общая, точнѣе — общезначимая закономѣрность, та часть выступаетъ какъ соціально-организованная, съ аттрибутомъ «объективности», съ характеристикой «физическаго». Здѣсь исходная точка антитезы, здѣсь же и базисъ для опредѣленія ея историческихъ границъ.

Замѣтимъ, что въ нашемъ опытѣ «психическимъ» являются по преимуществу тѣ его стороны, для которыхъ всего меньше достигается соціальное единство: эмоціи людей и ихъ стремленія наиболѣе рѣзко расходятся въ жизни, и именно эти

комплексы элементовъ никогда не находятъ себѣ мѣста въ физическомъ ряду, тогда какъ другіе комплексы, находящіеся у различныхъ людей въ менѣе противорѣчивыхъ отношеніяхъ, выступаютъ то въ психическомъ ряду, какъ «воспріятія» или «представленія», то въ физическомъ, какъ «тѣла». Стало быть, психическое тѣмъ въ большей мѣрѣ оказывается «психическимъ», чѣмъ болѣе оно индивидуально по своему характеру.

Въ наивномъ, неразвитомъ сознаніи нерѣдко и эмоціи «объективируются», переносятся въ физическій міръ; напр., красота, безобразіе, пріятность и т. под. считаются свойствами самихъ предметовъ (а не явленіями воспринимающаго сознанія). Это бываетъ именно тогда, когда эмоціональныя высказыванія людей настолько сходятся, такъ мало противорѣчатъ одни другимъ въ массѣ случаевъ даннаго рода, что люди привыкаютъ считать эти эмоціи *общезначимыми*, соціально согласованными, что и лежитъ, согласно нашей точкѣ зрѣнія, въ основѣ характеристики «объективнаго» или «физическаго» опыта.

Организующій центръ для всего психическаго представляетъ индивидуальное «я», противополагающееся другимъ «я». Когда «я» исчезаетъ изъ поля сознанія, прекращается и антитеза психическаго съ физическимъ. А это бываетъ не только въ моменты потери сознанія, но и въ моменты наивысшей его дѣятельности. Какъ отмѣчалъ еще Шопенгауэръ, глубокій эстетическій аффектъ устраняетъ «индивидуацію», т.-е. противопоставленіе нашего «я» внѣшнему міру, и психическаго физическому: въ восторженномъ созерцаніи прекрасной картины природы или истинно-художественнаго произведенія мы перестаемъ чувствовать раздвоеніе въ нашемъ опытѣ. Но то же относится и къ моментамъ познавательнаго творчества, и къ моментамъ напряженнаго проявленія коллективной воли: человѣкъ «забываетъ себя», и тогда его переживанія наиболѣе гармоничны.

Приспособленіе, называемое «я», выступаетъ всего ярче тамъ, гдѣ въ опытѣ обнаруживается дисгармонія, — дисгармо-

нія, подрывающая индивидуальное существованіе: это бываетъ тогда, когда мы чувствуемъ голодъ, холодъ, страхъ, тоску, неудовлетворенность... Это—приспособленіе для *индивидуальной* борьбы за жизнь, и потому только въ *индивидуалистическомъ* обществѣ, каково современное, оно для каждой личности становится центромъ опыта, рѣзко отдѣляющимъ ея «психическій міръ» отъ психическаго міра другихъ людей. Не такъ было въ первобытномъ обществѣ, съ его коммунизмомъ, съ отсутствіемъ внутренней борьбы и противорѣчій. Тамъ человѣкъ не умѣлъ отдѣлять себя отъ своей группы; его опытъ непосредственно сливался съ опытомъ другихъ людей, слово «я» обозначало для него собственное тѣло съ его непосредственными потребностями, но вовсе не комплексъ эмоцій и стремленій, рѣзко отграниченныхъ отъ эмоцій и стремленій другихъ людей, какъ это бываетъ въ современномъ обществѣ. Въ обществѣ высшаго типа, съ коллективно-организованнымъ трудомъ, съ устраненными внутренними противорѣчіями и рѣзкими различіями особей, человѣческое «я» такъ же мало, какъ въ обществѣ первобытномъ, могло бы послужить центромъ особаго міра—міра индивидуально-психическаго: въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, въ глубокомъ взаимномъ пониманіи людей исчезла бы всякая склонность противополагать свою «психику» психикѣ другихъ людей; и гармонически организованный коллективный опытъ далъ бы людямъ такую грандіозную полноту жизни, о которой мы, люди эпохи противорѣчій, не можемъ составить себѣ понятія.

Въ этомъ мірѣ и для познанія легко будетъ объединить всю сумму человѣческихъ переживаній въ гармонически-цѣлостныя, безконечно-пластичныя формы, въ которыхъ опытъ каждаго органически сольется съ опытомъ всѣхъ. И тамъ будутъ, конечно, противорѣчія въ опытѣ и въ познаніи; но это не будутъ безысходныя противорѣчія окаменѣлыхъ фетишей мысли, не допускающихъ никакой инстанціи надъ собою, а временныя разногласія творческаго мышленія людей, сознательно стремящихся согласовать и свести къ единству свои переживанія,

людей, сознательно отыскивающихъ наилучшія, наиболѣе цѣлесообразныя формы для такого согласованія и единства. Свободное стремленіе къ соціальной гармоніи познанія вмѣстѣ съ глубокой увѣренностью въ возможности и необходимости ея достиженія будетъ постоянно господствовать намъ всѣми проявленіями личнаго сознанія. Освобожденная отъ внутренняго разлада человѣческая мысль, ничѣмъ не затемненная, чистая и ясная, будетъ съ недоступной нашему воображенію энергіей прокладывать себѣ путь въ безконечность. Тамъ будетъ достигнутъ истинный эмпиріомонизмъ, который представляется намъ идеаломъ познанія.

Если мы сравнимъ этотъ идеалъ познанія съ современнымъ идеаломъ практически-трудовой жизни людей, то намъ въ глаза бросится ихъ глубокій внутренній параллелизмъ, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденція. Это не случайное сходство: изъ практики возникаетъ познаніе; гармонія практики и гармонія познанія имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ.

Жизнь и психика.

(Эмпиріомонизмъ жизни физіологической и психической).

А. Область переживаній.

I.

Потокъ переживаній, образующій то, что мы называемъ психической жизнью, не во всѣхъ своихъ моментахъ является настоящимъ объектомъ познанія, пригоднымъ его матеріаломъ: онъ становится такимъ объектомъ или матеріаломъ только тамъ, гдѣ выступаетъ въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ, въ формѣ *опыта*. Даже въ предѣлахъ непосредственнаго опыта есть много неясныхъ, смутныхъ переживаній, которыя исчезаютъ, едва возникши въ полѣ психики, которыя такъ неопредѣленны и кратковременны, что ускользаютъ отъ познанія, *почти* не существуютъ для него. Но остается еще вопросъ о томъ, что лежитъ за предѣлами *непосредственнаго* психическаго опыта, хотя не за предѣлами возможнаго опыта вообще.

Существуютъ ли достаточныя основанія, чтобы отрицать психическую жизнь въ утробномъ младенцѣ, въ человѣкѣ, спящемъ глубокимъ сномъ безъ остающихся въ памяти сновидѣній?—Все наше познаніе чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ проникается идеей *непрерывности*, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе способно мириться съ какимъ бы то ни было отклонені-

емъ отъ этой идеи, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлаетъ ее своей всеобщей предпосылкой. Между тѣмъ идеѣ этой безусловно противорѣчитъ представленіе о томъ, что психическая жизнь возникаетъ изъ ничего, какъ прибавочный феноменъ непрерывно развивающейся жизни физіологической, и на нѣсколько часовъ можетъ совершенно прекращаться, чтобы вновь воскресать изъ психическаго «ничто» въ моментъ пробужденія.—Однако ни утробная жизнь, ни сонъ безъ сновидѣній не даютъ намъ непосредственнаго психическаго опыта, а потому лишь косвенно могутъ служить матеріаломъ для психологическаго познанія. Это—темный хаосъ переживаній, въ которомъ нѣтъ «души», нѣтъ организованнаго единства, характеризующаго міръ опыта.

Психическій міръ ребенка первыхъ лѣтъ жизни, а также міръ сновидѣній и бреда представляютъ рядъ промежуточныхъ проявленій жизни, пограничную область психическаго хаоса и психическаго опыта. Здѣсь есть организованность, но только отрывочная: колеблющіеся образы, неустойчивыя сочетанія,—зарожденіе порядка среди безформеннаго матеріала жизни и вторженіе безформенной жизни въ порядокъ опыта. Естественно, что эти переживанія находятся въ неопредѣленномъ и измѣнчивомъ отношеніи къ системѣ опыта; въ сферѣ памяти мы находимъ только обрывки отъ впечатлѣній первыхъ лѣтъ жизни, перемѣшанные съ иллюзіями памяти и внушенными воспоминаніями, только изолированныя сцены изъ жизни сновъ, исчезающія въ массѣ неясныхъ ощущеній смутности и дисгармоніи. На зарѣ жизни человѣка и человѣчества эта область полу-организованной психической жизни еще господствуетъ надъ зарождающейся стройностью опыта и съ величайшей медленностью отступаетъ передъ ея развитіемъ; до сихъ поръ сохраняются еще слѣды такого господства, въ видѣ суевѣрій, предчувствій, мистики. Но давно уже несомнѣнна побѣда опыта, съ его возрастающей гармоніей и цѣлостностью.

Присмотримся поближе къ этимъ различнымъ степенямъ психическаго единства жизни, постараемся понять ихъ жиз-

ненную связь, объективныя условія ихъ взаимныхъ переходовъ.

Сравнивая состояніе спящаго глубокимъ сномъ человѣка съ состояніемъ утробнаго младенца, нельзя не найти большого сходства между ними: и здѣсь и тамъ внѣшнія впечатлѣнія устранены, проявленія жизни сводятся къ растительнымъ процессамъ, питаніе тканей организма преобладаетъ надъ его затратами, реакціи на внѣшній міръ отсутствуютъ, кромѣ немногихъ рефлексовъ. Вообще, глубокій сонъ представляетъ какъ-будто временное возвращеніе къ тому типу жизни, который свойственъ человѣку до рожденія, и по своему созидательному значенію для организма всего меньше похожъ на смерть съ ея неизмѣннымъ спутникомъ—разрушеніемъ организма. Однако между сномъ и утробной жизнью есть глубокая принципіальная разница: спящему достаточно проснуться, чтобы очутиться въ мірѣ опыта, въ сферѣ сознательной жизни; нерожденному младенцу для этого надо еще родиться и развиться. Въ одномъ случаѣ система опыта еще не успѣла развернуться и организоваться, въ другомъ—она временно какъ бы свертывается и дезорганизуется.

Сумма опыта, богатство переживаній и съ количественной, и съ качественной стороны опредѣляются отношеніемъ организма къ его средѣ. Тамъ, гдѣ между организмомъ и средой имѣется полное равновѣсіе, гдѣ соприкосновеніе организма и среды не представляетъ разницы въ напряженіяхъ энергіи, тамъ вообще нѣтъ почвы для переживаній: организмъ какъ бы не существуетъ, сливаясь въ безразличіи со своей средою. Всякое переживаніе есть различеніе, и жизни нѣтъ тамъ, гдѣ нечего различать. Но лишь только среда и организмъ выступаютъ, какъ энергетически-неуравновѣшенная комбинація, лишь только имѣется разность напряженій энергіи, лишь только возникаетъ опредѣленный потокъ энергіи между обоими комплексами—организму есть что переживать, безразличіе смѣняется жизнью.

Но пытаясь стать на эту точку зрѣнія, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ предразсудковъ, порожденныхъ поверхност-

ными аналогіями и недостаточнымъ анализомъ. Эти предразсудки можно формулировать такъ: *вѣра въ реальную жизнь безъ переживаній*, мысль, что переживанія—только эпифеноменъ, побочное явленіе жизни.

II.

До сихъ поръ преобладаетъ дуалистическое пониманіе жизни: физіологическая жизнь организма и его «психическія переживанія» разсматриваются, какъ двѣ совершенно различныхъ области, нигдѣ между собою прямо не соприкасающіяся, хотя и связанныя опредѣленной зависимостью. Зависимость эта, чаще всего обозначаемая, какъ «параллелизмъ», въ личномъ опытѣ оказывается, однако, неполной, прерывающейся; въ цѣломъ рядѣ случаевъ измѣненія нервнаго аппарата протекаютъ безъ всякаго замѣтнаго отраженія въ психикѣ, въ сферѣ сознанія. Только незначительная часть изъ мелкихъ и постоянно дѣйствующихъ на нервную систему раздраженій порождаетъ замѣтныя «впечатлѣнія»; а въ періоды временнаго прекращенія психической работы жизнь физіологическая остается, повидимому, совсѣмъ освобожденной отъ связи съ «психическими переживаніями». Такимъ образомъ переживанія эти какъ-будто представляютъ дѣйствительно только «эпифеноменъ» жизни, неизвѣстно откуда берущуюся и неизвѣстно куда исчезающую прибавку къ ея физіологическимъ проявленіямъ.—Выясняя же границы этого эпифеномена, можно найти много основаній считать ихъ очень узкими по сравненію съ громадными размѣрами біологическаго міра вообще.

Естественно предположить, что сложность переживаній психическаго организма соотвѣтствуетъ сложности нервно-мозговаго аппарата, съ состояніями котораго они связаны. Но при этомъ самъ собою является выводъ, что такихъ переживаній вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ нервно-мозговой системы, т.-е. напр., у всѣхъ Protozoa и у многихъ низшихъ Metazoa. И такъ какъ даже у человѣка съ его необычайно сложной нервной

системой переживанія эти наблюдаются не всегда, а только при наличности цѣлаго ряда условій, и чрезвычайно легко прерываются, то можно, повидимому, принять, что и существованіе центральнаго нервнаго аппарата, вообще говоря, не составляетъ еще достаточнаго базиса для заключенія о томъ, что имѣются «переживанія». — Въ результатѣ получается нельзя сказать чтобы очень стройная и гармоническая картина: передъ нами два типа жизненныхъ процессовъ, совершенно неоднородные по содержанію; одинъ изъ нихъ выступаетъ повсюду, а другой—въ нѣкоторыхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, какъ своеобразное дополненіе перваго, связанное съ нимъ опредѣленной для каждаго частнаго случая, но въ общемъ нерѣдко прерывающейся зависимостью.

Однако, если нестройность картины и оскорбляетъ наше эстетическое чувство, то это, повидимому, еще не говоритъ ничего противъ ея объективной вѣрности; основаніемъ же ея служатъ, повидимому, вполнѣ несомнѣнные факты опыта и вполнѣ законныя аналогіи, безъ какихъ вообще не можетъ обойтись познаніе.

Критика всякой познавательной концепціи сводится къ двумъ моментамъ; критика обобщеній и выводовъ съ точки зрѣнія опыта, и критика самого лежащаго въ основѣ ихъ опыта съ точки зрѣнія его связи и закономѣрности. Понятно, что начинать надо съ послѣдняго момента, потому что только провѣренный, освобожденный отъ ошибокъ и иллюзій опытъ является надежной основой для критики познанія. Въ занимающемъ насъ вопросѣ этотъ моментъ является особенно важнымъ.

Прежде всего необходимо установить наиболѣе прямую и непосредственную форму зависимости между «переживаніями» организма и его «физіологическими процессами»,—задача, рѣшеніе которой связано съ немалыми трудностями. Было бы, напр., ошибочно принять за такую форму зависимости связь между сложностью нервно-мозгового аппарата съ одной стороны, разнообразіемъ и полнотой переживаній—съ другой; это было бы ошибочно уже потому, что при самой развитой нервной

организаціи — у человѣка — наблюдаются не только сложныя переживанія, но рядомъ съ ними также весьма простыя и элементарныя, не только интенсивныя, но и очень слабыя, не только опредѣленныя, но и очень смутныя. Поэтому безполезны были бы всякія попытки дедуктивно установить, насколько сложный и развитой центральный аппаратъ нуженъ для того, чтобы жизнь организма осложнилась «переживаніями», и въ какомъ мѣстѣ лѣстницы живыхъ существъ они вообще возникаютъ. Для рѣшенія вопроса о психо-физическомъ параллелизмѣ жизни необходимы болѣе точныя и болѣе прямыя аналогіи.

За предѣлами нашего непосредственнаго психическаго опыта всякія переживанія—слѣдовательно, вообще всѣ *не наши* переживанія—становятся доступны нашему познанію лишь косвеннымъ путемъ — посредствомъ *высказываній*. Опредѣленная и постоянная связь нашихъ собственныхъ «психическихъ переживаній»—нашихъ воспріятій, представленій, стремленій, эмоцій—съ нашими двигательными реакціями служитъ основой для объединенія нашей психической жизни съ жизнью другихъ существъ, основой для «взаимнаго пониманія» того, что «переживается нами и другими. Съ анализа высказываній, въ ихъ связи съ непосредственными переживаніями, и начинается критика психическаго опыта.

Съ самаго начала здѣсь возможенъ вопросъ, насколько вообще законно и правильно къ наблюдаемымъ высказываніямъ другихъ организмовъ присоединять переживанія, подобныя нашимъ собственнымъ. Вопросъ этотъ разрѣшается очень легко: наибольшая часть нашего опыта дается намъ чрезъ чужія высказыванія, путемъ такого ихъ «пониманія», и оно же служитъ для насъ способомъ провѣрять и контролировать свой непосредственный опытъ опытомъ другихъ людей. На пониманіи высказываній основывается, такимъ образомъ, вся система объективнаго познанія, и такъ какъ она въ своемъ цѣломъ не впадаетъ въ противорѣчіе ни съ самой собою, ни съ жизнью вообще, такъ какъ на ней мы можемъ съ успѣхомъ строить свою практическую дѣятельность, то намъ остается только принять эту

систему, а вмѣстѣ съ ней мы должны принять и нашъ постоянный способъ «понимать» высказыванія, присоединяя къ нимъ, какъ ихъ необходимое дополненіе, воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи, вполнѣ аналогичныя нашимъ собственнымъ *).

Къ высказываніямъ принадлежатъ отнюдь не однѣ только спеціализированныя «формы выраженія», какъ рѣчь, мимика, искусство, но всѣ вообще двигательныя реакціи организма, которыя мы можемъ «понять» въ связи съ психическими переживаніями **). Если, напр., мы видимъ человѣка, выполняющаго какую-нибудь работу, то въ его дѣйствіяхъ мы находимъ для себя цѣлый рядъ высказываній: они ясно выражаютъ наличность, во-1-хъ, *воспріятія* всѣхъ объектовъ и орудій его труда, во-2-хъ, *представленія* о нѣкоторомъ желательномъ преобразованіи этихъ объектовъ, какъ о «цѣли», въ 3-хъ, *стремленія* достигнуть этой «цѣли» и принятаго *рѣшенія* въ этомъ смыслѣ. Всѣ такого рода *практическія* высказыванія имѣютъ не только не меньшее значеніе, чѣмъ «теоретическія», напр., словесныя, но даже значеніе основное по отношенію къ этимъ послѣднимъ: рѣчь, мимика и другія спеціальныя формы выраженія возникаютъ на почвѣ практическаго объединенія человѣческихъ дѣйствій, общественный трудъ людей есть первичная область ихъ общенія, а, стало быть, и высказываній, соціально-техническій процессъ порож-

---

*) Само собой разумѣется, что всякое частное высказываніе одного организма можетъ быть „неправильно понято“ другими вслѣдствіе, напр., различія ихъ опыта, ихъ физіологическаго строенія и т. под. Но въ этомъ случаѣ для возстановленія познавательной гармоніи и для устраненія практическихъ противорѣчій требуется только вмѣсто однихъ переживаній подставить другія, т.-е. надо опять-таки „понять“ высказыванія, только иначе, чѣмъ они прежде были поняты.

**) Мы думаемъ, нѣтъ надобности выяснять, что въ основѣ „выражающей“ реакціи, даже произносимаго слова, лежитъ опредѣленный комплексъ мускульныхъ сокращеній, реакція *двигательная*.

даетъ необходимость гармоническаго *объединенія опыта различныхъ людей*. Сотрудничество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—основа соціальнаго опыта *).

Но за всякой ли двигательной реакціей организма можно предполагать соотвѣтственныя переживанія, и всякое ли переживаніе выражается въ двигательныхъ реакціяхъ? Каждый изъ этихъ вопросовъ требуетъ особаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

III.

Изъ непосредственнаго опыта намъ извѣстно, что очень многія изъ нашихъ переживаній, громадное большинство ихъ, протекаютъ безъ всякихъ «высказываній», безъ всякихъ замѣтныхъ двигательныхъ реакцій. Изъ этого очевидно, что сфера переживаній несравненно шире сферы высказываній. Но насколько шире, и каково ближайшее соотношеніе обѣихъ? Это можетъ выяснить психо-физіологія.

Всякая мускульная реакція, а, слѣдовательно, и всякое вы-

*) Здѣсь нѣтъ возможности дать обстоятельное обоснованіе идеи о первичномъ характерѣ практическихъ высказываній, да и нѣтъ необходимости въ этомъ. Идея эта вытекаетъ изъ историко-монистической концепціи соціальнаго процесса и находитъ себѣ достаточно подтвержденій въ современныхъ научныхъ воззрѣніяхъ вообще (напр., въ ученіи Нуаре о происхожденіи корней, въ анализѣ связи техники и познанія у Эрнста Маха, и т. под.).

Отмѣтимъ, что Авенаріусъ, основывающій на анализѣ высказываній свою теорію познанія, понимаетъ подъ „высказываніями“ преимущественно или исключительно словесныя, мимическія и т. под., при чемъ упускаетъ изъ виду высказыванія практическаго характера, которыя онъ разматриваетъ только со стороны ихъ непосредственнаго практическаго значенія („ectectosystematische Aenderungen“, „appetitives Verhalten“ и т. под.). Впрочемъ, въ „Критикѣ чистаго опыта“ онъ вообще прямо не выясняетъ, что именно понимаетъ подъ „высказываніями“.

сказываніе предполагаетъ *нарушеніе равновѣсія* энергіи центральнаго нервнаго аппарата, потому что осуществляется путемъ *иннерваціи*, потока нервной энергіи отъ центра къ периферическому двигательному аппарату, — а при равновѣсіи системы потокъ этотъ, очевидно, не могъ бы возникнуть. Равновѣсіе же зависитъ отъ непрерывнаго и всесторонняго соотвѣтствія между «питаніемъ» системы и ея «работой», т.-е. между ассимиляціей энергіи изъ окружающей среды и затратами энергіи, ея переходомъ въ окружающую среду. Такимъ образомъ высказываніе обусловливается тѣмъ, что Авенаріусъ называетъ «жизнеразностью», т.-е. неполнымъ совпаденіемъ «питанія» и «работы», частичнымъ или общимъ для системы перевѣсомъ ассимиляціи надъ затратами энергіи или наоборотъ, — колебаніемъ энергіи системы вверхъ или внизъ отъ даннаго ея уровня, выражающаго жизненное равновѣсіе и психическое безразличіе.

Но не всякая «жизнеразность» прямо ведетъ къ высказываніямъ, а только такая, которая достаточно значительна и можетъ вызвать потокъ иннервации, способный привести къ замѣтнымъ движеніямъ организма. Громадная масса мелкихъ и мельчайшихъ жизнерадостей остаются безъ внѣшняго проявленія, пока не исчезнутъ путемъ внутренняго уравновѣшенія системы, или пока суммируясь не представятъ достаточную величину, чтобы выразиться въ физическихъ движеніяхъ. Но и крупныя, жизненно-важныя жизнеразности могутъ не порождать высказываній; какъ извѣстно, это бываетъ во-1-хъ, въ случаяхъ патологическихъ, при поврежденіи или разрушеніи нервныхъ проводниковъ, передающихъ иннервацію, при атрофіяхъ и пораненіяхъ мускуловъ и т. д.—вообще при всевозможныхъ паралитическихъ и паретическихъ состояніяхъ частей организма; во-2-хъ, что еще важнѣе, это бываетъ и въ случаяхъ вполнѣ физіологическихъ, вслѣдствіе задерживающаго вліянія однихъ центровъ на другіе, когда начинающійся потокъ иннервации непрерывно подавляется, такъ что не переходитъ въ настоящія двигательныя реакціи. Въ такихъ

случаяхъ переживаніе не связывается непосредственно съ высказываніемъ. Человѣкъ, напр., можетъ испытывать боль (что соотвѣтствуетъ быстро наступающему перевѣсу затратъ энергіи системы надъ ея ассимиляціей) и не выражать ея, либо потому, что боль слишкомъ незначительна, либо потому, что не имѣетъ возможности ея выразить вслѣдствіе ненормальнаго состоянія организма, либо потому, что желаетъ скрыть ее и подавляетъ ея внѣшнія проявленія.

При современномъ состояніи психофизіологіи наиболѣе вѣроятнымъ представляется такой взглядъ: всюду, гдѣ опытъ даетъ намъ переживанія безъ высказываній, тамъ при достаточномъ изслѣдованіи возможно обнаружить жизнеразность центральнаго аппарата; если же фактически обнаружить ее въ такихъ случаяхъ удается не всегда, то это зависитъ отъ грубости нашихъ методовъ,—и съ ихъ развитіемъ изслѣдованіе все рѣже приводитъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ.

Принимая это во вниманіе, естественно признать, что *область жизнеразностей и область переживаній вообще совпадаютъ*. Такая точка зрѣнія сразу дала бы намъ возможность въ стройной картинѣ представить отношеніе жизни психической и жизни физіологической; но передъ нами немедленно выступаютъ различныя затрудненія.

Прежде всего, если въ нашемъ опытѣ при наличности переживаній не всегда удается констатировать жизнеразности, то дѣйстительно ли это обусловливается только недостатками методовъ изслѣдованія, и не можетъ ли это, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зависѣть просто отъ того, что жизнеразности вовсе нѣтъ? Вообще, можно ли считать доказаннымъ, что полное равновѣсіе системы сопровождается психическимъ безразличіемъ, отсутствіемъ переживаній? Считать это *абсолютно* доказаннымъ при современномъ состояніи науки, разумѣется, нельзя; но очень многіе факты опыта говорятъ опредѣленно въ пользу этого и противъ всякаго иного допущенія.

Въ предѣлахъ существующаго матеріала наблюденій можно считать установленнымъ, что слабымъ жизнерадостямъ соот-

вѣтствуютъ и слабыя переживанія; что съ уменьшеніемъ первыхъ падаетъ и интенсивность вторыхъ; судя по этому, сведеніе къ нулю первыхъ должно означать и прекращеніе вторыхъ. Это особенно очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, порождающія жизнеразность, легко поддаются объективному наблюденію и даже измѣренію, напр., въ случаѣ внѣшнихъ раздраженій, воспринимаемыхъ органами чувствъ. Какъ ни сложна зависимость между раздраженіемъ и соотвѣтственнымъ ощущеніемъ, но приближеніе къ нулю первой величины означаетъ приближеніе къ нулю и второй, отсутствіе жизнеразностей даннаго типа соединяется съ отсутствіемъ соотвѣтственныхъ переживаній *). Затѣмъ, когда изъ жизни организма исключаются возбуждающія причины извѣстнаго рода жизнеразностей, то устраняются не только переживанія, ближайшимъ образомъ вызываемыя этими причинами, но мало-по-малу исчезаютъ и тѣ, которыя косвенно обусловливаются ими. Если, напр., человѣкъ ослѣпнетъ, т.-е. если будетъ прегражденъ путь свѣтовымъ раздраженіямъ, то прекращаются сначала зрительныя воспріятія, и это соотвѣтствуетъ устраненію жизнеразностей, получаемыхъ отъ сѣтчатки. Но зрительныя *представленія* временно сохраняются, — очевидно, именно потому, что въ оптическихъ центрахъ, еще сохранившихъ извѣстную неустойчивость равновѣсія, продолжаютъ возникать жизнеразности отраженныя—вызываемыя вліяніемъ другихъ центровъ, а также колебаніями тонуса кровеносной системы—системы питанія. Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе отсутствія специфическихъ раздраженій, въ зрительныхъ центрахъ должно сложиться относительно прочное, устойчивое равновѣсіе, жиз-

*) Замѣтимъ, что раздраженіе только *возбудитель* жизнеразности, и потому она не можетъ быть просто пропорціональна ему, такъ какъ зависитъ еще отъ состоянія нервной системы, отъ наличности въ ней накопленной и разряжаемой внѣшнимъ толчкомъ потенціальной энергіи. Но для занимающаго насъ теперь вопроса это неважно, а въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому.

неразности *прежняго типа* должны исчезнуть, — и соотвѣтственно этому утрачиваются послѣдніе остатки зрительныхъ переживаній.

Противъ возможности переживаній при отсутствіи жизнеразностей центральнаго аппарата говорятъ также очень важныя біологическія соображенія. Съ точки зрѣнія современной біологіи психическія переживанія представляютъ систему *приспособленія;* между тѣмъ при «идеальномъ» равновѣсіи центральнаго аппарата онъ является «идеально» приспособленнымъ (для этого момента), ему не къ чему приспособляться, и психическая дѣятельность излишня. Вообще, при современномъ состояніи біологіи и психологіи врядъ ли кто-нибудь даже и станетъ особенно защищать идею возможности психическихъ переживаній, не связанныхъ съ колебаніями въ физіологической жизни нервной системы. Поэтому гораздо важнѣе для насъ другая сторона вопроса.

Существуетъ очень много случаевъ, когда мы съ увѣренностью можетъ принять наличность въ нашей нервной системѣ опредѣленныхъ жизнеразностей, и въ то же время въ психическомъ опытѣ соотвѣтственныхъ переживаній не оказывается. Таковы, напр., всѣ жизнеразности, выступающія во время глубокаго сна, наркоза и т. под. состояній. Въ бодрственномъ состояніи нерѣдко тоже, особенно при сильной концентраціи вниманія на одной мысли или объектѣ, остаются «незамѣченными», т.-е. внѣ психическаго опыта, многія внѣшнія воздѣйствія, которыя достаточно сильны, чтобы дойти до мозга и вызвать тамъ жизнеразность. Иногда бываетъ даже такъ, что человѣкъ, который «сильно задумался», цѣлесообразно реагируетъ на внѣшнее вліяніе, совершенно «не сознавая» этого, напр., поправляетъ безпорядокъ своего костюма, отодвигается отъ открытаго окна, «самъ не замѣчая» своихъ дѣйствій. Здѣсь уже имѣется не только жизнеразность, но на ея почвѣ и «высказываніе», однако связанныхъ съ нею переживаній въ полѣ психическаго опыта нѣтъ. Всѣ подобные факты приводятъ, повидимому, ко вполнѣ опредѣленному выводу: жиз-

неразности не всегда связаны съ соотвѣтственными переживаніями. Если остановиться на этомъ выводѣ, то опять теряется возможность обобщающаго, стройнаго, словомъ — монистическаго описанія жизни въ ея психическихъ и физическихъ проявленіяхъ.

Для рѣшенія вопроса необходима *критика психическаго опыта*, т.-е. выясненіе границъ психическаго опыта и его объективнаго познавательнаго значенія.

IV.

Міръ психическаго опыта личности представляетъ изъ себя очень сложную, но связную систему переживаній. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе прочно объединяется съ другими такъ называемой «ассоціативной» связью, и лишь въ этой связи является частью психическаго опыта. То, что внѣ ея, внѣ психическаго опыта; то, что выпало изъ ея рамокъ, выпало изъ рамокъ психическаго опыта. Таковы безчисленныя «забытыя» переживанія, когда-то входившія въ данную систему, но утратившія свою связь съ нею. Человѣкъ самъ ничего о нихъ не зналъ бы, если бы они снова, уже косвеннымъ путемъ, не вводились въ сферу его опыта: высказыванія другихъ людей сообщаютъ ему объ его прежнихъ высказываніяхъ, съ которыми необходимо должны были соединяться соотвѣтственныя психическія переживанія. Такъ узнаетъ человѣкъ, напр., о большей части своихъ переживаній, относящихся къ первымъ годамъ его жизни.

Какъ видимъ, границы психическаго опыта совпадаютъ съ границами той опредѣленной связи переживаній, которую психологи называютъ «связью ассоціацій». Связь эта отнюдь не является постоянной и однородной во всѣхъ частяхъ системы опыта, а выступаетъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ устойчивости и прочности. Есть комплексы переживаній, настолько прочно связанные со всѣми остальными, что ихъ разрушеніе или выпаденіе сразу дезорганизуетъ всю систему; таковъ слож-

ный комплексъ органическихъ ощущеній, воспоминаній, стремленій, называемый «я». Есть другіе комплексы, соединеніе которыхъ съ остальными не такъ прочно и не такъ существенно для сохраненія системы, но которые фактически не опредѣленно долго въ ней сохраняются, время отъ времени всплывая при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ; они-то главнымъ образомъ и составляютъ то, что въ обыкновенной рѣчи называютъ «жизненнымъ опытомъ» человѣка (въ психологіи—область «привычныхъ ассоціацій»). Есть далѣе такіе комплексы, связь которыхъ съ остальной системой слаба и мимолетна; они возникаютъ, нѣсколько разъ всплываютъ въ полѣ сознанія и затѣмъ исчезаютъ безъ слѣда, заполняя собою громадную область пережитого—забытаго. Есть еще иного рода переживанія, соединеніе которыхъ съ системой опыта до того непрочно и неуловимо, что они только на моментъ входятъ въ поле психической жизни и совсѣмъ не попадаютъ въ область памяти — даже на время, — такъ что констатируются вообще только косвеннымъ путемъ. И это, какъ увидимъ, еще не предѣлъ; но прежде, чѣмъ итти дальше, остановимся немного на этой группѣ переживаній.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наше воспріятіе окружающей среды бываетъ крайне неполно. Нѣкоторыя части среды «привлекаютъ наше вниманіе» и отчетливо выступаютъ въ полѣ сознанія, въ опредѣленной координаціи съ другими сознаваемыми переживаніями, входя такимъ образомъ въ систему психическаго опыта; другія части «ускользаютъ отъ вниманія», не входятъ въ общую координацію, а остаются для психическаго опыта какъ бы несуществующими («todte Werte», по выраженію Авенаріуса). Однако, нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не воспринимались, и нельзя даже принять, чтобы соотвѣтственныя воспріятія совершенно пропадали для психическаго опыта. Иногда случается, что, спустя нѣкоторое время человѣкъ при какихъ-нибудь необычныхъ условіяхъ, напр., при ненормальномъ возбужденіи, вспоминая данное событіе съ его обстановкой, въ полѣ воспоминанія находитъ, кромѣ фак-

товъ, занимавшихъ его сознаніе въ моментъ событія, также нѣкоторыя въ то время ускользнувшія отъ него частности, при чемъ эти прежде «мертвыя» переживанія воскресаютъ съ большой яркостью. Однако, если бы не возникли необычайныя условія, которыя повели къ воскрешенію «мертвыхъ величинъ», онѣ остались бы мертвыми и никогда не попали бы въ сферу психическаго опыта. Такъ это чаще всего и бываетъ. Пройдитесь, напр., по незнакомой вамъ улицѣ съ большимъ движеніемъ публики, массой товаровъ въ витринахъ, съ яркими вывѣсками,—вы получите милліоны впечатлѣній, а, между тѣмъ, много ли изъ нихъ вы сами въ это время «замѣтите» и много ли изъ этихъ послѣднихъ «вспомните» еще когда-нибудь?

Теперь предположимъ, что вы идете по той же улицѣ, но въ глубокой задумчивости, всецѣло погруженный въ рѣшеніе трудной математической задачи; до окружающаго вамъ «нѣтъ никакого дѣла», оно для васъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, вы ведете себя такъ, какъ если бы видѣли и слышали все происходящее вокругъ васъ; вы даете дорогу дамамъ, обходите ѣдущихъ извозчиковъ, извиняетесь, если кто-нибудь васъ толкнетъ... Для посторонняго наблюдателя все это—высказыванія, за которыми должны скрываться *переживанія*. Но высказыванія эти, какъ говорится, «машинальны», въ нихъ «нѣтъ души». Значитъ ли это, что они пусты, что они возникаютъ безъ всякихъ переживаній? Конечно, нѣтъ; но тѣ переживанія, которыя въ нихъ выражаются, остаются *внѣ организованной системы* психической жизни; это—изолированныя переживанія, и о нихъ мы ничего не можемъ знать изъ *непосредственнаго* психическаго опыта.

Въ такомъ изолированномъ положеніи оказываются во многихъ патологическихъ случаяхъ цѣлые обширные комплексы и послѣдовательности переживаній, и иногда вовсе не слабыхъ, а очень интенсивныхъ, если судить по энергіи, высказываній. Вы наблюдаете лунатика и видите, что онъ предпринимаетъ рядъ дѣйствій, сложныхъ и хорошо координированныхъ, объединенныхъ, повидимому, опредѣленной цѣлью, словомъ—про-

текающихъ въ такой гармоніи и послѣдовательности, какъ это бываетъ при обычныхъ условіяхъ на почвѣ широкой ассоціативной связи психическихъ переживаній. Изъ послѣдующихъ высказываній больного, наступающихъ по его пробужденіи, вы узнаете, что вся его ночная жизнь совершенно не существуетъ для его психическаго опыта. Сдѣлаете ли вы изъ этого тотъ выводъ, что всѣ проявленія лунатизма «вполнѣ механичны», что никакихъ переживаній съ ними не было связано? Но какъ примирить съ этимъ тотъ фактъ, что лунатикъ въ своихъ движеніяхъ тщательно *различалъ* мельчайшія условія среды, что онъ, идя по карнизу, гдѣ никогда не ходилъ наяву, очень искусно уравновѣшивалъ свое тѣло и умѣлъ ставить ногу именно такъ, какъ того требовали неровности его ненадежной дорожки? Нѣкоторые лунатики въ своемъ странномъ снѣ пишутъ письма, т.-е. вступаютъ въ общеніе съ другими людьми съ цѣлью вызвать въ нихъ опредѣленныя переживанія. Легко ли представить себѣ, что все это—чистый автоматизмъ? Но тогда не было бы никакого основанія относиться иначе и ко всѣмъ обычнымъ, нормальнымъ высказываніямъ другихъ людей, пришлось бы во всѣхъ, кромѣ себя, видѣть оригинально устроенныя машины съ разнообразными и сложными движеніями. При этомъ потеряло бы всякій смыслъ общеніе людей, а съ нимъ исчезла бы почва и вообще для объективнаго познанія.—Нѣтъ никакой надобности создавать такія безцѣльныя и безысходныя познавательныя противорѣчія; необходимо только принять, что нѣкоторыя группы переживаній протекаютъ внѣ связи психическаго опыта, образуя обособленныя частныя координаціи, въ томъ же смыслѣ чуждыя главной системѣ координаціи психическихъ переживаній даннаго лица, въ какомъ чужды ей психическія переживанія другихъ людей *).

*) Иногда ночная жизнь лунатика не вполнѣ изолируется отъ его психическаго опыта: человѣкъ неясно вспоминаетъ потомъ о нѣкоторыхъ своихъ сомнабулическихъ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, какъ о видѣнномъ сновидѣніи. Такіе промежуточные, переходные случаи являются, конечно, только лишнимъ

Яркій примѣръ того, насколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть интенсивны переживанія, лежащія за предѣлами психическаго опыта, представляютъ психо-эпилептическіе припадки. Вмѣсто того, чтобы биться на землѣ въ страшныхъ судорогахъ, не имѣющихъ и тѣни цѣлесообразности, эпилептикъ иногда совершаетъ рядъ дѣйствій, повидимому, сознательныхъ, стихійно-энергичныхъ, направленныхъ нерѣдко къ непосредственному разрушенію окружающаго, и тогда потрясающе-ужасныхъ въ своей дикой неудержимости. Сила этихъ «высказываній» говоритъ намъ о громадной интенсивности скрывающихся за ними переживаній; но отъ всего этого въ полѣ психическаго опыта не остается никакихъ слѣдовъ, если не считать послѣдующаго чувства утомленія и какъ бы разбитости организма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обширныя группы переживаній, отдѣленныя отъ главной системы психическаго опыта, образуютъ сложныя и устойчивыя координаціи того же типа, какъ и эта главная система, въ которую онѣ не вошли. Тогда передъ нами получается то, что въ психо-патологіи называютъ «раздвоеніемъ личности». Это своеобразное явленіе—наличность двухъ, а иногда и болѣе психическихъ особей въ соединеніи съ одной, повидимому, особью физіологической—во многомъ остается еще загадкою и породило цѣлый рядъ взаимно противорѣчащихъ попытокъ научнаго объясненія; но для вопроса о критикѣ психическаго опыта имѣетъ значеніе только фактическая сторона дѣла, независимо отъ ея освѣщенія той или другой гипотезою. Существуютъ достаточно точныя наблюденія и вполнѣ установленные факты, въ которыхъ совершенно ясно выступаетъ явленіе широкой и сложной организаціи переживаній за предѣлами данной системы

подтвержденіемъ принимаемой нами точки зрѣнія: колебаніе границъ непосредственнаго психическаго опыта указываетъ на то, что и за его предѣлами есть еще аналогичныя ему переживанія.

психическаго опыта, но въ связи съ тѣмъ же нервнымъ аппаратомъ, съ которымъ она функціонально связана.

Въ наиболѣе типичныхъ и развитыхъ случаяхъ этого рода, каковы, напр., часто цитируемые случаи д-ра Azam'a, Camuset, Mac-Nisch'a, дѣло происходитъ такъ. Вся психика больного періодически измѣняется, переходя отъ одного состоянія къ другому и обратно,—иногда такихъ различныхъ состояній бываетъ и больше двухъ,—при чемъ явнымъ образомъ нарушается или даже прерывается прежняя ассоціативная связь психики, замѣняясь новою. Иногда больной при этомъ совершенно теряетъ даже всякое воспоминаніе о томъ, что онъ думалъ, говорилъ и дѣлалъ въ предыдущемъ своемъ состояніи,—такъ было, напр., въ случаѣ, описанномъ Mac-Nisch-емъ, и въ одномъ изъ двухъ состояній Фелиды, паціентки Azam'a; иногда воспоминанія сохраняются (другое состояніе Фелиды), но паціентъ чувствуетъ себя настолько психически измѣнившимся, что не можетъ признавать себя за ту же самую личность, которая была передъ этимъ. Мѣняется весь «характеръ» человѣка, его взгляды и манеры, и не только онъ самъ считаетъ себя «другимъ» человѣкомъ, но то же самое признаютъ и окружающіе—на основаніи общей картины его высказываній. Если воспоминаніе о предыдущей психической фазѣ сохраняется, то больной обозначаетъ ее выраженіями: «другой», «другой я» и т. п.; паціентка Dufay характеризовала свое первичное (нормальное) состояніе словами; «quand moi est bête». Если же предыдущая фаза совершенно забывается, а, между тѣмъ, это основная, «нормальная» фаза, соотвѣтствующая періоду до заболѣванія, то дѣло можетъ доходить до того, что больному приходится заново учиться читать, писать и считать, частью даже говорить, и заново знакомиться со всей окружающей обстановкой. Такъ было съ той американской дамой, о которой разсказываетъ Mac-Nisch: когда она приходила въ свое «второе состояніе», то знала только то, чему въ этомъ состояніи научилась.—Смѣна одной фазы другою происходитъ обыкновенно болѣе или менѣе рѣзко, ино-

гда сразу и неожиданно, иногда послѣ глубокаго сна, иногда послѣ своеобразнаго сумеречнаго состоянія.

Какъ ни истолковывать подобные факты—видѣть ли въ нихъ настоящую «множественность сознанія» или, слѣдуя другой гипотезѣ, обширные, растянутые во времени приступы истеріи со значительными амнезіями, перемѣною органическаго самочувствія и т. д.,—изъ нихъ можно съ несомнѣнностью сдѣлать одинъ выводъ: психическимъ опытомъ личности не исчерпывается вся сумма «переживаній», связанныхъ съ ея физіологическими процессами; за его предѣлами можетъ оставаться масса различныхъ переживаній, которыя въ обычныхъ случаяхъ бываютъ сравнительно изолированными и разбросанными, иногда же группируются въ сложныя единства, во многомъ аналогичныя главной системѣ психическаго опыта. Эти побочныя психическія группировки могутъ даже временно вытѣснять главную и вмѣсто нея господствовать надъ областью высказываній, что и даетъ поводъ къ представленію о «смѣнѣ личностей» въ упомянутыхъ нами наблюденіяхъ спеціалистовъ; аналогичную картину представляетъ также лунатизмъ и психо-эпилепсія. Въ другихъ же случаяхъ удается наблюдать высказыванія побочныхъ психическихъ группировокъ *одновременно и наряду* съ высказываніями главнаго «сознанія». Подобнаго рода факты также очень важны для вопроса о критикѣ психическаго опыта, и на нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Въ экспериментахъ, многократно производившихся надъ истеричными субъектами, удавалось получать сложныя, координированныя, строго цѣлесообразныя высказыванія въ отвѣтъ на такія возбужденія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «главнаго» сознанія личности. Вотъ самые типичные примѣры (изъ опытовъ П. Жане, Бине, Бабинскаго и др.).—Паціентка, страдающая мѣстными анэстезіями, между прочимъ, полной анэстезіей правой руки, помѣщена такимъ образомъ, что эта ея рука закрыта отъ нея ширмой. Въ руку вкладываютъ карандашъ, складываютъ пальцы такъ

какъ надо для писанья, и подкладываютъ бумагу. Такъ какъ паціентка не видитъ этого, а рука ея нечувствительна, то сама она ничего не знаетъ объ этомъ. Затѣмъ на тыльную сторону руки накладываютъ металлическую букву или какое-нибудь рельефное изображеніе,—и *нечувствительная* рука сама пишетъ карандашомъ эту букву или довольно точно вычерчиваетъ изображеніе. При этомъ детали изображенія воспроизводятся иногда съ такой точностью, которая указываетъ на настоящую тактильную гиперэстезію—въ нечувствительной рукѣ.—Въ другихъ опытахъ экспериментаторъ, помѣщавшійся сзади отъ паціентки, очень тихимъ голосомъ задавалъ ей вопросы въ то самое время, когда ея вниманіе было совершенно отвлечено оживленнымъ разговоромъ съ другими лицами; эти вопросы ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «сознанія» больной, и однако ея нечувствительная рука писала на нихъ отвѣты карандашомъ, между тѣмъ какъ «сама» больная даже не знала о томъ, что въ ея руку вложенъ карандашъ.

Подобные эксперименты производились съ успѣхомъ въ самыхъ различныхъ варіаціяхъ, напр., съ замѣной обычныхъ истерическихъ анэстезій—внушенными въ состояніи гипноза *). Тѣ высказыванія, которыя при этомъ получались, соотвѣтствуютъ, какъ видно изъ самой постановки экспериментовъ, не «сознанію» личности, не главной ея психической координаціи, а другимъ группировкамъ переживаній, «подсознательнымъ», существующимъ рядомъ съ главнымъ «сознаніемъ» и до извѣстной степени самостоятельно отъ него.

---

*) Измѣняя условія опыта, удавалось установить существованіе довольно тѣсной связи между „сознаніемъ“ и внѣ-сознательными координаціями: дѣйствуя на анэстезированную поверхность кожи, внушали „сознанію“ различныя представленія и даже галлюцинаціи; такъ, дѣлая незамѣтно для больного въ его нечувствительную кожу нѣсколько булавочныхъ уколовъ, предлагали ему задумать какое-нибудь число, и онъ на-

Въ сущности, съ этими фактами вполнѣ однородны всѣ «машинальныя» или «безсознательныя» высказыванія нормальныхъ людей, высказыванія, о которыхъ мы говорили раньше: цѣлесообразныя реакціи глубоко задумавшагося или вообще вполнѣ поглощеннаго чѣмъ-нибудь однимъ человѣка на посторонніе возбужденія, которыхъ онъ не замѣчаетъ. У истеричныхъ субъектовъ эти явленія только сложнѣе и ярче, что находится въ очевидной связи съ обычнымъ суженіемъ поля главнаго сознанія, составляющимъ основную черту истеріи. «Подсознаніе истеричныхъ, какъ и «второе сознаніе» при періодической смѣнѣ личности, представляетъ изъ себя *отдѣльно организовавшуюся* систему переживаній, оставшихся за порогомъ нормальнаго психическаго опыта; въ большинствѣ же случаевъ такой отдѣльной организаціи не создается, переживанія внѣ главной системы протекаютъ изолированными группами, при чемъ иногда *косвенно* вступаютъ въ связь съ этой системой путемъ высказываній, наблюдаемыхъ другими людьми, или оставляющихъ матеріальные слѣды вродѣ написаннаго слова, рисунка, сломанной вещи и т. под.

Какъ видимъ, критика психическаго опыта, основываясь на сопоставленіи его съ опытомъ объективнымъ, показываетъ, что область «непосредственныхъ переживаній», связанныхъ съ физіологическимъ процессомъ, гораздо шире области психическаго опыта, которая обнимаетъ лишь одну систему такихъ переживаній, не захватывая ни побочныхъ, до извѣстной степени самостоятельно организующихся системъ, ни частныхъ изолированныхъ группъ, ни изолированныхъ отдѣльныхъ пе-

---

зывалъ именно число сдѣланныхъ уколовъ; прикладывали къ нечувствительной кожѣ затылка рельефное металлическое изображеніе, и у больного получался соотвѣтствующій этому изображенію зрительно-галлюцинаторный образъ, и т. под.—Эта связь „сознанія“ и „внѣ-сознательныхъ впечатлѣній“ соотвѣтствуетъ, очевидно, *жизненному единству организма*, хотя она и не есть *непосредственная* ассоціативная связь, какая выступаетъ въ полѣ сознанія.

реживаній. Соотвѣтственно этому, должно быть расширено понятіе о «непосредственныхъ переживаніяхъ» для рѣшенія вопроса о связи ихъ съ физіологической жизнью.

Насколько же именно слѣдуетъ расширить это понятіе? Прежде всего очевидно, что надо принять наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются высказыванія, хотя и оставшіяся внѣ связи личнаго психическаго опыта.—Но за высказываніями скрываются *жизнеразности*, именно тѣ изъ нихъ, которыя настолько значительны, чтобы въ достаточной степени нарушить равновѣсіе двигательныхъ центровъ и вызвать изъ нихъ достаточно сильный потокъ энергіи (въ видѣ иннерваціи) по направленію къ периферіи. Между тѣмъ психическій опытъ сообщаетъ намъ о громадной массѣ такихъ переживаній, которыя не выражаются въ высказываніяхъ, потому что связаны съ болѣе слабыми жизнеразностями, неспособными вызвать внѣшнія движенія. Если это такъ, то мы должны принять, что и за предѣлами психическаго опыта «непосредственныя переживанія» существуютъ не только тамъ, гдѣ они выражаются въ замѣтныхъ движеніямъ, но и тамъ, гдѣ соединенныя съ ними жизнеразности недостаточно для этого значительны. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что *область „непосредственныхъ переживаній“ человѣка, въ сферѣ психическаго опыта и за его предѣлами, совпадаетъ съ областью жизнеразностей центральнаго нервнаго аппарата.*

Принявши такую точку зрѣнія, мы не можемъ избѣгнуть вопроса, въ какихъ же случаяхъ переживанія входятъ въ сферу психическаго опыта и въ какихъ нѣтъ? Какія жизнеразности имѣютъ ближайшее отношеніе къ психическому опыту и какія нѣтъ? Отвѣтъ можетъ основаться только на анализѣ основныхъ психо-физіологическихъ данныхъ, касающихся этого вопроса.

V.

По своей основной характеристикѣ, психическій опытъ есть система опредѣленныхъ связей, именно ассоціативныхъ. Поэтому переживанія «внѣ опыта», это—тѣ, которыя не попали въ данную систему связей, тѣ, которыя остались изолированными отъ главнаго потока переживаній. Ассоціативная цѣпь воспоминаній, представленій, стремленій, возбуждаемыхъ всякимъ даннымъ переживаніемъ, выражаетъ собою, съ физіологической точки зрѣнія, отраженныя, вторичныя жизнеразности, вызванныя тѣмъ, что первоначальное нарушеніе равновѣсія распространяется по нервному аппарату, порождая въ различныхъ его частяхъ колебанія различной интенсивности и различной формы. Если жизнеразность изолированно протекаетъ въ нѣкоторыхъ элементахъ нервнаго аппарата, не вызывая отзвука въ остальныхъ, то соотвѣтственное переживаніе также должно оказаться внѣ связи психической жизни, потому что нѣтъ промежуточныхъ (ассоціативныхъ) звеньевъ, которыя вводили бы его въ эту связь. Эти общія соображенія еще болѣе подтверждаются, если разсмотрѣть типичные случаи жизнеразностей, не связанныхъ съ психическимъ опытомъ.

Громадное большинство наиболѣе слабыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на организмъ человѣка, совершенно «не замѣчаются» въ сферѣ сознанія, не порождаютъ доступныхъ психическому опыту ощущеній. И это вполнѣ понятно: очень слабыя жизнеразности не выходятъ изъ предѣловъ ограниченнаго числа непосредственно затронутыхъ элементовъ, такъ какъ нервные проводники представляютъ извѣстное сопротивленіе передачѣ энергетическихъ колебаній. Но въ *нѣкоторыхъ* спеціальныхъ случаяхъ такія же слабыя раздраженія находятъ доступъ въ поле сознанія; и это также физіологически вполнѣ понятно: нервныя клѣтки сами въ себѣ заключаютъ, какъ аккумуля-

торы, запасъ потенціальной нервной энергіи, для разряженія которой достаточно иногда и очень слабой жизнеразности, пришедшей извнѣ, а разряженіе это само можетъ составлять уже гораздо болѣе крупную жизнеразность, съ гораздо болѣе широкимъ кругомъ послѣдовательныхъ колебаній въ другихъ частяхъ нервнаго аппарата.

Какъ извѣстно, человѣкъ дѣлается воспріимчивѣе къ опредѣленнымъ слабымъ раздраженіямъ именно тогда, когда его «вниманіе» направлено къ ихъ воспріятію. Съ точки зрѣнія наиболѣе принятыхъ теорій вниманія (вазомоторно-мускульныхъ), актъ вниманія всегда связанъ съ повышеннымъ питаніемъ тѣхъ элементовъ центральнаго аппарата, которые находятся въ дѣятельномъ состояніи. Вы, положимъ, желаете разсмотрѣть детали отдѣльнаго предмета и внимательно въ него вглядываетесь; это означаетъ, что ваша сосудодвигательная система, путемъ расширенія мелкихъ сосудовъ, питающихъ дѣятельные участки мозга, направляетъ къ этимъ участкамъ, за счетъ другихъ, наибольшую сумму питанія. Такимъ путемъ въ соотвѣтственныхъ оптически-мозговыхъ клѣткахъ быстро накопляется потенціальная энергія, и онѣ превращаются въ заряженные аппараты, при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ разряжающіеся какъ бы взрывомъ энергіи, вызывающимъ вторичныя колебанія во многихъ пунктахъ центральной системы. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ въ общую координацію психическаго опыта попадаютъ даже сравнительно очень небольшія свѣтовыя раздраженія, соотвѣтствующія мелкимъ деталямъ воспринимаемой картины. Естественно также и то, что для остальныхъ частей мозга, питаніе которыхъ, наоборотъ, понижено по сравненію съ обычными условіями, энергія которыхъ уменьшена, требуются болѣе значительныя жизнеразности, чтобы вызвать передачу колебанія въ различныхъ направленіяхъ на обширныя области центральной системы; и потому въ сферѣ, напр., тактильныхъ и слуховыхъ, а также не захваченныхъ актомъ вниманія зрительныхъ ощущеній, остаются «незамѣтными» для сознанія такія раздраженія, которыя

непремѣнно были бы «замѣчены» если бы не было «отвлечено вниманіе».

Во время глубокаго сна, наркоза, обморока постоянно наблюдается пониженное питаніе мозга—его анемія, слабое кровяное давленіе, медленность тока крови (вслѣдствіе уменьшенной работы сердца). При этомъ, очевидно, въ кортикальныхъ клѣткахъ-аккумуляторахъ напряженіе собственной энергіи очень понижено, и достигающія ихъ возбужденія порождаютъ лишь мелкія жизнеразности, неспособныя широко разлиться въ мозговой корѣ. Кромѣ того, при обыкновенномъ снѣ, наступающемъ послѣ дневного утомленія, связи центральнаго аппарата бываютъ, повидимому, нарушены вслѣдствіе другой еще причины: за время бодрствованія въ клѣткахъ и проводникахъ скопляются различные продукты жизненнаго распада дѣятельныхъ тканей, такъ что вслѣдствіе измѣненія химическаго состава возбудимость клѣтокъ и проводимость проводниковъ очень значительно ослабляются. Возникающія жизнеразности такимъ образомъ остаются изолированными — и то же относится къ соотвѣтственнымъ переживаніямъ.

Впрочемъ, во снѣ, благодаря неравномѣрному распредѣленію питанія, а также сравнительно сильнымъ раздраженіямъ и прочимъ случайнымъ комбинаціямъ условій, легко наступающимъ въ такой сложной системѣ, нѣкоторыя жизнеразности оказываются достаточно велики, чтобы вызвать рядъ вторичныхъ колебаній; тогда получаются сновидѣнія. Распространеніе вторичныхъ колебаній при этомъ можетъ происходить и не по обычнымъ путямъ, а по тѣмъ проводникамъ, которые, такъ сказать, наименѣе засорены продуктами жизнедѣятельности тканей; вѣроятно, въ зависимости отъ этого находится обычная безсвязность сновидѣній, нелѣпыя превращенія, которыя въ нихъ выступаютъ, и т. под. *). При лунатизмѣ же

*) Вполнѣ аналогичны явленія при наркозѣ—тамъ имѣется, съ одной стороны, отравленіе нервныхъ элементовъ, понижающее ихъ возбудимость и проводимость, съ другой стороны—

дѣло идетъ, очевидно, о вторичной, особой системѣ физіологическихъ связей, въ нормальномъ состояніи не функціонирующей, а выступающей во время сна, когда главная система подавлена дневнымъ утомленіемъ. Психически это должно выражаться во второй, болѣе узкой координаціи, подобной системѣ психическаго опыта. Въ несравненно болѣе развитой формѣ является эта вторая система при «раздвоеніи сознанія». Тамъ она достигаетъ такой сложности и приспособленности, что можетъ надолго замѣнять первичную, главную систему въ управленіи жизнедѣятельностью организма, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ шагъ за шагомъ совсѣмъ вытѣсняетъ главную систему, при чемъ послѣдняя атрофируется (какъ это было у больной Azam'a).

Связь явленій гипноза съ необычнымъ состояніемъ питанія мозга несомнѣнна: ослабленный пульсъ, нѣкоторое поблѣднѣніе лица, головная боль въ случаѣ рѣзкаго пробужденія указываютъ на анемическое состояніе мозга при пониженномъ давленіи крови. Поле «сознанія» чрезвычайна сужено, но такъ какъ «сознаніе» сохраняется, то можно предполагать, что питаніе коры понижено не такъ равномѣрно повсюду, какъ, положимъ, при глубокомъ снѣ. Неравномѣрность эта выражается особенно ярко въ фактахъ внушенія; при общемъ ослабленіи и дезорганизаціи жизни мозга, путемъ повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, напр., высказываній гипнотизирующаго лица, поддерживается работа *нѣкоторыхъ* элементовъ мозга, и тогда эта работа происходитъ именно въ такой

пониженіе кровянаго давленія, а, стало-быть, и питанія. Чѣмъ слабѣе наркотическое средство понижаетъ кровяное давленіе, тѣмъ менѣе постоянно и надежно его снотворное дѣйствіе— не хватаетъ одного существеннаго момента, устраняющаго связность нервно-физіологической жизни. До сихъ поръ не удаются попытки фармакологовъ создать вѣрно-дѣйствующій наркотикъ, который угнеталъ бы систему кровообращенія не въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ нормальному сну.

связи, которая обусловливается этими воздѣйствіями, т.-е. внушеніями.

Тутъ много неяснаго и неизученнаго, но все указываетъ на возможность «психическихъ» группировокъ внѣ главной системы психическаго опыта. Экспериментаторамъ удается внушать полное забвеніе того, что пережилъ паціентъ за время гипнотическаго сна, при чемъ изъ сферы психическаго опыта искусственно вырываются цѣлые сложные ряды переживаній; удается внушить не видѣть или не слышать чего-нибудь въ послѣ-гипнотическомъ состояніи, и это выполняется съ большой точностью, указывающей на то, что организмъ хорошо различаетъ и обособляетъ «невидимые» предметы и «неслышимые» звуки, но соотвѣтственныя воспріятія остаются внѣ связи психическаго опыта и его высказываній; удается внушить сдѣлать что-либо въ опредѣленное время послѣ пробужденія, и въ назначенный моментъ *забытое* внушеніе съ непреодолимой силой вступаетъ въ поле психическаго опыта.— Словомъ, путемъ внушенія достигается до извѣстной степени произвольное обособленіе нѣкоторыхъ группъ переживаній отъ общей и главной ихъ системы, и введеніе ихъ вновь въ эту систему при произвольныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, что всему этому соотвѣтствуютъ значительныя измѣненія въ питаніи всего мозга и отдѣльныхъ его частей, колебанія, слѣдовательно, какъ потенціальной энергіи нервныхъ клѣтокъ, такъ и проводимости нервныхъ волоконъ, вообще—условія, измѣняющія систему связей нервнаго аппарата, измѣняющія границы и направленіе передачи въ немъ возникающихъ жизнеразностей. Такимъ образомъ, и здѣсь есть всѣ основанія предполагать, что группировкамъ переживаній соотвѣтствуютъ группировки жизнеразностей и наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ, нервный аппаратъ представляетъ одно жизненное цѣлое, и потому врядъ ли въ немъ возможны *безусловно* обособленныя группировки связей, такъ что врядъ ли возможны и безусловно отдѣльныя группировки переживаній. Тѣ комбинаціи переживаній, которыя не входятъ въ глав-

ную ихъ систему, состоятъ изъ частей, которыя сами входятъ въ эту систему, только въ иныхъ сочетаніяхъ. Если бы это было не такъ, намъ не были бы понятны высказыванья, связанныя съ такими «внѣ-сознательными» группами переживаній. Когда, напр., лунатикъ совершаетъ разныя дѣйствія, довольно обычныя для него и наяву, то совершенно ясно, что за этими дѣйствіями скрываются цѣлыя довольно сложныя ассоціаціи переживаній, которыя при иныхъ соотношеніяхъ фигурируютъ и въ главномъ полѣ психическаго опыта, въ «полѣ сознанія». Въ другихъ случаяхъ—при мелкихъ «безсознательныхъ» реакціяхъ, напр. человѣка сильно задумавшагося, дѣло идетъ о болѣе узкихъ группахъ переживаній и о сравнительно простыхъ психическихъ комбинаціяхъ, которыя при иныхъ условіяхъ выступаютъ цѣликомъ въ «полѣ сознанія». И наконецъ даже тѣ внѣ опытныя переживанія, которыя наиболѣе несложны и слабы, такъ что вовсе не выражаются внѣшнимъ образомъ, — даже они, соотвѣтствуя жизнеразностямъ различныхъ частныхъ органовъ и клѣтокъ нервнаго аппарата, слагаются во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ же *элементовъ*, изъ какихъ и всѣ переживанія психическаго опыта.

Здѣсь мы пришли, въ сущности, къ тавтологическому положенію. Какъ выяснено новѣйшей позитивной философіей, элементы психическаго опыта тожественны съ элементами всякаго опыта вообще, такъ какъ тожественны съ элементами опыта физическаго. Элементы опыта—цвѣтовые, иннерваціонные, тактильные, акустическіе и проч.—элементы краснаго и зеленаго, элементы протяженія, элементы твердаго и мягкаго, теплаго и холоднаго, элементарные тоны и т. д., одинаково образуютъ и «тѣла» объективнаго, физическаго міра, и воспріятія, образы, представленія—міра психическаго. Разница только въ типѣ группировки, въ характерѣ связи, которая является въ одномъ случаѣ—связью объективной закономѣрности, въ другомъ—связью ассоціацій. Такимъ образомъ, вообще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы «внѣ-психическія» переживанія, соотвѣтствующія изолированнымъ нервнымъ

процессамъ человѣческаго организма, по элементарному составу отличались отъ тѣхъ, которыя входятъ въ систему психическаго опыта. Надо только прибавить, что и *типъ группировки элементовъ въ тѣхъ и другихъ переживаніяхъ одинаковый, именно, ассоціативный*, какъ съ несомнѣнностью можно заключить изъ соотвѣтствующихъ тѣмъ и другимъ высказываній.

Вполнѣ очевидно, что съ нашей точки зрѣнія теряетъ всякое принципіальное значеніе различіе между «центрами сознанія» и «центрами безсознательныхъ реакцій». Если какія-нибудъ жизнеразности въ своемъ распространеніи не выходятъ за предѣлы спинного мозга или отдѣльнаго нервнаго узла, симпатической, напр., системы, то соотвѣтственныя переживанія останутся «внѣ-сознательными» именно въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ *не къ той* координаціи переживаній, которая образуетъ нашъ «психическій опытъ». И такъ какъ жизнеразности центральнаго аппарата слагаются изъ жизнеразностей отдѣльныхъ клѣтокъ, то съ полнымъ основаніемъ можно принять, что всюду, гдѣ имѣется нервная клѣтка и гдѣ возникаетъ въ ней жизнеразность, существуетъ также нѣчто вполнѣ аналогичное нашимъ «непосредственнымъ переживаніямъ», хотя бы очень простое и слабое по сравненію съ обычнымъ содержаніемъ поля нашего сознанія.

Но этого мало. Нервная клѣтка, въ процессѣ индивидуальной эволюціи, есть результатъ развитія и дифференціаціи клѣтки эмбріональной, а весь психо-физическій организмъ въ біологическомъ процессѣ—результатъ эволюціи самостоятельной клѣтки типа protozoa. Развитіе не можетъ создавать ничего новаго *по существу*, а только новыя и болѣе сложныя комбинаціи того, что *въ видѣ элементовъ* имѣлось и раньше. Поэтому всюду, гдѣ есть живая клѣтка, мы должны — если признаемъ законъ единообразія природы—принимать нѣчто принципіально-однородное съ нашими психическими переживаніями. Нѣтъ жизни безъ переживаній, нѣтъ «чисто физіологической жизни». Такъ устраняется тотъ невозможный, го-

ловокружительный скачокъ, который создаютъ мыслители типа Du-Bois-Reymond'a въ образѣ «перваго ощущенія», возникающаго въ лѣстницѣ біологическаго процесса.

Но не является ли зато неизбѣжнымъ такой скачокъ тамъ, гдѣ *жизнь* возникаетъ изъ неорганическихъ процессовъ? Конечно, нѣтъ. Для насъ не существуетъ иной природы, кромѣ той, которая состоитъ изъ *элементовъ*, и эти элементы, при всемъ ихъ разнообразіи, одни и тѣ же въ опытѣ физическомъ и психическомъ, а тѣмъ болѣе въ природѣ неорганической и органической. Жизнь есть опредѣленная *организація* этихъ элементовъ, а неорганическій міръ есть иная ихъ комбинація, не обладающая никакой или только низшей организованностью. Только наша способность отвлеченія дѣлаетъ неорганическую природу «безжизненной», что совершенно не соотвѣтствуетъ всему смыслу нашего опыта, такъ какъ эта же неорганическая природа есть необходимая часть *нашей собственной жизни*. Непрерывное превращеніе въ живыхъ организмахъ неорганическаго матеріала въ составную часть самихъ этихъ организмовъ, возможность постояннаго обновленія жизни изъ безжизненнаго съ очевидностью говоритъ намъ, что здѣсь дѣло идетъ только о различіяхъ комбинацій, объ измѣняющихся отношеніяхъ, но не о тѣхъ абсолютныхъ различіяхъ, которыя такъ дороги метафизикамъ. Матеріалъ сознанія, жизни, всей природы всюду одинъ; группировки его различны. Развитіе жизни всегда означаетъ одно и то же: это *возрастаніе организованности* въ группировкѣ элементовъ.

Не пришли ли мы тутъ къ панпсихизму, къ представленію всей природы по типу человѣческаго сознанія? Всего меньше. Природа не есть нѣчто «психическое»; это станетъ ясно, если хорошо понять, что именно называется «психическимъ». Психическое вовсе не «субстанція», а только *отношеніе*. Это— опредѣленная *связь* явленій, опредѣленная *закономѣрность* опыта. Когда «элементы» опыта выступаютъ для насъ въ объективной, общезначимой закономѣрности, мы называемъ ком-

плексы этихъ элементовъ «физическими тѣлами», когда закономѣрность иная, необъективная, необщезначимая (именно, ассоціативная), мы называемъ комплексы «психическими». *Элементы* не имѣютъ ни физическаго, ни психическаго характера; они *внѣ* этихъ опредѣленій. Панпсихизмъ, для котораго вся природа слагается изъ психическихъ комплексовъ, который «объясняетъ» физическое черезъ психическое, выражаетъ, слѣдовательно, тенденцію свести объективную закономѣрность явленій къ субъективной связи; это стремленіе въ высшей степени анти-научное. Идеалъ науки діаметрально противоположенъ этому: сведеніе всякой субъективной связи къ объективной закономѣрности. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ былъ всегда несравненно ближе къ прогрессивнымъ тенденціямъ науки; но онъ шелъ недостаточно далеко въ анализѣ дѣйствительности и вмѣсто прямыхъ элементовъ опыта — физическаго и психическаго — подставлялъ сложные комплексы, называемые «матеріей». Разсматривая же эти комплексы исключительно съ точки зрѣнія объективной закономѣрности, онъ былъ вѣренъ духу научнаго познанія и потому представлялъ ближайшую степень къ научному міровоззрѣнію. Онъ былъ болѣе объективенъ и позитивенъ, чѣмъ спиритуалистическія направленія, но еще недостаточно объективенъ и позитивенъ. Истина и здѣсь, какъ бываетъ обыкновенно, была не въ «золотой серединѣ» между сталкивающимися направленіями, а внѣ ихъ обоихъ. Прогрессивное мышленіе нашего времени къ борьбѣ матеріализма и спиритуализма относится приблизительно такъ же, какъ къ происходившей нѣкогда борьбѣ протестантизма и католицизма: считая одно изъ двухъ направленій «болѣе истиннымъ», оно и имъ, однако, не можетъ удовлетворяться.

Возвращаемся къ нашей главной темѣ. На основаніи всего изложеннаго мы принимаемъ наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются жизнеразности органическихъ процессовъ. Связь переживаній съ жизнеразностями мы признаемъ постоянной, однообразной. Теперь постараемся точнѣе опредѣлить характеръ этой связи.

В. Психоэнергетика.

I.

Прежде всего, намъ надо отчетливо установить самое понятіе «жизнеразности». Дѣло въ томъ, что Авенаріусъ, создавшій это понятіе, придалъ ему формулировку, на нашъ взглядъ, совершенно неудовлетворительную съ біологической точки зрѣнія. Въ его формулировкѣ чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія. Эти остатки достаточно выяснить, чтобы отбросить.

Въ основѣ явленій жизни лежитъ подвижное равновѣсіе энергіи, двусторонній потокъ между жизненной системой и ея средою. Ассимиляція, усвоеніе энергіи изъ внѣшней среды идетъ рядомъ съ дезассимиляціей, потерей энергіи, ея разсѣяніемъ въ этой же средѣ. Полное равновѣсіе обоихъ потоковъ во всѣхъ частяхъ системы есть случай идеальнаго консерватизма; такого консерватизма нельзя найти въ дѣйствительности, но онъ—удобная абстракція, которая всего лучше можетъ служить исходной точкой изслѣдованія. Всякій реальный процессъ жизни представляетъ рядъ непрерывныхъ нарушеній идеальнаго консерватизма, то въ одну, то въ другую сторону.

Норма идеальнаго консерватизма жизни сама есть *величина непрерывно измѣняющаяся*. Каждый моментъ прино-

ситъ какое-нибудь, хотя бы ничтожное, измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы; въ каждое послѣдующее мгновеніе она уже не вполнѣ та, что въ предыдущее. Это вполнѣ очевидно, если представить себѣ рядомъ цѣлые обширные періоды жизненнаго цикла: равновѣсіе жизни для ребенка не то же, что для старика; для юноши не то же, что для зрѣлаго человѣка. А такъ какъ превращеніе совершается непрерывно, то и безконечно-малыя измѣненія каждаго момента хотя незамѣтны, но несомнѣнны.

Пусть равновѣсіе жизни въ теченіе нѣкотораго времени нарушается въ пользу ассимиляціи: она преобладаетъ надъ затратами энергіи. Затѣмъ въ извѣстный моментъ обѣ стороны жизненнаго процесса уравниваются. Идеальное равновѣсіе возстанавливается, но это—уже не то равновѣсіе, какое было до нарушенія. Та общая сумма энергіи, которую представляетъ система, больше прежней: организмъ выросъ, ребенокъ сталъ юношей. Если бы система вернулась къ прежнему равновѣсію, это означало бы пониженіе жизни, деградацію. Поэтому идеальное (мыслимое) равновѣсіе системы вовсе не есть *идеалъ* жизни; или, вѣрнѣе, это идеалъ, но статическій, застойный, а не динамическій, прогрессивный. Въ анализѣ жизненныхъ колебаній нельзя упускать различія между возрастаніемъ и пониженіемъ энергіи системы, нельзя разсматривать оба случая, какъ принципіально однородные.—Но именно это дѣлаетъ Авенаріусъ.

Ему дѣло представляется такимъ образомъ. Въ теченіе, положимъ, сна въ жизненной системѣ*) накопляется, вслѣдствіе перевѣса «питанія» надъ «работой», избытокъ «питанія». Съ

*) Авенаріусъ занимается въ своемъ изложеніи только „системой С“, центральнымъ нервнымъ аппаратомъ, и даже большей частью составляющими его „частичными системами“ („Partialsystem“). Система С и для насъ представляетъ наибольшій интересъ, но, принимая принципіальную однородность жизненныхъ процессовъ, мы беремъ, расширяя задачу, болѣе общія формулировки.

избыткомъ «питанія» человѣкъ вступаетъ въ активную жизнь бодрствованія, и *жизненная задача* организма—установить равновѣсіе путемъ увеличенія «работы». Авенаріусъ не употребляетъ термина «жизненная задача», но именно таково его пониманіе даннаго процесса, потому что онъ считаетъ, что перевѣсъ «питанія» непрерывно уменьшаетъ «жизнесохранимость» системы („Vital-Erhaltungswert"), и только соотвѣтственнымъ возрастаніемъ «работы» это уменьшеніе «жизнесохранимости» можетъ быть сведено до minimum. Въ этомъ смыслѣ для него совершенно однородны оба случая—и перевѣсъ «питанія» надъ «работой», и перевѣсъ «работы» надъ «питаніемъ».

Прежде всего, намъ надо устранить изъ изслѣдованія грубоматеріалистическій и неточный терминъ «питаніе» („Ernährung"). Процессъ питанія есть только главный путь ассимиляціи внѣшней энергіи системою, но не единственный путь. Есть всѣ основанія думать, что энергія, напр., мелкихъ возбужденій, достигающихъ центральнаго аппарата по нервнымъ проводникамъ, можетъ ассимилироваться нервными клѣтками, повышая запасъ ихъ потенціальной энергіи. Терминъ «питаніе» безъ нужды затемняетъ дѣло, заставляя постоянно видѣть въ процессѣ жизненной ассимиляціи—усвоеніе матеріальныхъ частицъ, тогда какъ дѣло идетъ о потокѣ энергіи, для котораго такія частицы являются лишь одною изъ обычныхъ формъ.—Менѣе неудобенъ второй терминъ «работа»; но и онъ заставляетъ думать не о всѣхъ возможныхъ типахъ дезассимиляціи, а главнымъ образомъ объ одномъ—объ иннерваціонномъ процессѣ; и ужъ во всякомъ случаѣ съ нимъ трудно связать, напр., ту непрерывную затрату энергіи клѣтокъ, которая выражается въ разсѣяніи тепла; а игнорировать такіе пути дезассимиляціи нельзя, и нельзя окончательно отъ нихъ отвлечься, потому что жизненный процессъ есть прежде всего процессъ интегральный, динамическое цѣлое.

Перевѣсъ «питанія» надъ «работой» легко можно понимать въ такомъ смыслѣ, что жизненной системѣ доставляются извнѣ

запасы энергіи, которыхъ она не успѣваетъ ассимилировать, которые ее какъ бы загромождаютъ, нарушая теченіе ея жизнедѣятельности, вызывая усиленныя растраты ея энергіи. Въ этомъ истолкованіи «жизнеразность» съ перевѣсомъ «питанія» окажется, конечно, жизненно-вреднымъ фактомъ, и ея устраненіе необходимо, чтобы поддержать «жизнесохранимость». Но ясно, что самое понятіе «жизнеразности» примѣнено тогда неправильно. «Жизнеразность» есть разность двухъ жизненныхъ величинъ; но эти величины должны быть строго однородны—только тогда формула вычитанія имѣетъ научное значеніе. Если же сдѣлать уменьшаемымъ количество энергіи извнѣ доставленной системѣ, которую ей еще только предстоитъ ассимилировать, которая, слѣдовательно, является пока еще *чуждой*, *посторонней* для ея жизненнаго процесса, а вычитаемымъ—количество энергіи, которая затрачивается системою, энергіи, которая уже *принадлежитъ* системѣ, есть *ея собственная* энергія, то въ вычитаніи окажутся сопоставлены двѣ жизненно-разнородныя величины, и формула «жизнеразности» не имѣетъ научнаго значенія. Надо сопоставлять дѣйствительно происходящую ассимиляцію энергіи системою съ дѣйствительно происходящей дезассимиляціей — тогда только понятіе «жизнеразности» пригодно для анализа. Въ своихъ опредѣленіяхъ Авенаріусъ, несомнѣнно, склоняется къ послѣднему, болѣе научному понятію жизнеразности; но въ своихъ выводахъ онъ постоянно переходитъ къ первому, неточному понятію, и картина жизни системы C выступаетъ въ очень невѣрномъ освѣщеніи.

Для Авенаріуса представляется безспорнымъ, что перевѣсъ ассимиляціи надъ дезассимиляціей—мы назовемъ это «положительной» жизнеразностью, и перевѣсъ дезассимиляціи надъ ассимиляціей — жизнеразность отрицательная — имѣютъ принципіально одинаковое значеніе, именно—приближаютъ систему къ гибели или дегенераціи, словомъ — означаютъ *неприспособленность*. Съ біологической точки зрѣнія такой взглядъ, хотя до сихъ поръ еще очень распространенный между физіоло-

гами, представляется совершенно недопустимымъ; онъ противорѣчитъ и общей концепціи прогресса жизни, и конкретнымъ фактамъ развитія.

Положительная жизнеразность, преобладаніе ассимиляціи означаетъ во всякомъ случаѣ возрастаніе энергіи системы, именно потенціальной энергіи, которая можетъ затѣмъ тратиться въ жизненномъ процессѣ. Очевидно, что въ борьбѣ за жизнь система должна, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сохраняться тѣмъ дольше, побѣждать тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше энергіи она способна затратить на эту борьбу, чѣмъ выше сумма потенціальныхъ силъ, которыми располагаетъ система. Поэтому именно положительныя жизнеразности представляютъ изъ себя *количественную сторону біологическаго прогресса*. Наоборотъ, жизнеразность отрицательная, перевѣсъ затратъ энергіи, ведетъ къ пониженію потенціальной энергіи системы, къ уменьшенію ея силъ въ жизненной борьбѣ; это *количественная деградація системы*. Оба типа явленій взаимно противоположны по жизненному значенію, и ихъ нельзя ставить подъ одну скобку.

Всю первую половину жизненнаго цикла организма, отъ зарожденія до полной зрѣлости, съ полнымъ основаніемъ принято считать прогрессивной эволюціей, возрастаніемъ жизнеспособности организма, силы его сопротивленія въ жизненной борьбѣ съ внѣшней природою. Между тѣмъ вся эта половина эволюціи въ своей основѣ имѣетъ *положительныя жизнеразности*, перевѣсъ ассимиляціи, то накопленіе энергіи, которое обозначается, какъ «процессъ роста» организма.— Когда же преобладаніе переходитъ на сторону отрицательныхъ жизнеразностей, начинается вторая половина жизненнаго цикла: энергія системы шагъ за шагомъ падаетъ, система деградируетъ.

Чтобы устранить еще нѣкоторыя сомнѣнія въ вопросѣ о томъ, какъ слѣдуетъ истолковать эти основные жизненные факты, я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ, написан-

ныхъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ другой работѣ *).

«...эпоха относительнаго равновѣсія—зрѣлый возрастъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха наибольшей приспособленности системы. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что равновѣсіе системы и должно признаваться ея «идеальнымъ состояніемъ»?

«Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такая мысль неправильна, достаточно вспомнить тѣ случаи, когда жизненное равновѣсіе достигается преждевременно. Если процессъ роста задерживается въ дѣтскомъ возрастѣ, не доходя до нормы, то равновѣсіе системы выступаетъ въ соединеніи съ весьма невысокой жизнесохранимостью; жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, но при обычномъ перевѣсѣ «питанія» надъ «работою».

«Впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ утверждать, что высокая приспособленность зрѣлаго возраста зависитъ именно отъ того, что устранены нормальныя жизнеразности дѣтства и юности, перевѣсъ «питанія» надъ «работою». Вѣроятно, всякій согласится, что здѣсь высокая приспособленность достигается въ значительной мѣрѣ именно *благодаря* этимъ жизнеразностямъ, *благодаря* тому возрастанію энергіи системы, которое ими создано».

Все это представляется довольно элементарнымъ и безспорнымъ. Но такова ли точка зрѣнія Авенаріуса? Вотъ что говоритъ онъ въ своей „Kritik der reinen Erfahrung“ (I B, S. 63—64):

„Aus dem Mutterschoss, diesem Sanktuarium der Erhaltung, wird das Kind vertrieben: ausgestossen in eine fast absolut andere, neue, ungewohnte, nur zum Teil noch erhaltungsfreundliche Umgebung. Nun ist es

*) „Познаніе съ историческ. точки зрѣнія“, 1901, стр. 19. Тамъ этотъ же вопросъ—о значеніи жизнеразностей—разсмотрѣнъ мною, но мимоходомъ, сравнительно бѣгло и сжато.

ausgesetzt den Änderungen, die ihm aus der Umgebung und deren Wandlungen erwachsen; und ausgeseszt wird es alsbald sein den Schicksalen, weiche ihm die typischen Änderungen des eigenen Entwicklungsganges aufdrängen.

„Und das heisst: das System C ist durch die Geburt aus einer annäherend idealen Umgebung in eine nichtideale Umgebung versetzt worden.

„... Und unsere Aufgabe wird somit zunächst darauf gerichtet sein, bie Änderungen des Systems C zu analysieren: sofern sie als *Verminderung* des vitalen Erhaltungswertes des Systems C oder aber als Behauptungen, dieses Systems unter solchen Verminderungen zu denken sind".

«Младенецъ насильственно удаляется изъ чрева матери— этого святилища сохраненія жизни; онъ выбрасывается въ новую, почти абсолютно иную среду, непривычную, только отчасти благопріятную для поддержанія его жизни. Тутъ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя возникаютъ для него изъ условій среды съ происходящими въ ней перемѣнами; и затѣмъ ему предстоитъ переживать тѣ судьбы, которыя съ необходимостью навязываются ему типической послѣдовательностью измѣненій въ его собственномъ циклѣ развитія.

«Другими словами: система *C* путемъ акта рожденія перемѣщается изъ среды приблизительно соотвѣтствующей идеалу въ среду неидеальную.

«... Наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы анализировать измѣненія системы, и именно постольку, поскольку ихъ приходится разсматривать либо какъ *уменьшенія* жизнесохранимости системы *C*, либо какъ акты *поддержанія* этой системы при наличности (среди) такихъ уменьшеній».

Такимъ образомъ для Авенаріуса съ самаго рожденія ребенка начинаются «уменьшенія жизнесохранимости», которыя идутъ вплоть до наступленія смерти и, къ счастью, сю заканчиваются. Куда же дѣвается съ этой точки зрѣнія весь

періодъ прогрессивной эволюціи человѣка *)? Сущность дѣла заключается въ *абсолютномъ характерѣ* самаго понятія жизнесохранимости у Авенаріуса.

«Da, wie das ganze System *C*, so auch seine Bestandteile, bez. seine Formelemente, entstehend und vergehend gedacht werden, so muss—wenn für irgend einen Zeitpunkt der verlangte denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems *C* angenommen wird, mit demselben eine *absolute* Erhaltung *aller* centralen Partialsysteme, bez. Formelemente, angenommen werden; d. h. der denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems *C* ist als die Summe der denkbar grössten Erhaltung aller seiner Bestandteile, bez. Formelemente, zu denken». («Kritik der reinen Erfahrung», I B, S. 66).

«Какъ систему *C* въ ея цѣломъ, такъ и ея составныя части—соотвѣтственно этому, и ея форменные элементы (клѣтки. А. Б.)—мы представляемъ въ процессѣ возникновенія и разрушенія; поэтому, *если* для какого-нибудь момента времени мы принимаемъ означенную наибольшую мыслимую величину жизнесохраненія, то тѣмъ самымъ мы принимаемъ *абсолютное* сохраненіе *всѣхъ* частичныхъ системъ центральнаго ап-

*) „... не слѣдуетъ ли признать жизнесохранимость младенца большею, чѣмъ жизнесохранимость взрослаго, потому что первый можетъ еще прожить лѣтъ 70, а второй, сверхъ своихъ 30, врядъ ли проживетъ болѣе 40 лѣтъ? Но тутъ надо принять во вниманіе вотъ что: шансы младенца на 70 лѣтъ жизни очень малы, напр., 1 изъ 50—60; а шансы взрослаго на 40 лѣтъ жизни довольно велики, напр., 1 изъ 5—6. Обобщающая тенденція науки не позволяетъ намъ считать первую величину жизнесохранимости больше второй: это значило бы—придать больше значенія частнымъ случаямъ, чѣмъ общему правилу. Изъ сопоставленія можно вывести только одно: что жизнесохранимость младенца *еще можетъ возрасти* въ процессѣ его развитія, а для взрослаго она уже близка къ maximum и врядъ ли еще увеличится; поэтому первый *при благопріятныхъ условіяхъ* и проживетъ дольше".

(„Познаніе съ истор. точки зрѣн." стр. 18, примѣч.).

парата и, соотвѣтственно этому, всѣхъ форменныхъ элементовъ; другими словами, идеальная наибольшая жизнесохранимость системы C должна мыслиться, какъ сумма идеально-наибольшей жизнесохранимости всѣхъ ея составныхъ частей,—всѣхъ ея форменныхъ элементовъ».

Оперируя съ такими «абсолютными» величинами, нельзя, разумѣется, дать вѣрной картины прогрессивнаго развитія жизни: всякое, даже самое цѣлесообразное для жизненной борьбы измѣненіе системы представится, какъ нарушеніе, какъ «уменьшеніе» («Verminderung») абсолютнаго сохраненія жизни, котораго нигдѣ не наблюдается въ природѣ. Въ сущности, даже съ логической стороны эта концепція очень сомнительна: гдѣ есть абсолютный консерватизмъ, тамъ *нѣтъ жизни*, потому что жизнь немыслима безъ представленія активности, борьбы со внѣшней средою: а гдѣ нѣтъ жизни, тамъ неправильно и говорить о какой бы то ни было «величинѣ сохраненія жизни».—Но даже оставляя это въ сторонѣ, концепція идеальнаго консерватизма совершенно несостоятельна съ біологической точки зрѣнія.

Съ тѣхъ поръ какъ эволюціонныя идеи проникли въ область наукъ о жизни, статическое представленіе о неизмѣнныхъ, абсолютно установленныхъ формахъ жизни дѣлалось все болѣе непригоднымъ и день ото дня вытѣснялось изъ научнаго мышленія. Дарвинизмъ, наконецъ, довершилъ гибель этого представленія, показавши, что условіемъ дѣйствительнаго сохраненія жизни являются, вообще говоря, *измѣненіе* ея формъ. Только прогрессивное приспособленіе къ средѣ съ ея непрерывно измѣняющимися вліяніями гарантируетъ всякой данной формѣ жизни ея сохраненіе; и это сохраненіе означаетъ, конечно, не абсолютный, а только относительный консерватизмъ. Но зато оно можетъ означать и нѣчто большее, чѣмъ какой бы то ни было консерватизмъ—именно, возрастаніе, прогрессъ жизни. Задача біомеханики—понять этотъ прогрессъ, дать его вѣрное и стройное изображеніе для познающаго. Разъ такая задача поставлена, формулы, построенныя на идеѣ абсо-

лютнаго консерватизма, становятся познавательно безполезны.

Самъ Авенаріусъ оказывается не въ состояніи строго выдержать ту точку зрѣнія, на которую онъ сталъ благодаря непригодной абстракціи «абсолютнаго сохраненія системы». Между тѣмъ какъ во всей почти своей работѣ онъ видитъ въ ходѣ жизненныхъ колебаній только «уменьшенія жизнесохранимости» и «поддержаніе (Behauptungen) системы среди такихъ уменьшеній», въ главѣ о «конгрегальныхъ системахъ» (коллективностяхъ, какъ напр., семья, общество) у него выступаетъ неожиданно «увеличеніе жизнесохранимости» («Kr. d. rein. Erf.», I, B. S. 165):

«...je mehr sich die Teilsysteme im Sinne gegenseitiger Vermehrung des vitalen Erhaltungswertes behaupten, desto günstiger sind die Bedingunden für die Erhaltung des Gesamtsystems».

«Чѣмъ болѣе самосохраненіе частичныхъ системъ (напр., отдѣльныхъ личностей. А. Б.) совершается въ такомъ направленіи, что онѣ взаимно увеличиваютъ свою жизнесохранимость, тѣмъ благопріятнѣе условія для сохраненія всей системы»*).

Въ оправданіе своей мысли, что *всякая* жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность системы, Авенаріусъ указываетъ на нѣкоторые конкретные факты. Но факты эти частью невѣрно истолкованы, частью говорятъ противъ мнѣнія Авенаріуса.

Всѣ тѣ случаи, когда жизненной системѣ *доставляется* слишкомъ много «питанія» при сравнительно нормальной «работѣ», и когда она вслѣдствіе этого разстраивается, оказы-

---

*) Надо замѣтить, что глава о „конгрегальныхъ системахъ“ какъ-то выдѣляется среди „Критики чистаго опыта“: въ то время, какъ остальныя части работы имѣютъ сильно выраженную нео-ламаркистскую окраску, въ этой главѣ преобладаетъ дарвинистическая точка зрѣнія. Къ сожалѣнію, идеи, намѣченныя въ этой главѣ, слишкомъ мало примѣняются въ остальной работѣ.

вается неприспособленной,—всѣ эти случаи не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу. Мы уже указали, что доставка питанія совсѣмъ не то, что его ассимиляція, и не можетъ разсматриваться, какъ одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго равновѣсія; когда доставляемое извнѣ питаніе не ассимилируется тканями, то оно остается въ нихъ, какъ инородное тѣло, въ видѣ, напр., жировыхъ отложеній, и, стѣсняя жизнедѣятельность тканей, легко можетъ вести къ ихъ атрофіямъ и перерожденіямъ; но при этомъ дѣло будетъ итти именно о чрезмѣрной растратѣ энергіи живыми тканями, благодаря хронически дѣйствующему вредному вліянію, а не о чрезмѣрной ассимиляціи. А когда ассимиляція повышеннаго питанія удается и не покрывается повышенными затратами, тогда наблюдаются только явленія *роста*, въ которыхъ нельзя видѣть неприспособленности.

Частный случай такого же рода представляетъ приводимый Авенаріусомъ психіатрическій примѣръ—маніакальная экзальтація и манія. При нихъ главное физіологическое явленіе это—гиперемія мозга, «also ein zuviel an Ernährung» («стало быть, излишекъ въ питаніи»), замѣчаетъ Авенаріусъ. Но въ томъ-то и дѣло, что гиперемія означаетъ лишь усиленную *доставку* питанія, а не его повышенную ассимиляцію, и терминъ «питаніе», взятый въ его вульгарномъ значеніи, явнымъ образомъ спутываетъ мыслителя. Происходитъ ли дѣйствительная ассимилиція той массы сырого матеріала, которая при маніи доставляется мозгу кровеносной системой, или, напротивъ, нервнымъ клѣткамъ приходится затрачивать массу энергіи, чтобы только освободиться отъ загромождающаго ткани и стѣсняющаго ихъ жизнедѣятельность неусвоеннаго матеріала? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ врядъ ли возможны сомнѣнія: всякая живая клѣтка можетъ ассимилировать питаніе лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, а тѣмъ болѣе нѣжная гангліозная клѣтка головного мозга, да еще при такомъ неблагопріятномъ условіи, какъ длительное увеличеніе внутричерепного давленія.

Но этотъ примѣръ при ближайшемъ анализѣ еще болѣе

очевиднымъ образомъ говоритъ противъ Авенаріуса. Въ началѣ развитія маніакальной экзальтаціи, пока гиперемія еще не очень сильна, и клѣткамъ удается ассимилировать избыточное питаніе, организмъ проявляетъ временное повышеніе жизни, патологическій характеръ котораго обнаруживается лишь въ дальнѣйшемъ;—въ началѣ дѣло сводится только къ нѣкоторому пріятному возбужденію, которое сопровождается скорѣе повышеніемъ, чѣмъ пониженіемъ физическаго здоровья; жизненная упругость тканей возрастаетъ, мускульная сила увеличивается, общій видъ человѣка улучшается; все это и особенно хорошее самочувствіе свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ нами—нѣкоторое *возрастаніе непосредственной приспособленности*, а не ея уменьшеніе. Между тѣмъ вопросъ заключается именно въ *непосредственномъ*, прямомъ значеніи данной жизнеразности; если же затѣмъ выступаютъ яркія явленія настоящей болѣзни—неприспособленности, то вѣдь и жизнеразность измѣняетъ свой знакъ—изъ положительной переходитъ въ отрицательную: нервная ткань уже не можетъ справляться съ массою матеріала, приносимаго кровью, и онъ нарушаетъ всю ея жизнедѣятельность, да, кромѣ того, громадное количество энергіи тратится на безчисленныя импульсивныя движенія, въ результатѣ которыхъ вся система еще отравляется возникающими въ чрезвычайно увеличенныхъ размѣрахъ продуктами жизненнаго распада функціонирующихъ тканей. Словомъ, пока ассимиляція преобладаетъ, жизнь непосредственно повышается, когда получаетъ перевѣсъ дезассимиляція—жизнь падаетъ. Съ точки зрѣнія Авенаріуса совершенно нельзя объяснить состоянія больного на первыхъ стадіяхъ маніакальной экзальтаціи.

Наибольшее значеніе Авенаріусъ придаетъ тому общему факту, что *недостатокъ работы* ведетъ къ вырожденію и гибели форменныхъ элементовъ. Но здѣсь достаточно небольшого анализа, чтобы увидѣть коренную ошибку. Ткани, которыя недостаточно работаютъ, какъ указываетъ самъ Авенаріусъ, *атрофируются*, т.-е. во всякомъ случаѣ теряютъ энергію, слѣ-

довательно—«питаются» недостаточно, ассимилируютъ меньше, чѣмъ дезассимилируютъ (самое слово «атрофія» означаетъ недостатокъ питанія). И это вполнѣ понятно: работа есть необходимый *физіологическій стимулъ* питанія и вообще ассимиляціи; ткань, которая очень мало работаетъ, еще меньше питается, и оттого-то она не растетъ (какъ было бы при дѣйствительномъ перевѣсѣ «питанія»), а уменьшается и становится дряблой. Отложенія жира, которыя при этомъ большей частью получаются, отнюдь не означаютъ излишка ассимиляціи: это—инородное тѣло для ткани.

Несомнѣнно, что бываютъ случаи, когда продолжительный перевѣсъ ассимиляціи ведетъ къ кризисамъ и даже гибели жизненной системы; но и эти факты при ближайшемъ изслѣдованіи не подтверждаютъ взгляда Авенаріуса. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока ассимиляція дѣйствительно преобладаетъ, организмъ благоденствуетъ. Поворотъ въ состояніи организма совпадаетъ съ поворотомъ жизнеразностей. Послѣ ряда лѣтъ привольной жизни наступаетъ пресыщеніе или сплинъ. Является хроническое сжатіе мелкихъ сосудовъ—судорожное состояніе вазомоторной системы; затрачивается масса нервной энергіи на это повышеніе иннерваціи безчисленныхъ кольцевыхъ мускульныхъ волоконъ, окружающихъ мелкіе сосуды, и въ то же время уменьшается поверхность, черезъ которую происходитъ питаніе тканей. Положительныя жизнеразности смѣняются отрицательными—«благо во зло обратилось». Но пока превращеніе не произошло, оно было все-таки «благомъ», а не «зломъ» *).

*) Здѣсь, слѣдовательно, причина кризиса не прямо въ положительныхъ жизнеразностяхъ, а въ измѣнившемся мало-помалу, на ихъ почвѣ, строеніи системы, которая, наконецъ, оказывается дисгармоничной. Это „явленіе вполнѣ одного типа съ общими кризисами капиталистическаго производства. Ростъ производительныхъ силъ есть фактъ, вообще, благопріятный для жизнесохранимости общества, какъ и возрастаніе энергіи центральнаго нервнаго аппарата—для его жизнесохранимости. Но, совершаясь не гармонически... ростъ производительныхъ

Такимъ образомъ мы должны строго различать жизнеразность положительную, которая имѣетъ непосредственно-прогрессивное значеніе для жизни, и «отрицательную», значеніе которой непосредственно-регрессивно. — *Косвенное*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *конечное* значеніе той или другой можетъ быть и иное: повышеніе энергіи системы можетъ вести за собою нарушеніе стройности ея функцій, а пониженіе энергіи—возстановленіе этой стройности; но тогда это и выражается въ случаяхъ перваго рода—послѣдующимъ пониженіемъ энергіи системы, въ случаяхъ второго рода — наоборотъ. Но и въ такихъ *колебаніяхъ* приспособленности непосредственное жизненное значеніе жизнеразностей остается все то же, положительное или отрицательное, соотвѣтственно ихъ знаку—плюсъ или минусъ.

II.

Вопросъ о жизнеразностяхъ положительныхъ и отрицательныхъ въ настоящій моментъ интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку возможно установить опредѣленную и необходимую ихъ связь съ «непосредственными переживаніями». При этомъ, само собой разумѣется, дѣло можетъ пока итти только о самыхъ общихъ выраженіяхъ зависимости.

Всѣмъ безъ исключенія переживаніямъ свойственно то, что психо-физіологи называютъ обыкновенно «чувственнымъ тономъ», и что Авенаріусъ обозначаетъ терминомъ «аффекціоналъ»—окраска удовольствія и страданія *). Окраска эта имѣ-

---

силъ можетъ вызвать такое измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы, которое является причиной послѣдующихъ громадныхъ растратъ общественно-трудовой энергіи, растратъ, совершенно непроизводительныхъ. Такъ же обстоитъ иногда дѣло съ накопленіемъ энергіи въ отдѣльной нервной системѣ". („Познаніе съ исторической точки зрѣнія", стр. 20—22, примѣч.).

*) Такъ назыв. „безразличный чувственный тонъ" есть, очевидно, лишь предѣльная величина, гдѣ удовольствіе, умень-

етъ явно количественный характеръ: удовольствіе, страданіе, находимыя въ данномъ переживаніи, могутъ быть «больше» или «меньше», различіе же между «удовольствіемъ» и «страданіемъ» есть различіе алгебраическаго знака: какъ величины положительная и отрицательная, удовольствіе и страданіе, соединяясь въ полѣ психическаго опыта, взаимно уменьшаютъ или уничтожаютъ другъ друга.

Различается не мало «качественныхъ» оттѣнковъ удовольствія и страданія, но это не мѣшаетъ тому, что, какъ величины, всѣ «удовольствія» и всѣ «страданія» взаимно сравнимы, соизмѣримы *), хотя, разумѣется, такое сравненіе тѣмъ труднѣе для наблюдателя, чѣмъ различнѣе «качественные» оттѣнки. Наша же задача заключается, къ счастью, не въ такихъ сравненіяхъ, а въ выясненіи самой общей зависимости между алгеброй аффекціонала и алгеброй жизнеразностей.

Вопросъ о біологическомъ значеніи чувственнаго тона не можетъ вызывать особенныхъ сомнѣній: такъ какъ удоволь-

---

шаясь, переходитъ въ начинающееся страданіе или обратно („Indifferenzpunkt“ Вундта).

*) Позволяю себѣ привести поясненіе изъ одной прежней моей работы:

„Не всѣ соглашаются съ этимъ: опираясь на свидѣтельство своего непосредственнаго сознанія, нѣкоторые находятъ, что существуютъ и несравнимые по своей разнородности типы явленій „чувства“; такъ, несравнимыми признаются удовольствія возвышенныя и низменныя, то, напр., которое вытекаетъ изъ благороднаго поступка, и то, которое получается отъ стакана водки. Однако опытъ показываетъ, что и для такихъ разнородныхъ формъ „чувства“ количественное сравненіе возможно, такъ какъ, напр., по отношенію къ приведенному случаю многіе способны задать себѣ и разрѣшить въ ту или другую сторону вопросъ, какое удовольствіе больше“. (“Основн. элементы историч. взгляда на природу“, Спб. 1899, стр. 220).

Можно, конечно, не одобрять такихъ „соизмѣреній“ разнородныхъ формъ чувства, особенно если это дѣлается съ практической точки зрѣнія (30 серебренниковъ или жизнь учителя); но они—несомнѣнный фактъ, съ которымъ должна считаться теорія

ствіе есть то, къ чему организмъ стремится, а страданіе—то, чего онъ избѣгаетъ, то съ эволюціонной точки зрѣнія удовольстіе должно означать нѣкоторое повышеніе жизни, а страданіе — ея пониженіе; если бы дѣло обстояло иначе, то организмъ имѣлъ бы фальшиваго руководителя въ своихъ стремленіяхъ и неминуемо скоро погибалъ бы. Конечно, и въ дѣйствительности этотъ руководитель не идеально надеженъ — удовольствія бываютъ иногда вредны по результатамъ, страданія—полезны; но въ общемъ совпаденіе пріятнаго съ жизненно-полезнымъ и непріятнаго съ жизненно-вреднымъ достигается, безспорно, въ достаточной мѣрѣ,

Представляя изъ себя *непосредственную* характеристику переживаній, удовольствіе и страданіе означаютъ, очевидно, непосредственно-полезное и вредное для системы, именно для центральнаго нервнаго аппарата, *непосредственное* повышеніе или пониженіе его жизни. Именно такое же непосредственное значеніе имѣютъ въ физіологической жизни положительныя и отрицательныя жизнеразности; поэтому какъ нельзя болѣе естественно принять, что положительный чувственный тонъ, удовольствіе, соотвѣтствуетъ положительной жизнеразности — повышенію энергіи системы, а отрицательный чувственный тонъ, страданіе—отрицательной жизнеразности, пониженію энергіи. И этотъ выводъ можетъ быть подтвержденъ массою фактовъ.

Резюмируя эти факты въ сжатой формулѣ, можно сказать: изъ собственнаго опыта всякому извѣстно, что страданіе истощаетъ нервную систему, понижаетъ энергію ея жизнедѣятельности, тогда какъ удовольствіе увеличиваетъ силы, повышаетъ энергію жизнедѣятельности. Что же касается тѣхъ, несравненно менѣе многочисленныхъ случаевъ, когда наблюдается, повидимому, противоположное отношеніе, то они вполнѣ объясняются тѣмъ, что *послѣдующіе результаты* нѣкоторыхъ жизнеразностей не соотвѣтствуютъ ихъ *непосредственному, прямому* значенію: въ зависимости отъ опредѣленной суммы условій, данное повышеніе энергіи можетъ повести къ гораздо большему затѣмъ пониженію, и наоборотъ. Но непосред-

ственный смыслъ всякаго аффекціонала отъ этого не измѣняется *).

Такъ какъ наше представленіе объ аффекціоналѣ вытекаетъ изъ принятаго нами взгляда на жизнеразности, то вполнѣ естественно, что *иное* пониманіе жизнеразностей должно вести и къ иной точкѣ зрѣнія на аффекціоналъ. Для Авенаріуса всякая жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность; поэтому у него удовольствіе означаетъ уменьшеніе или прекращеніе какой бы то ни было жизнеразности, а страданіе — возникновеніе жизнеразности или ея возрастаніе. Это—совершенно логичный выводъ изъ невѣрной посылки, и, какъ таковой, онъ не можетъ не стоять въ противорѣчіи съ дѣйствительностью.

Нѣкоторую біологическую несообразность этого вывода легко замѣтить уже съ перваго взгляда. Если въ системѣ устанавливается опредѣленная жизнеразность—положимъ, отрицательная, которая долгое время держится на одной высотѣ, или очень мало колеблется въ ту и другую сторону, то аффекціоналъ долженъ отсутствовать. Между тѣмъ, ясно, что система при этомъ идетъ къ разрушенію, и если жизнеразность велика, то очень быстро. Аффекціоналъ не даетъ организму

*) Не всѣ переживанія, а только ихъ меньшая часть попадаетъ въ поле психическаго опыта, въ сферу самонаблюденія. Поэтому весьма нерѣдко фактическое повышеніе энергіи нервной системы совершается безъ замѣтныхъ чувствованій удовольствія, фактическое пониженіе—безъ замѣтныхъ чувствованій страданія. Такой именно смыслъ имѣютъ тѣ случаи, когда человѣкъ послѣ долгаго ряда наслажденій, самъ того не замѣчая, переходитъ къ состоянію глубокой разслабленности, или когда онъ изъ цѣлой массы безпросвѣтныхъ, казалось бы, страданій выходитъ болѣе сильнымъ и энергичнымъ, чѣмъ былъ раньше Въ глубинѣ стихійно-органическихъ явленій, въ области неопредѣленныхъ изолированныхъ переживаній совершаются самые важные процессы накопленія и растраты жизни, которымъ психическій опытъ подводитъ затѣмъ итоги, прибавляя свои собственныя слагаемыя. Въ этомъ ярко выражается принципіальная однородность „сознанія“ и „безсознательнаго“.

никакихъ указаній; между тѣмъ именно отъ него зависитъ направленіе дальнѣйшихъ жизненныхъ проявленій системы, онъ—стимулъ ея борьбы противъ неблагопріятныхъ условій. Ясно, что онъ оказывается біологически - несостоятеленъ — результатъ, во всякомъ случаѣ, довольно мало вѣроятный.

Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда окраска удовольствія соединяется съ несомнѣннымъ нарушеніемъ имѣвшагося налицо относительнаго равновѣсія системы: это—всѣ «пріятныя неожиданности». Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приноситъ ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидалъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталкиваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это — положительныя жизнеразности. Да и вообще картина физіологическихъ проявленій радости, по сравненію со спокойнымъ состояніемъ организма, всего меньше говоритъ объ устраненіи жизнеразностей, о приближеніи къ идеальному равновѣсію. Расширеніе мелкихъ и мельчайшихъ сосудовъ мозга — основной симптомъ пріятныхъ эмоцій, съ очевидностью говоритъ объ увеличеніи ассимиляціи въ центральномъ аппаратѣ; и только какъ производное явленіе выступаетъ затѣмъ возрастаніе также и затратъ энергіи, въ видѣ повышенія произвольной иннерваціи (движенія, выражающія радость).

Со стороны внѣшнихъ проявленій эмоцію радости очень напоминаетъ состояніе маніакальной экзальтаціи. Самъ Авенаріусъ, какъ мы видѣли, указываетъ на эту болѣзнь, какъ на примѣръ, отрицательнаго значенія той жизнеразности, которая заключается въ перевѣсѣ «питанія». Странно, какъ Авенаріусъ не замѣтилъ, что этотъ примѣръ прямо подрываетъ принятую имъ теорію аффекціонала. Вѣдь самочувствіе больного, особенно въ началѣ болѣзни, когда еще только возникаетъ гиперемія мозга, а съ ней и положительная жизне-

разность, бываетъ *пріятное*. По Авенаріусу, оно должно было бы оказаться непріятнымъ.

Особенно трудно понять, съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, дѣйствіе наркотическихъ ядовъ на психическую систему. Начальныя стадіи этого дѣйствія характеризуются пріятнымъ возбужденіемъ. Значитъ ли это, что, напр., морфій или алкоголь, отравляя нервную систему, приближаютъ ее къ идеальному равновѣсію ассимиляціи съ дезассимиляціей? Но для этого надо принять, что такіе яды имѣютъ два противоположныхъ физіологическихъ дѣйствія: относительно увеличеніе ассимиляціи при перевѣсѣ дезассимиляціи и ея уменьшеніе, когда она преобладаетъ надъ дезассимиляціей Болѣе чѣмъ натянутое истолкованіе фактовъ. Гораздо вѣроятнѣе, что дѣло сводится просто къ временному повышенію энергіи системы (разумѣется, *только* временному).

Не подлежитъ сомнѣнію, что отрицательныя эмоціи въ основѣ имѣютъ отрицательную жизнеразность. Печаль, напр., въ своихъ физіологическихъ проявленіяхъ, безспорно, указываетъ на недостаточную ассимиляцію: сжатіе мелкихъ артерій и капилляровъ, съ усиленіемъ, слѣдовательно, иннерваціонныхъ затратъ въ вазомоторной системѣ и съ уменьшеніемъ поверхности питанія тканей составляетъ основную черту эмоціи. Отъ этого и зависитъ истощающее дѣйствіе печали на нервную систему. Предположимъ теперь, что эмоція печали выступаетъ при наличности общаго перевѣса ассимиляціи; въ такомъ случаѣ начало эмоціи, пока она только устраняетъ это неравенство, и приближаетъ систему къ равновѣсію—должно имѣть *пріятную* окраску. Дѣйствительность однако не даетъ намъ такого психо-физіологическаго абсурда.

Легко видѣть, что всѣ указанныя нами трудности вовсе не существуютъ для той точки зрѣнія, которая принята нами: факты цѣликомъ укладываются въ ея рамки. Поэтому, если Авенаріусъ и считалъ свои воззрѣнія на жизненное значеніе жизнеразностей, а стало быть и на природу аффекціонала, «wissenschaftliches Gemeingut» — общенаучнымъ достоя-

ніемъ, то онъ въ этомъ ошибался; правильнѣе было бы характеризовать данное воззрѣніе, какъ весьма распространенный между физіологами предразсудокъ, какихъ всегда не мало держится въ наукѣ *). Устраняя этотъ предразсудокъ, надо принять ту точку зрѣнія, которая является наиболѣе простой и естественной, ту, которая ясно формулирована уже Спинозой въ его «Этикѣ» (конечно, въ терминахъ «силы», а не энергіи), и которая можетъ быть въ значительной мѣрѣ связана съ воззрѣніями Мейнерта. Эту точку зрѣнія сжато можно выразить такъ:

аффекціональный знакъ переживаній совпадаетъ съ алгебраическимъ знакомъ жизнеразностей.

III.

Переживанія, это—величины въ полномъ смыслѣ слова. Они обладаютъ не только «знакомъ» (аффекціональнымъ—положительнымъ или отрицательнымъ), но и тѣмъ, что соотвѣтствуетъ алгебраическому понятію абсолютной величины—именно, *интенсивностью*. Правда, точное измѣреніе ихъ интенсивности представляетъ большія затрудненія,—но это не измѣняетъ принципіальнаго значенія изъ измѣримости. Жизнеразности — также величины, онѣ измѣримы *энергетически*. Принимая постоянную связь переживаній съ жизнеразностями,

*) Наибольшая часть матеріала, сгруппированнаго въ „Критикѣ чистаго опыта“, относится къ отрицательнымъ жизнеразностямъ, которыя имѣютъ именно такое біологическое значеніе, какое Авенаріусъ приписываетъ жизнеразностямъ вообще. Поэтому понятно, что противорѣчій въ его описаніяхъ оказывается далеко не такъ много, какъ можно было бы предположить въ виду ошибочности исходной точки изслѣдованія.

Замѣчу, что взглядовъ Авенаріуса на вопросъ о чувственномъ тонѣ переживаній я адѣсь касался отнюдь не во всей ихъ полнотѣ, а только съ одной стороны, которая наиболѣе важна для моей задачи.

мы приходимъ, слѣдовательно, къ задачѣ выяснить связь двухъ рядовъ величинъ—ряда интенсивностей для переживаній, ряда энергетическихъ значеній для жизнеразностей. Опытъ, благодаря отсутствію точныхъ способовъ измѣренія, даетъ лишь приблизительныя и очень неопредѣленныя зависимости; переходя къ болѣе точнымъ формулировкамъ, надо заранѣе имѣть въ виду ихъ неизбѣжно-гипотетическій характеръ, конечно, съ большею или меньшею степенью вѣроятности и обоснованности.

Изъ данныхъ психо-физіологіи несомнѣнно слѣдуетъ, что интенсивности переживаній, вообще говоря, тѣмъ больше, чѣмъ больше величины жизнеразностей, и наоборотъ; но этимъ еще не дана точная формула ихъ связи: остается неизвѣстнымъ, возрастаютъ ли однѣ величины пропорціонально другимъ или однѣ медленнѣе, чѣмъ другія, или въ какомъ-нибудь измѣняющемся отношеніи, словомъ, по какому именно закону происходитъ возрастаніе однѣхъ съ возрастаніемъ другихъ. Первое и самое естественное предположеніе, это—мысль о *пропорціональности* переживаній и жизнеразностей: такъ какъ между тѣми и другими мы не можемъ представить себѣ никакихъ посредствующихъ звеньевъ, то сама собой навязывается идея о наиболѣе непосредственной и прямой связи, о взаимно пропорціональномъ измѣненіи тѣхъ и другихъ величинъ.

Но принять такую точку зрѣнія можно только въ томъ случаѣ, если въ нашемъ опытѣ не оказывается фактовъ, которые прямо бы ей противорѣчили. Между тѣмъ психофизика, *повидимому*, даетъ такіе факты; въ этомъ смыслѣ легко, повидимому, истолковать законъ Веберъ-Фехнера.

Психофизическій законъ Веберъ-Фехнера говоритъ, что *ощущеніе растетъ пропорціонально логарифму раздраженія*, другими словами, что внѣшнее воздѣйствіе на периферическіе аппараты нервной системы обусловливаетъ въ психическомъ опытѣ переживаніе *не пропорціональное* самому этому воздѣйствію, а пропорціональное только его логарифму (при нѣкото-

ромъ опредѣленномъ основаніи). Въ болѣе простой формѣ эта зависимость, выражается такъ: когда раздраженіе увеличивается въ геометрической прогрессіи, ощущеніе растетъ въ ариѳметической; напр.. если одинъ рядъ (раздраженія) представляетъ величины 1, 2, 4, 8. 16, 32 . . . . , то другой (ощущенія) выразится въ соотвѣтственныхъ величинахъ 0. 1, 2, 3, 4, 5 . . . . Таково приблизительное выраженіе этого закона, имѣющаго также очень приблизительный характеръ.

Законъ Веберъ-Фехнера легко наводитъ на дуалистическія представленія объ опытѣ и познаніи; онъ какъ будто указываетъ на то, что въ психическомъ опытѣ закономѣрность *принципіально* иная, чѣмъ въ опытѣ объективномъ, «физическомъ»: геометрическія отношенія одной области соотвѣтствуютъ ариѳметическимъ отношеніямъ другой. Но такія заключенія, въ сущности, очень поспѣшны и поверхностны.

Раздраженіе не находится въ *ближайшей* связи съ ощущеніемъ; въ такой связи съ ощущеніемъ находится *жизнеразность*, вызываемая передачей раздраженія при посредствѣ первныхъ проводниковъ центральному аппарату. А есть ли достаточныя основанія думать, что жизнеразность пропорціональна порождающему ее раздраженію? Основанія для такой мысли, по меньшей мѣрѣ, шатки.

Передача внѣшнихъ воздѣйствій въ живомъ организмѣ отнюдь не имѣетъ грубо-механическаго характера; это крайне сложный рядъ физико-химическихъ процессовъ, въ результатѣ которыхъ могутъ получаться измѣненія центральнаго органа, ни качественно, ни количественно не стоящія въ *прямомъ* и *простомъ* соотношеніи съ измѣненіями периферическихъ аппаратовъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія біологической борьбы, для жизненной устойчивости системы выгодно, чтобы болѣе сильныя воздѣйствія среды передавались въ болѣе ослабленномъ видѣ—иначе они черезчуръ жестоко потрясали бы систему и слишкомъ быстро ее разрушали бы; для организма, слѣдовательно, является жизненно цѣлесообразнымъ такое устройство, при которомъ жизнеразности возрастаютъ

медленнѣе, чѣмъ ихъ внѣшніе стимулы, напр., хотя бы въ логариѳмическомъ отношеніи.

Съ другой стороны, логариѳмическая функція чрезвычайно распространена въ сферѣ *физическихъ* и *химическихъ* процессовъ. Она выступаетъ на сцену во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явленіе происходитъ такъ, что скорость измѣненія выражающей его величины пропорціональна этой самой величинѣ; такова, напр., та формула, которая примѣнима при «физическихъ» и «химическихъ» реакціяхъ растворенія, гдѣ скорость реакціи уменьшается съ уменьшеніемъ количества того вещества, которое еще можетъ быть растворено; или при охлажденіи тѣла въ средѣ съ постоянной температурой, гдѣ скорость охлажденія уменьшается по мѣрѣ уменьшенія разности температуръ тѣла и его среды и т. под. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ промежутокъ времени между двумя опредѣленными фазами процесса оказывается пропорціоналенъ логариѳму величины, выражающей геометрическое отношеніе этихъ фазъ *). И въ занимающемъ насъ вопросѣ важно выяснить, нѣтъ ли какихъ-нибудь указаній на то, что логариѳмическое отношеніе выражаетъ зависимость между различными физіологическими процессами, а не прямо между физіологическими и психическими.

Нетрудно убѣдиться, что для такой мысли есть серьезныя основанія. Прежде всего, присмотримся къ той суммѣ экспериментальныхъ данныхъ, которая резюмируется въ законѣ Веберъ-Фехнера.

Опыты изслѣдователей были поставлены такъ. На опредѣленную чувствительную поверхность прилагалось опредѣленной величины раздраженіе, напр., данный ограниченный участокъ кожи подвергался давленію пластинки, нагруженной гирями даннаго вѣса. При этомъ лицо, надъ которымъ произво-

*) См., напр., Nernst und Schönflies „Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften", главы объ „Exponentialfunction", объ „Verlauf der unvollständigen Reactionen", и т. д.

дится опытъ, получаетъ, конечно, нѣкоторое опредѣленное ощущеніе. Затѣмъ увеличиваютъ силу раздраженія, въ нашемъ примѣрѣ величину груза, до такихъ размѣровъ, чтобы перемѣна въ величинѣ дѣйствующей силы, именно, внѣшняго давленія, была только едва ощутима, но уже ощутима для субъекта опытовъ. Такихъ экспериментовъ выполняютъ очень большое количество, съ различной величины раздраженіями, по отношенію къ различнымъ органамъ внѣшнихъ чувствъ. При раздраженіяхъ болѣе или менѣе обычныхъ — средней силы, всюду оказывается, что минимальная доступная сознанію разница въ ощущеніи получается тогда, когда раздраженіе увеличивается на опредѣленную часть своей величины, для каждаго даннаго органа приблизительно одинаковую. Напр., для осязанія, чувства температуры, а также слуха минимальная замѣтная разница ощущенія получается тогда, когда раздраженіе увеличено на $^1/_3$, для мускульнаго чувства—на $^1/_{17}$, для зрѣнія — на $^1/_{100}$ (все это приблизительно, такъ какъ опыты, очевидно, не могутъ быть особенно точны). Если считать тотъ minimum ощущенія, который уже отмѣчается сознаніемъ, за *единицу* ощущенія, и алгебраически выразить найденную связь ряда раздраженій и ряда ощущеній, то получится именно законъ Веберъ-Фехнера.

Такъ обстоитъ дѣло, какъ мы сказали, для болѣе или менѣе обычныхъ раздраженій — средней силы. Для самыхъ слабыхъ и самыхъ сильныхъ раздраженій формула закона оказывается совершенно неточною: знаменатель прогрессіи съ каждымъ шагомъ мѣняется, именно увеличивается въ ту и въ другую сторону, такъ что для полученія минимальной разницы въ ощущеніи раздраженіе должно возрасти сильнѣе, чѣмъ по формулѣ. Наконецъ, ниже извѣстной границы раздраженіе уже совсѣмъ не вызываетъ ощущенія; выше другой границы, ощущеніе, достигшее maximum, перестаетъ возрастать замѣтно для сознанія.

Вся эта картина всего меньше способна внушить мысль о различныхъ типахъ закономѣрности для физическаго и пси-

хическаго міра, потому что никакое опредѣленное соотношеніе въ ней не выдерживается съ достаточной полнотой и строгостью. Скорѣе она наводитъ на представленіе о томъ, что центральный аппаратъ обладаетъ лишь ограниченной чувствительностью къ передаваемымъ нервами раздраженіямъ: для самыхъ слабыхъ раздраженій онъ слишкомъ грубъ, чтобы на нихъ реагировать, для самыхъ сильныхъ обладаетъ только одной предѣльной реакціей, очевидно, исчерпывающей запасъ его специфической энергіи даннаго рода, для остальныхъ же въ немъ имѣются достаточныя внутреннія сопротивленія, чтобы задерживать или разсѣивать энергію раздраженія тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ значительнѣе величина этой энергіи. Тогда исчезаетъ и всякая необходимость принимать непрямую и неуклюже колеблющуюся связь между «психикой» и «физіологіей».

Съ точки зрѣнія современной физіологіи и гистологіи нервнаго аппарата можно дать такую, чисто энергетическую, картину зависимости между внѣшними раздраженіями и жизнеразностями центральнаго органа, въ которой найдетъ себѣ мѣсто не только законъ Веберъ-Фехнера, но и всѣ отклоненія отъ него, главныя и второстепенныя. Заранѣе оговариваемся, что въ рамкахъ статьи, ради простоты и ясности, намъ придется сильно схематизировать сложныя гистологическія и физіологическія отношенія; но свѣдующій читатель легко пополнитъ недостающее.

Какъ извѣстно, энергія внѣшняго раздраженія, преобразованная въ концевомъ аппаратѣ нерва въ недостаточно еще изученную, но чуждую всякаго мистицизма, «телеграфную» форму нервнаго тока, достигаетъ прежде всего нейроновъ, расположенныхъ въ такъ-называемыхъ «низшихъ» центрахъ— гангліозныхъ, спинно-мозговыхъ, субкортикальныхъ. Эти нейроны связаны, во-1-хъ, со смежными нейронами при посредствѣ соприкасающихся вѣточекъ своихъ дендритовъ (развѣтвленныхъ протоплазматическихъ отростковъ), во-2-хъ, съ нейронами высшихъ, кортикальныхъ центровъ при помощи опять-

таки «телеграфныхъ» волоконъ проэкціонныхъ системъ (Meynert'a), при чемъ связь эта въ иныхъ случаяхъ прямая, въ иныхъ—косвенная, при посредствѣ еще другихъ центровъ. Сами же нейроны въ своей основной части—нервной клѣткѣ представляютъ, по современнымъ воззрѣніямъ, своеобразные аккумуляторы накопленной нервной энергіи, которую извнѣ притекающая по проводникамъ энергія можетъ разряжать, освобождать, какъ искра разряжаетъ химическую энергію пороха. Теперь сдѣлаемъ одно минимальное и уже a priori наиболѣе вѣроятное предположеніе,—примемъ, что жизнеразность въ клѣткѣ высшихъ центровъ («центровъ сознанія») вызывается именно передачей разряженной собственной энергіи клѣтки спинно-мозговой или субкортикальной, а къ передачѣ энергіи разряжающей, энергіи внѣшняго раздраженія проэкціонные проводники между низшими и высшими центрами неприспособлены, такъ что эта послѣдняя передается только смежнымъ нейронамъ,—и у насъ будетъ почти все, что требуется для объясненія таинственнаго закона.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы не знаемъ той специфической формы, въ которой передается энергія внѣшняго раздраженія отъ нейрона къ нейрону по смежности, но несомнѣнно, что это — энергія кинетическаго характера, и что въ проводникахъ-дендритахъ должно происходить ея разсѣяніе и поглощеніе, вообще—ея растрата. Законъ разсѣянія и поглощенія естественно принять такой, который существуетъ для наиболѣе типичныхъ формъ кинетической энергіи: потеря пропорціональна времени и относительному напряженію энергіи: такъ обстоитъ дѣло, напр., для теплоты при ея разсѣяніи (при не слишкомъ большой разницѣ температуръ тѣла и его среды), для свѣта при его поглощеніи не вполнѣ прозрачною средою, и т. п.*). Тогда окажется, что *число затронутыхъ возбу-*

*) Принципъ энтропіи, а также общій характеръ физіологическихъ процессовъ позволяютъ думать, что разсѣяніе энергіи въ нервныхъ проводникахъ происходитъ исключительно или главнымъ образомъ въ видѣ теплоты.

жденіемъ нейроновъ приблизительно соотвѣтствуетъ логариѳму силы раздраженія. Это легко видѣть на произвольно выбранныхъ числовыхъ примѣрахъ.

Чтобы вызвать разряженіе собственной потенціальной энергіи нейрона, необходима нѣкоторая сумма переданной съ периферіи энергіи, которая соотвѣтствуетъ опредѣленной величины раздраженію; примемъ величину этого раздраженія за 1. Затѣмъ, пусть при передачѣ по каждому дендриту теряется $^1/_2$ передаваемой энергіи. Тогда для возбужденія одного нейрона съ периферіи достаточно раздраженія 1, но для возбужденія двухъ требуется уже раздраженіе не 2, а 3: на разряженіе перваго нейрона потрачено 1 единица энергіи, а изъ оставшихся 2 единицъ до второго смежнаго нейрона дойдетъ только 1 единица (остальная растратится по пути); и эта дошедшая единица энергіи вызоветъ возбужденіе второго нейрона, но до третьяго смежнаго нейрона уже ничего или почти ничего не дойдетъ. Для возбужденія трехъ нейроновъ нужно раздраженіе 7 (въ первомъ на освобожденіе его потенціальной энергіи тратится 1, до второго изъ оставшихся 6 доходитъ 3, изъ нихъ опять на разряженіе нейрона тратится 1, и дальше дѣло не идетъ). Четыре нейрона могутъ быть затронуты лишь при раздраженіи 15, пять при раздраженіи 31, и т. д. Получаются два ряда:

Энергія раздраженія . . . . 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127, 255...

Число затронутыхъ по смежности нейроновъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8...

Какъ видимъ, связь обоихъ рядовъ лишь минимально отличается отъ той, какая соотвѣтствуетъ «логариомическому» отношенію ряда 2, 4, 8, 16, 32... и ряда 1, 2, 3, 4, 5... Каждый изъ низшихъ нейроновъ, передавая по проэкціонному волокну свою освобождающуюся энергію кортикальному нейрону, вызываетъ въ высшихъ центрахъ особую жизнеразность, съ особымъ начальнымъ пунктомъ—этимъ самымъ кортикальнымъ нейрономъ. Тогда оказывается, что каждой такой

частной жизнеразности соотвѣтствуетъ минимальное ощущеніе: обнаруживается прямой и полный параллелизмъ жизнеразностей и переживаній. Загадочный характеръ психо-физическаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дуалистическое его истолкованіе исчезаютъ.

Въ нашемъ примѣрѣ взятъ совершенно произвольный коэффиціентъ потери энергіи при ея передачѣ между смежными нейронами. Но легко вычислить и дѣйствительную его величину, разъ изъ опыта извѣстенъ знаменатель прогрессіи раздраженій—число, показывающее, во сколько разъ надо увеличить данное раздраженіе, чтобы получить замѣтную разницу въ ощущеніи. Этотъ знаменатель, какъ мы упоминали, для различныхъ «внѣшнихъ чувствъ» различенъ: для осязанія, чувства температуры и для слуха около $1^1/_3$, для мускульнаго чувства (иннервація глазныхъ мускуловъ) около $1^1/_{17}$, для свѣтовыхъ ощущеній около $1^1/_{100}$. Коэффиціентъ потери при каждой передачѣ окажется тогда для первой группы ощущеній $^1/_4$, для второй $^1/_{18}$, для третьей около $^1/_{100}$ — $^1/_{101}$. Такое разнообразіе коэффиціентовъ должно, повидимому, зависѣть отъ различнаго строенія отдѣльныхъ психическихъ центровъ, ихъ нейроновъ и проводниковъ *).

Если теперь, принимая попрежнему минимальное ощутимое раздраженіе за 1, мы составимъ параллельные ряды величины раздраженія и ощущенія, то для осязанія, напр., получится:

A Сила раздраженія 1—2,33—4,11—6,48—9,64—13,85—19,45—26,9—36, 8—50...

B. Число захваченныхъ низшихъ нейроновъ 1—2—3—4—5—6—7—8—9—10...

---

*) Очень возможно, что это различіе въ строеніи и расположеніи нейроновъ не будетъ слишкомъ тонкимъ для методовъ современной гистологіи. Тогда изложенная нами точка зрѣнія могла бы послужить исходной точкой изслѣдованія, его „рабочей гипотезой“.

(Въ цифрахъ перваго ряда мелкія дроби откинуты для краткости).

Теперь посмотримъ, насколько отношенія этихъ рядовъ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ «раздраженій» и «ощущеній».

Соотвѣтствіе нарушается, во-1), для самыхъ верхнихъ частей ряда—для самыхъ сильныхъ раздраженій. Тамъ ощущеніе растетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ ряда, и за извѣстнымъ предѣломъ совсѣмъ перестаетъ замѣтно возрастать. Но это расхожденіе чистой формулы съ опытомъ можно было бы предвидѣть уже a priori на основаніи нашихъ предпосылокъ. Отдѣльные нервные центры обладаютъ ограниченными размѣрами, и число нейроновъ, которые доступны данному виду раздраженія, не безпредѣльно; а кромѣ того нѣкоторые нейроны лежатъ въ сторонѣ отъ обычныхъ путей раздраженія, и оно достигаетъ ихъ съ бо́льшимъ, чѣмъ для другихъ, сопротивленіемъ. При максимальныхъ раздраженіяхъ сначала, вслѣдъ за другими, вводятся въ общую цѣпь реакціи эти труднѣе реагирующіе нейроны — тогда реакція возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ для среднихъ раздраженій. Но затѣмъ, если раздраженіе возрастаетъ еще болѣе, въ спеціальномъ центрѣ не хватаетъ свободныхъ нейроновъ—и ощущеніе замѣтно не измѣняется.

Средніе члены ряда въ опытѣ также представляютъ уклоненія отъ формулы, но незначительныя и неопредѣленныя — то въ ту, то въ другую сторону. Они, естественно, объясняются во-1), нетожественнымъ строеніемъ отдѣльныхъ нейроновъ — различіемъ въ длинѣ и проводимости путей между ними, во-2), просто погрѣшностями эксперимента, который въ данной области еще не отличается большой точностью.

Наконецъ, нижніе члены ряда: первые два, а, можетъ-быть, и три, надо признать довольно сильно уклоняющимися отъ данныхъ опыта. Въ ряду вычисленныхъ раздраженій первое, минимальное, надо увеличить болѣе чѣмъ вдвое, чтобы получить замѣтную разницу ощущенія; въ дѣйствительности же для

этого достаточно увеличить раза въ $1^1/_2$ или немного болѣе. Какъ объяснить это? — Вопросъ представляется очень простымъ, если принять, что концевые воспринимающіе аппараты нервныхъ волоконъ, какъ для нѣкоторыхъ случаевъ установлено съ полной несомнѣнностью, обладаютъ нѣкоторымъ постояннымъ напряженіемъ энергіи, которое можетъ противодѣйствовать внѣшнему раздраженію. Такъ, напр., по отношенію къ сѣтчаткѣ глаза вполнѣ выяснено, что она обладаетъ слабымъ «собственнымъ свѣтомъ». Извѣстная часть энергіи раздраженія можетъ тратиться на то, чтобы нейтрализовать напряженіе концевого аппарата. Величину этой излишне затрачиваемой энергіи надо прибавить ко всѣмъ членамъ нашего перваго ряда, чтобы получить дѣйствительную энергію раздраженія для минимальнаго возрастанія ощущеній. Пусть эта периферическая потеря энергіи равна 1. Тогда отношеніе рядовъ представится въ такомъ видѣ:

A. 2—3, 33—5, 11—7, 48—10, 65...

B. 1—2—3—4—5...

и это уже вполнѣ достаточно согласуется съ данными опыта *).

Хотя, какъ было указано, въ интересахъ изложенія намъ пришлось сильно схематизировать физіологическія и гистологическія отношенія нервной системы, но знакомый съ дѣломъ читатель, сдѣлавши всѣ надлежащія дополненія, легко увидитъ, что они нисколько не измѣняютъ вывода. А сущность этого вывода такова: исходя изъ данныхъ психо-физики, съ наибольшими основаніями можно принять, что *ощущенія пропорціональны тѣмъ жизнеразностямъ, съ которыми непосредственно связаны.*

---

*) Такое же полное согласованіе формулы съ опытомъ получится и въ томъ случаѣ, если концевой аппаратъ чувствительнаго нерва принимать за измѣненный нейронъ, только не имѣющій самостоятельной связи съ высшими центрами. Периферическая чувствующая клѣтка съ ея нейритомъ безъ всякой натяжки можетъ быть признана за такой нейронъ.

Разъ это принято, исчезаютъ всякія основанія для того, чтобы принимать сложную дуалистическую связь вообще между жизнеразностями и соотвѣтственными переживаніями: между тѣми и другими надо признать, въ предѣлахъ количественной оцѣнки, *самую простую зависимость прямой пропорціональности* *).

C. Монистическая концепція жизни.

I.

Сдѣланные нами выводы о количественной связи жизнеразностей и переживаній представляются намъ очень важными для психо-энергетики, но важными именно въ томъ смыслѣ, что указываютъ, *какъ понимать* психо-энергетику и *какъ пользоваться* ею въ изслѣдованіи, а не въ томъ смыслѣ, что доказываютъ ея законность, ея «истинность». *Принять* психо-энергетику, признать правильность примѣненія энергетическаго метода къ «психическимъ явленіямъ» можно и слѣдуетъ совершенно независимо отъ этихъ нашихъ выводовъ, — даже если считать ихъ необоснованными и невѣрными. Для принципіальнаго принятія психо-энергетики, достаточно одного — признанія *постоянной связи* между физіологическими процессами и переживаніями, какой угодно связи, лишь бы она была вполнѣ опредѣленною и для каждаго даннаго случая имѣла одно значеніе. Въ статьѣ «Идеалъ познанія» мы показали, что если только такая зависимость имѣется, то съ энергетической точки

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изложенныя здѣсь психофизическія построенія, касающіяся закона Веберъ-Фехнера, были уже высказаны мною, но въ популярной и сравнительно бѣглой формѣ („Основ. элементы историч. взгляда на природу“ С.-Пб., ,1899, стр. 245—249).

зрѣнія физіологическое явленіе и связанное съ нимъ психическое представляетъ *одну и ту же* величину, одно и то же энергетическое цѣлое, только различными способами воспринимаемое, подобно тому, какъ человѣческое тѣло «видимое» (зрительный комплексъ) и «осязаемое» (комплексъ тактильный) энергетически одно и то же, и различается также только по способу воспріятія. Для этого вовсе не требуется никакой математической пропорціональности между комбинаціями элементовъ психическаго и физіологическаго ряда, какъ не требуется такой пропорціональности между зрительными и тактильными комбинаціями, чтобы признавать ихъ за одно тѣло *).

Но мы не ограничиваемся общимъ признаніемъ энергетичности психическаго опыта, мы нашли, кромѣ того, прямую пропорціональность между жизнеразностями, по ихъ энергетической величинѣ, и переживаніями, по величинѣ ихъ интенсивности, при чемъ также и знакъ тѣхъ и другихъ сказы-

---

*) Поэтому, напр., В. Оствальдъ признаетъ энергетичность „сознанія", хотя и не видитъ той количественной пропорціональности между энергетикой нервной системы и величинами переживаній, какую мы установили. Для него отношеніе этихъ двухъ областей гораздо сложнѣе, и нельзя сказать, чтобы онъ достаточно ясно его формулировалъ (см. его „Натурфилософію", главу о сознаніи и т. д.).

Обычное, старое возраженіе противъ энергетичности сознанія таково: принять ее, значило бы встать въ противорѣчіе съ закономъ сохраненія энергіи; присоединяясь къ энергіи физическихъ процессовъ, энергія психическихъ измѣняла бы ея сумму, а эта сумма, согласно принципу вѣчности „механической" энергіи, неизмѣнна (см. Альб. Ланге, Ал. Риль и др.). Возраженіе это исходитъ изъ *механическаго* пониманія энергіи, и не имѣетъ никакого значенія для пониманія *методологическаго*, которое мы принимаемъ вслѣдъ за Р. Майеромъ, Махомъ, Оствальдомъ и др. Вотъ почему мы сочли излишнимъ останавливаться на этомъ возраженіи.

вается условно одинаковъ *). Этимъ уже устанавливается опредѣленная форма для энергетики переживаній, форма очень широкая и очень общая, которая должна имѣть опредѣленное научное и философское значеніе. Въ чемъ же именно то и другое заключается?

Что касается возможнаго научнаго значенія сдѣланныхъ нами выводовъ, то оно не требуетъ особыхъ поясненій, оно таково же, какъ вообще значеніе всякой обобщающей формулы, сжато резюмирующей связь фактовъ и такимъ путемъ непосредственно организующей опытъ. Здѣсь можетъ еще возникнуть вопросъ о томъ, пригодна ли данная формула, пока она является гипотетической, пока она не получила рѣшающей провѣрки на фактахъ, — пригодна ли она въ качествѣ исходной точки для дальнѣйшаго изслѣдованія, въ качествѣ «рабочей гипотезы»,—иначе ея значеніе могло бы быть только очень эфемернымъ. Но не трудно видѣть, что наша формула, имѣя дѣло съ принципіально-измѣримыми отношеніями (энергія нервныхъ процессовъ, интенсивность переживаній) открываетъ самый широкій просторъ попыткамъ экспериментальной провѣрки и детальнаго изслѣдованія, давая для нихъ опредѣленную руководящую нить (хотя бы даже только временную).

Другого рода — вопросъ о философскомъ значеніи формулы. Оно зависитъ всецѣло отъ того, насколько формула находится въ гармоніи со всѣми остальными выводами познанія, насколько органически сливается она съ ними, какъ тожественная или однородная, — словомъ, въ какой мѣрѣ проявляется въ ней та *всеобщая монистическая тенденція*, которая составляетъ философскую душу познанія. Этотъ критерій мы и должны примѣнить къ нашимъ психо-энергетическимъ выводамъ.

---

*) „Условно“—потому, что отъ насъ зависитъ считать въ анализѣ удовольствіе за положительную величину и страданіе—за отрицательную, а не наоборотъ.

II.

Прежде всего, очевидно, что если существуетъ прямая пропорціональность между жизнеразностями и непосредственными переживаніями, то невозможно представить себѣ ни жизнеразностей безъ соотвѣтственныхъ переживаній, ни наоборотъ, переживаній безъ жизнеразностей: нулевая величина однихъ соотвѣтствуетъ нулевой величинѣ другихъ, конечная величина однихъ конечной величинѣ другихъ. Это, какъ видимъ, опять тотъ же выводъ, къ которому критика психическаго опыта привела насъ раньше другимъ путемъ—путемъ сопоставленія переживаній и высказываній. Уже тогда для насъ выяснилось, что область переживаній, связанныхъ съ даннымъ организмомъ, нельзя безъ противорѣчій ограничивать сферою психическаго опыта данной особи; мы видѣли, что за предѣлами психическаго опыта необходимо принять множество переживаній и ихъ группировокъ, не входящихъ въ основную координацію, а потому и недоступныхъ непосредственному наблюденію, какъ недоступенъ такому же наблюденію психическій опытъ другихъ людей; мы пришли къ мысли, что непосредственныя переживанія должны существовать всюду, гдѣ есть живыя клѣтки и ихъ жизнеразности—всюду, гдѣ есть жизнь «физіологическая». Теперь мы вновь убѣждаемся, что эта идея есть неизбѣжная предпосылка гармонической, свободной отъ противорѣчій концепціи опыта.

Однако не пришли ли мы къ той философской доктринѣ, которая гласитъ, что физическое и психическое суть «двѣ параллельныя стороны одной непознаваемой въ себѣ сущности», или, въ болѣе позитивной варіаціи, «одной реальности», которая познается именно въ этихъ своихъ «двухъ сторонахъ»? Такова одна изъ формъ «монизма», еще очень распространенная въ наше время. Но мы никакъ не можемъ

остановиться на такой точкѣ зрѣнія, не можемъ хотя бы потому, что считаемъ ее вовсе не монистической, а *дуалистической*. Объединеніе двухъ «сторонъ», а съ ними двухъ методовъ познанія въ одномъ *словѣ* «реальность» вовсе не кажется намъ дѣйствительнымъ объединеніемъ; два метода познанія съ нашей точки зрѣнія могутъ означать только дуалистическое познаніе, а двѣ «параллельныя стороны» — только плохую геометрическую метафору. Рѣшенія занимающаго насъ вопроса тутъ еще нѣтъ, а есть въ лучшемъ случаѣ только его постановка; но и она не особенно удачна, такъ какъ при анализѣ опыта «сторонъ» оказывается не двѣ, а больше.

Поставимъ себѣ такой вопросъ: что есть «живое существо», напр., «человѣкъ»? и постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи, съ одной стороны, данныхъ опыта, съ другой стороны, тѣхъ обобщающихъ положеній (о связи жизнеразностей съ переживаніями), къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

«Живое существо», напр., «человѣкъ», это, прежде всего, опредѣленный комплексъ «непосредственныхъ переживаній», частью входящихъ въ одну основную координацію—«психическій опытъ», частью, какъ мы признали, въ нее прямо не входящихъ, но находящихся въ нѣкоторой (пока еще не получившей ближайшаго опредѣленія) связи съ этой координаціей. Таковъ «человѣкъ» въ его «непосредственномъ существованіи», такъ сказать, «человѣкъ an sich». Но не такимъ является онъ въ опытѣ *другого*.

Для другого «живого существа» человѣкъ выступаетъ, прежде всего, какъ *воспріятіе* въ ряду другихъ воспріятій, какъ опредѣленный зрительно-тактильно-акустическій комплексъ въ ряду другихъ комплексовъ. Этотъ комплексъ возникаетъ и исчезаетъ и вновь появляется въ такой же связи, какъ другія «воспріятія»; иногда онъ воспроизводится въ нѣсколько иной связи и съ иной окраской, какъ «представленіе». Таковъ *первоначальный психическій образъ* человѣка въ опытѣ другого человѣка.

Аналогичный, но во многихъ частностяхъ отличающійся комплексъ представляетъ человѣкъ и для самого себя, поскольку онъ «воспринимаетъ» свое «тѣло» при помощи зрѣнія, слуха, осязанія и т. д., какъ «воспринимаютъ» это «тѣло» другіе люди.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи опыта, «человѣкъ» оказывается для себя и для другихъ физическимъ тѣломъ въ ряду другихъ физическихъ тѣлъ. Это тѣло связано съ остальными тѣлами и вообще со всѣмъ «физическимъ міромъ» опредѣленной *объективной закономѣрностью*; оно при опредѣленныхъ условіяхъ возникаетъ, нѣкоторое время непрерывно существуетъ, подвергается опредѣленному, объективно обусловленному циклу измѣненій и, наконецъ, завершаетъ этотъ циклъ тѣмъ, что разрушается. Это также комплексъ зрительныхъ, тактильныхъ и прочихъ элементовъ, очень сходный съ двумя предыдущими фазами, вполнѣ «параллельный» имъ по выраженію Маха, но выступающій въ иной связи опыта: человѣкъ, какъ объективный физіологическій процессъ.

Наконецъ, благодаря тому, что люди взаимно «понимаютъ» другъ друга въ своихъ «высказываніяхъ», человѣкъ и для другихъ становится координаціей непосредственныхъ переживаній, «психическимъ процессомъ». Такое представленіе, присоединяясь къ предыдущему, составляетъ съ нимъ вмѣстѣ обычный дуалистическій образъ человѣка, при чемъ дѣло довершается «интроекціей»: переживанія вкладываются въ физіологическій организмъ, и получается наиболѣе распространенное, вульгарно-синтетическое представленіе «человѣка». Человѣкъ является тогда себѣ и другимъ людямъ, какъ сочетаніе «тѣла» и находящейся внутри его «души»,—сочетаніе по меньшей мѣрѣ не особенно гармоничное.

Таковъ рядъ различныхъ понятій о «человѣкѣ», съ которыми имѣетъ дѣло познаніе. Возникаетъ задача, — оставаясь всецѣло на почвѣ опыта, свести всѣ эти понятія къ познавательному единству. Другими словами, надо свести ихъ взаимную связь къ простѣйшимъ, постояннымъ и всеобщимъ отно-

шеніямъ опыта. Такъ долженъ быть поставленъ вопросъ съ точки зрѣнія эмпиріомонизма.

Исходной точкой изслѣдованія для насъ естественно принять первое изъ указанныхъ понятій —«человѣкъ», какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, или, говоря общѣе, «жизнь» въ ея непосредственномъ осуществленіи. Каждое отдѣльное переживаніе есть уже болѣе или менѣе сложная группировка элементовъ опыта, на которые оно и можетъ быть разложено: жизненный процессъ есть организованное единство цѣлаго ряда такихъ группировокъ, взаимно связанныхъ то въ болѣе, то въ менѣе прочныя и устойчивыя координаціи. Развитіе жизни, при такомъ ея пониманіи, представляется какъ прогрессивная организація элементовъ опыта во все болѣе широкія и стройныя единства.

Этотъ организующій процессъ на различныхъ его стадіяхъ образуетъ жизненные комплексы самыхъ различныхъ типовъ строенія, различные по количеству элементовъ и по степени гармоничности ихъ объединенія. Но для познанія, монистически организующаго опытъ, между всѣми комплексами немыслимы *принципіальныя* различія, различія *по существу*, и отношенія между ними не могутъ быть принципіально иныя, чѣмъ между всякими вообще комплексами опыта. Такимъ образомъ, жизненные комплексы, комплексы переживаній взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, прямо или косвенно, — взаимно измѣняютъ другъ друга, взаимно *отражаются* одинъ въ другомъ, совершенно аналогично тому, какъ всякія комбинаціи элементовъ, съ которыми имѣетъ дѣло познаніе.

Но какъ вообще «отражаются» одни въ другихъ комплексы опыта? При всемъ разнообразіи этихъ отношеній, они существенно сходны для всей области опыта, какъ «физическаго», такъ и «психическаго» — и легко обобщаются въ одной формулѣ. Что касается міра «физическаго», то мы, напр., знаемъ, какъ «отражается» форма предметовъ въ физико-химическомъ строеніи свѣточувствительной пластинки фотографическаго аппарата, какъ «отражаются колебанія» воздушнаго давленія въ

движеніяхъ стрѣлки анероида, измѣненія естественной среды растительнаго или животнаго организма—въ измѣненіяхъ структуры его тканей и органовъ и т. д. Совершенно аналогичнымъ образомъ происходитъ дѣло и съ «психическими» комплексами. Возникшій въ психикѣ образъ съ особенно сильной аффекціональной окраской удовольствія или страданія «отражается» во всѣхъ другихъ образахъ, встрѣчающихся съ нимъ въ полѣ сознанія, налагая на нихъ свой отпечатокъ, дѣлая ихъ яркими, живыми, свѣтлыми или наоборотъ, тусклыми, блѣдными, мрачными. Новая идея, возникшая въ сознаніи, «отражается» обыкновенно во многихъ частныхъ представленіяхъ, вступающихъ въ связь съ нею. Такъ, съ того момента, какъ человѣкъ усвоилъ себѣ общее представленіе о строеніи и функціяхъ живыхъ организмовъ, измѣняются шагъ за шагомъ всѣ его частныя представленія о томъ или другомъ человѣкѣ, животномъ, растеніи, которые вступали въ поле его опыта: общая біологическая идея «отражается» во всѣхъ этихъ представленіяхъ, усложняя и обогащая ихъ содержаніе новыми отношеніями и элементами. Новая философская концепція, проникшая въ міровоззрѣніе человѣка, можетъ «отразиться» во всѣхъ частыхъ комбинаціяхъ, изъ которыхъ слагается это міровоззрѣніе; напр., монистическая идея существенно преобразуетъ строеніе всѣхъ образовъ сознанія, сформированныхъ раньше по дуалистическому типу, сглаживая рѣзкія границы, создавая между группировками такіе переходы и связи, которыхъ раньше не было.

Подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести безконечное множество, но и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы вывести общую формулировку, которая должна быть приблизительно такова:

комплексъ *A*, прямо или косвенно отражаясь въ комплексѣ, *B*, воспроизводится въ немъ не въ своемъ непосредственномъ видѣ, но въ видѣ опредѣленнаго ряда измѣненій этого второго комплекса, измѣненій, связанныхъ съ содержаніемъ и строеніемъ перваго комплекса функціональной зависимостью.

Очевидно, что эта формула выражаетъ всѣ случаи *взаимнаго вліянія* («взаимодѣйствія») комплексовъ опыта. Въ своихъ различныхъ модификаціяхъ она соотвѣтствуетъ различнымъ исторически развивавшимся формамъ пониманія «причинности» явленій *). И эта формула является также вполнѣ достаточной, чтобы монистически выразить связь различныхъ «параллельныхъ сторонъ» жизни, или, что то же, «объяснить» ихъ параллелизмъ.

Первое понятіе «жизни», то, къ которому привела насъ критика психическаго опыта, какъ мы указали, сводится къ слѣдующему. Жизненный процессъ, взятый въ его непосредственномъ содержаніи («жизнь an sich») есть комплексъ переживаній, въ различной мѣрѣ объединяемыхъ организующей связью въ одно цѣлое. Комплексъ этотъ можетъ прямо или косвенно «отражаться» въ другихъ аналогичныхъ комплексахъ но, согласно всеобщей формулѣ отношеній опыта, онъ «отражается» въ нихъ не какъ таковой, не въ своемъ непосредственномъ видѣ, а въ видѣ такого или иного ряда измѣненій этихъ комплексовъ, въ видѣ входящей въ нихъ новой группировки элементовъ, усложняющей ихъ «внутреннія» отношенія. *Эта новая группировка и есть „воспріятіе“ даннаго жизненнаго процесса въ другомъ подобномъ процессѣ*, напр., воспріятіе «человѣка» (какъ организма), выступающее въ ряду переживаній другого человѣка. Это «воспріятіе», какъ всякое вообще «отраженіе», отнюдь не есть прямая копія «отражаемаго», но связано съ нимъ лишь опредѣленной, въ различныхъ случаяхъ различной, *функціональной зависимостью*. И, какъ мы знаемъ, такая функціональная зависимость между переживаніями одного живого существа, и воспріятіемъ этого

*) Терминъ „отраженіе“ мы примѣняемъ здѣсь исключительно въ виду его наглядности. Пользуясь выраженіемъ болѣе точнымъ, мы должны были бы говорить о „результатахъ вліянія одного комплекса на другой“, объ ихъ функціональной зависимости отъ содержанія „вліяющаго“ комплекса; это было бы и очень отвлеченно, и очень тяжеловѣсно.

существа въ опытѣ другого имѣется въ дѣйствительности; на ней основано всякое общеніе живыхъ существъ, ихъ взаимное «пониманіе».

Здѣсь очень важно еще одно обстоятельство. Взаимодѣйствіе «живыхъ существъ» не совершается прямо и непосредственно; переживанія одного не лежатъ въ полѣ опыта другого. Одинъ жизненный процессъ «отражается» въ другомъ лишь косвенно, а именно при посредствѣ «среды». Но что такое «среда»?

Понятіе это имѣетъ смыслъ только въ противопоставленіи тому, что имѣетъ свою «среду», т.-е. въ данномъ случаѣ — жизненному процессу. Если мы разсматриваемъ жизненный процессъ, какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, то «среда» будетъ все, что не входитъ въ этотъ комплексъ. Если же это та «среда», при посредствѣ которой одни жизненные процессы «отражаются» въ другихъ, то она должна представлять изъ себя совокупность элементовъ, не входящихъ въ организованные комплексы переживаній—совокупность неорганизованныхъ элементовъ, хаосъ элементовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это то, что въ воспріятіи и въ познаніи выступаетъ для насъ, какъ «неорганическій міръ».

Тутъ надо устранить возможныя недоразумѣнія. *Въ нашемъ опытѣ* неорганическій міръ не есть хаосъ элементовъ, а рядъ опредѣленныхъ пространственно-временныхъ группировокъ; *въ нашемъ познаніи* онъ превращается даже въ стройную систему, объединенную непрерывной закономѣрностью отношеній. Но «въ опытѣ» и «въ познаніи», это значитъ — въ чьихъ-либо *переживаніяхъ;* единство и стройность, непрерывность и закономѣрность принадлежатъ именно переживаніямъ, какъ организованнымъ комплексамъ элементовъ; взятый независимо отъ этой организованности, взятый «an sich», неорганическій міръ есть именно хаосъ элементовъ, полное или почти полное безразличіе. Это отнюдь не метафизика, это только выраженіе того факта, что неорганическій міръ не есть жизнь, и той основной монистической идеи, что неорга-

ническій міръ отличается отъ живой природы не своимъ матеріаломъ (тѣ же «элементы», что и элементы опыта), а своей неорганизованностью (точнѣе, вѣроятно, *низшей* организованностью).

Если неорганизованная «среда» является промежуточнымъ звеномъ во взаимодѣйствіи жизненныхъ процессовъ, если при посредствѣ ея комплексы переживаній «отражаются» одинъ въ другомъ, то не представляетъ ничего новаго и страннаго тотъ фактъ, что при посредствѣ ея же данный жизненный комплексъ «отражается» и въ себѣ самомъ. Комплексъ *A*, воздѣйствуя на комплексъ *B*, можетъ при посредствѣ его оказать вліяніе на комплексъ *C*, — но также и на комплексъ *A*, т.-е. на самого себя. Такъ, въ сѣтчаткѣ глаза, при посредствѣ свѣтовой среды, получается не только изображенія другихъ предметовъ, напр., чужого глаза, но также, при опредѣленной комбинаціи условій, изображеніе этого самого глаза; живой организмъ, измѣняя свою жизненную среду, косвенно измѣняетъ себя самого, такъ какъ эта измѣненная среда въ свою очередь воздѣйствуетъ на него. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, что живое существо можетъ имѣть «внѣшнее воспріятіе» себя самого, можетъ видѣть, осязать, слышать себя, и т. д., т.-е. можетъ въ ряду своихъ переживаній находить такія, которыя представляютъ косвенное (при посредствѣ «среды») отраженіе этого же самаго ряда. Естественно также, что это «воспріятіе» окажется въ значительной мѣрѣ сходно съ «воспріятіемъ» даннаго жизненнаго процесса другими аналогично-организованными живыми существами, но отчасти также будетъ отъ него отличаться, въ силу не вполнѣ одинаковыхъ отношеній къ «средѣ», составляющей промежуточное звено между жизненнымъ процессомъ и его «воспріятіемъ». Напр., зрительное воспріятіе лица *A* у него самого во многомъ не такое, какъ у другихъ окружающихъ его людей—*B*, *C* и т. д.; но это различіе того же порядка, какъ различіе воспріятія *A* въ психикѣ другого лица *B* въ зависимости отъ разстоянія, взаимнаго положенія того и

другого, отъ освѣщенія, отъ мѣста, занимаемаго разными предметами среды, и пр. Словомъ, отношеніе «жизни» и ея «внѣшняго воспріятія» и здѣсь ничѣмъ принципіально не отличается отъ обычныхъ отношеній между какимъ-либо комплексомъ опыта и его «отраженіемъ».

Остается, наконецъ, еще одна и послѣдняя изъ основныхъ фазъ пониманія «жизни»—ея *объективная* концепція: жизнь, какъ объективно-закономѣрный процессъ въ ряду другихъ процессовъ объективнаго, «физическаго» міра. Съ точки зрѣнія индивидуалистической психологіи, эта фаза всецѣло выводится изъ ассоціацій личнаго опыта: координируя свои воспріятія и представленія, психика вырабатываетъ для нихъ пространственно-временной порядокъ; тѣсно объединяя въ этой системѣ воспріятія и представленія, взаимно сходныя по элементамъ, строенію и по отношеніямъ съ другими комплексами, психика образуетъ изъ нихъ «тѣла» и «процессы» объективнаго міра.

Такъ, съ этой точки зрѣнія, объективно-существующее «тѣло» человѣка является, въ опытѣ его самого и каждаго изъ другихъ людей, результатомъ простой индивидуальной координаціи (въ пространственно-временномъ порядкѣ) различныхъ «воспріятій» этого «тѣла» въ данной психикѣ.—Но для насъ такое пониманіе дѣла представляется весьма недостаточнымъ.

Мы не будемъ подробно излагать здѣсь наши воззрѣнія по этому вопросу, такъ какъ это выполнено въ предыдущей нашей статьѣ—«Идеалъ познанія»; мы ограничимся тѣмъ, что сжато резюмируемъ свою точку зрѣнія.—Она такова. Характеристикой «физическаго» міра со всѣми его «тѣлами» или «процессами» является его «объективность», т.-е. общезначимость. Принимая «объективный» опытъ съ его связью и закономѣрностью, человѣкъ принимаетъ тѣмъ самымъ, что этотъ опытъ, эта связь и закономѣрность не только для него и въ данное время, но для всякаго познающаго существа и во всякое время имѣютъ одинаковое познавательное значеніе. Такое отношеніе къ опыту не можетъ сложиться исключи-

тельно на почвѣ опыта индивидуальнаго; оно является результатомъ взаимнаго пониманія живыхъ существъ въ ихъ высказываніяхъ, и взаимнаго согласованія, взаимной гармонизаціи «высказываемыхъ» переживаній; словомъ, оно возникаетъ путемъ коллективной организаціи опыта.

Всего легче и яснѣе это можно показать на всеобщихъ формахъ «объективности» опыта, каковы «чистое» или «ариѳметическое» время, «чистое» или «геометрическое» пространство, и причинность. Ариѳметическое время и геометрическое пространство характеризуется своей полной *однородностью, непрерывностью и безграничностью;* для всѣхъ этихъ основныхъ чертъ нѣтъ почвы въ индивидуальномъ опытѣ, въ которомъ вырабатывается только «физіологическое» время и «физіологическое» пространство, неоднородныя въ своихъ частяхъ, лишенныя непрерывности и конечныя по своей величинѣ. Точно такъ же въ индивидуальномъ опытѣ нѣтъ почвы для всеобщихъ объективныхъ отношеній причинности, а могутъ сложиться только *привычныя отношенія послѣдовательности явленій*, отношенія частнаго характера.

Такимъ образомъ формы «объективности» опыта суть формы его соціальной координаціи, а «объективный опытъ», вообще, опытъ соціально-организованный *). Всякія «объективно существующія» тѣла и процессы являются продуктомъ соціальнаго согласованія воспріятій и представленій, «переживаемыхъ» отдѣльными людьми и «выражаемыхъ» высказываніями. Таковы и «живыя тѣла»,—физіологическіе процессы, то, что называется «физіологической стороной» жизни. Какъ видимъ, тутъ нѣтъ никакой особой «стороны» жизненнаго процесса, а только особый типъ группировки того же матеріала, какой имѣется

*) Хотя бы „опытъ“ былъ по содержанію въ отдѣльномъ случаѣ еще только индивидуальнымъ, онъ есть опытъ соціально-организованный или объективный, если вполнѣ укладывается въ формы „объективности“ опыта, въ формы его соціальнаго согласованія. См. вышеупомянутую статью.

въ предыдущихъ двухъ фазахъ понятія жизни (жизнь во «внѣшнемъ воспріятіи» различныхъ живыхъ существъ и, конечно, въ соотвѣтствующемъ ихъ «представленіи»).—Это результатъ коллективной гармонизаціи тѣхъ безчисленныхъ «отраженій», которыя порождаются одними жизненными комплексами въ другихъ.

Благодаря этой гармонизаціи достигается то, что «объективное» представленіе жизни (какъ физіологическаго процесса) все въ большей мѣрѣ начинаетъ соотвѣтствовать ея дѣйствительному, *непосредственному* содержанію. Психо-энергетика впервые создаетъ настоящій *познавательный параллелизмъ* между жизнью, какъ комплексомъ переживаній, и ея отраженіемъ въ соціально-организованномъ опытѣ *). Въ то же время отношеніе между жизнью въ ея непосредственномъ содержаніи и между жизнью объективированной для познанія оказывается принципіально то же, что между какимъ бы то ни было комплексомъ опыта и его отраженіемъ въ другомъ комплексѣ. Тутъ не остается мѣста никакому дуализму. Это точка зрѣнія *эмпиріомонизма*.

Съ этой точки зрѣнія какъ нельзя болѣе просто и понятно, какимъ образомъ для каждаго человѣка, кромѣ его собственнаго непосредственно-психическаго опыта, существуетъ также психическій опытъ другихъ людей и вообще другихъ живыхъ существъ. Этотъ чужой опытъ, какъ мы знаемъ, конструируется на основаніи высказываній. Воспроизводя чужое «сознаніе», психика дѣйствуетъ по типу фонографа. Воспринятыя вами высказыванія другихъ людей представляютъ своеобразное «отраженіе» ихъ переживаній, отраженіе очень «непохожее», но функціонально-зависимое отъ «отражаемаго»,—

*) Намъ нѣтъ надобности останавливаться на обычныхъ „психо-физическихъ“, всегда, въ сущности, дуалистическихъ представленіяхъ о жизни (жизнь, какъ совокупность параллельныхъ или непараллельныхъ рядовъ психическаго опыта и физіологическихъ процессовъ). Это исторически необходимая и преходящая комбинація.

точно такъ же какъ черточки на валикѣ фонографа «непохожи» на отразившуюся въ нихъ мелодію, но функціонально-зависимы отъ ея строенія. И какъ эти черточки при движеніи фонографа служатъ исходной точкой «воспроизведенія» мелодіи, т.-е. собственно *второго ея отраженія*, болѣе съ ней сходнаго, чѣмъ первое, такъ чужія высказыванія при ассоціативной дѣятельности сознанія служатъ исходной точкой «воспроизведенія» чужихъ переживаній, т.-е. второго ихъ отраженія, болѣе съ ними сходнаго, чѣмъ первое. Чужой психическій опытъ въ нашемъ познаніи есть *отраженное отраженіе* непосредственныхъ переживаній другихъ существъ.

Въ предыдущемъ мы показали, что стройная и гармоническая концепція опыта возможна только въ томъ случаѣ, если мы за всякой физіологической организаціей жизни будемъ принимать «ассоціативную» организацію переживаній — если признаемъ полный параллелизмъ жизни въ «объективныхъ» и «субъективныхъ» ея проявленіяхъ. Другими словами, всякій «физіологическій» процессъ долженъ разсматриваться, какъ обнаруженіе, «высказываніе» ассоціативныхъ, непосредственныхъ комплексовъ (мы назвали бы ихъ «психическими», если бы съ этимъ терминомъ не соединялось обыкновенно представленіе объ извѣстной сложности переживаній).

Не слѣдуетъ ли распространить этотъ принципъ, кромѣ живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для послѣдовательнаго монистическаго мышленія, это неизбѣжно, но только какъ *познавательная тенденція;* конкретно же осуществить ее мы въ настоящее время *почти* не въ силахъ. Фонографъ только тогда можетъ правильно воспроизвести мелодію, когда игла его движется въ средѣ, достаточно сходной съ тою, въ которой мелодія была воспринята (т.-е. съ атмосферою). Помѣстите фонографъ въ воду или въ безвоздушное пространство — и воспроизведеніе записанныхъ фонографомъ мелодій въ прежней ихъ формѣ не удастся ни въ какомъ случаѣ: То же относится и къ «фонографической» дѣятельности психики. Наша психика тѣмъ менѣе точно воз-

создаетъ переживанія другого существа, чѣмъ менѣе сходна она съ психикой этого существа: несходство психической среды переживаній препятствуетъ «пониманію» чужихъ высказываній. Намъ удается еще до извѣстной степени воспроизводить въ своей психикѣ различныя переживанія высшихъ животныхъ, и это познавательно-полезно, такъ какъ помогаетъ намъ предвидѣть ихъ дѣйствія. Но уже по отношенію къ низшимъ животнымъ—сравнительно рѣдко удается стать на точку зрѣнія ихъ психики; обыкновенно мы не «понимаемъ» ихъ высказываній настолько, чтобы предвидѣть что-либо на этомъ основаніи. Такимъ образомъ, уже здѣсь чаще приходится подставлять «физіологическое» вмѣсто «психическаго», чѣмъ наоборотъ. По отношенію къ растеніямъ самое понятіе «высказываній» становится почти безполезнымъ; тѣмъ болѣе безполезно оно по отношенію къ неорганическому міру. Ассоціативные комплексы—это комплексы опредѣленнымъ образомъ *организованные*; какимъ образомъ можемъ мы ихъ подставить подъ неорганическія явленія, въ которыхъ вообще не находимъ организованности? Хаосъ элементовъ—вотъ въ какомъ видѣ приходится намъ представлять неорганическій міръ «въ самомъ себѣ».

Первобытный анимистъ и современный поэтъ отнюдь не выходятъ за предѣлы законныхъ пріемовъ познавательнаго творчества, когда они «одушевляютъ» всю природу. Но научное познаніе изъ безчисленныхъ примѣненій этихъ пріемовъ выбираетъ только то, что можетъ послужить къ расширенію человѣческаго «предвидѣнія», т.-е. въ концѣ концовъ къ возрастанію власти человѣка надъ природою.

III.

Та элементарно-простая и понятная концепція жизни, которую мы приняли, неминуемо должна встрѣтить рядъ возраженій, съ которыми мы и должны, по мѣрѣ возможности, считаться заранѣе. Мы не обязаны, конечно, принимать во вни-

маніе тѣ безчисленныя недоумѣнія и противорѣчія, которыя будутъ исходить изъ привычныхъ дуалистическихъ концепцій или изъ метафизическихъ основаній: первыя потому, что дѣло идетъ какъ разъ объ устраненіи всякаго дуализма, вторыя— потому что наша задача отнюдь не выходитъ за предѣлы гармонизаціи возможнаго опыта и, слѣдовательно, не имѣетъ къ мет-эмпиріи никакого отношенія. Но явятся и такія возраженія, которыя будутъ стоять всецѣло на эмпирической почвѣ; легко предвидѣть тѣ изъ нихъ, которыя должны представляться наиболѣе очевидными и естественными.

Прежде всего, можетъ показаться страннымъ, до какой степени велико въ нашей концепціи несходство между «отраженіемъ» и «отражаемымъ». Если «воспріятіе» живого существа *A* въ сознаніи другого существа *B* есть отраженіе всего комплекса переживаній *A* въ комплексѣ *B*, то это, какъ будто, слишкомъ ужъ незначительное и непохожее отраженіе: колоссальный комплексъ переживаній, охватывающій цѣлый міръ индивидуальнаго опыта, съ одной стороны, и незначительная зрительно-тактильно-акустическая комбинація элементовъ, съ другой: что здѣсь общаго? Отвѣтить легко: общаго здѣсь то, что всегда имѣется общаго между «отражаемымъ» и «отраженіемъ», насколько извѣстна намъ связь опыта: это общее— функціальная зависимость «отраженія» и «отражаемаго». Зависимость эта достаточно опредѣленна и полна, чтобы существо *B*, на основаніи своего воспріятія *A*, могло «понимать» *A*, т.-е. представлять себѣ, съ приблизительной вѣрностью, его непосредственныя переживанія и ихъ измѣненія, нерѣдко даже очень незначительныя. Иного «сходства» мы и ожидать не можемъ. Какое «сходство» между перемѣной погоды и между движеніемъ ртутныхъ столбиковъ барометра и термометра? Между тѣмъ, для метеоролога это достаточно ясныя «отраженія». И притомъ здѣсь еще скорѣе можно было бы ожидать нѣкотораго непосредственнаго сходства между отражаемымъ и отраженіемъ, потому что дѣло идетъ о вліяніи одного *неорганизованнаго* комплекса элементовъ —

атмосфера — на другой, также *неорганизованный* — ртутный столбикъ: неорганизованные комплексы должны «отражать» другъ друга съ наименьшимъ, такъ сказать, сопротивленіемъ.— Напротивъ, комплексы организованные, т.-е. стройные, устойчивые, сохранявшіеся подъ различными вліяніями, должны «отражать» эти вліянія въ наиболѣе «измѣненномъ» видѣ. Сложившаяся организація жизни отнюдь не простое зеркало для ея среды.

Но, скажетъ читатель, даже для чисто функціональной зависимости тутъ дано слишкомъ мало. Человѣкъ живетъ, положимъ, страшно интенсивной жизнью; за самое короткое время его психика испытываетъ цѣлые перевороты, вся дѣятельность сознанія мѣняетъ свое направленіе и характеръ, а «воспріятіе» этого человѣка, т.-е. отраженіе его переживаній въ психикѣ другого, остается приблизительно такимъ же, какъ и прежде. Отчего оно не мѣняется столь же радикально, какъ и то, чего «отраженіемъ» оно является?

Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи. Тотъ организованный комплексъ переживаній, который составляетъ данное «существо», вовсе не подвергается *въ своемъ цѣломъ* такимъ «переворотамъ», какіе происходятъ въ сферѣ «сознанія», не подвергается никогда, кромѣ развѣ случая дезорганизаціи, т.-е. смерти. Въ предыдущемъ было достаточно выяснено, что дѣйствительная сумма переживаній, соотвѣтствующая данному физіологическому организму, неизмѣримо шире того, что въ данный моментъ имѣется въ полѣ сознанія. Даже область собственно «психическаго опыта», считая въ ней всю совокупность переживаній, сохраняющихся въ сферѣ «памяти» и возобновляющихся въ сознаніи при наличности извѣстныхъ условій, даже эта область почти безконечно превосходитъ по своимъ размѣрамъ всякое данное поле сознанія: въ этомъ полѣ выступаютъ, главнымъ образомъ, текущія жизненно важныя измѣненія въ системѣ психическаго опыта. Съ какой бы быстротой и интенсивностью ни совершалась работа сознанія, она не можетъ внести большихъ перемѣнъ въ самую обшир-

ную область опыта — область прошлаго, и въ самыя главныя его группировки — общія формы координаціи, выработанныя этимъ прошлымъ опытомъ.—Но и вся сфера психическаго опыта составляетъ только часть и, можно думать, незначительную часть той суммы переживаній, которая въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ данному «организму»: психическій опытъ есть только главная координація этихъ переживаній; но кромѣ нея, какъ мы видѣли, существуетъ еще множество побочныхъ, находящихся съ ней въ связи, но и въ то же время относительно независимыхъ координацій, болѣе узкихъ и менѣе организованныхъ; всякой живой клѣткѣ соотвѣтствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, нѣкоторый, хотя бы незначительный комплексъ переживаній, и эти безчисленные комплексы лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ случаевъ попадаютъ въ сферу непосредственнаго психическаго опыта. Такое живое существо, какъ человѣкъ, это — цѣлый міръ переживаній, и всѣ «перевороты», происходящіе въ сознаніи, преобразуютъ каждый разъ лишь ничтожную часть этого міра. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что и «внѣшнее воспріятіе», которое является «отраженіемъ» этого міра въ другомъ подобномъ мірѣ, лишь незначительно измѣняется при кажущихся переворотахъ психики *). И все же оно измѣняется настолько, что въ большинствѣ случаевъ достаточно «выражаетъ» подобные перевороты, иначе они не могли бы быть замѣчены и поняты другими живыми существами при помощи высказываній.

Но простое «воспріятіе» одного живого существа въ опытѣ другого (или его самого) есть только низшая фаза «отраженія» жизненнаго комплекса въ другихъ такихъ комплексахъ

*) Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія вполнѣ мыслимо двойственное сознаніе при одномъ „физіологическомъ организмѣ“: оно означало бы лишь частичную дезорганизацію въ сферѣ психическаго опыта, т.-е. опять-таки въ одной частной области даннаго комплекса переживаній — „живого существа“.

(или въ немъ самомъ). На дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія изъ такихъ «воспріятій» создаются «тѣла» и «процессы» объективнаго міра. Это происходитъ путемъ накопленія индивидуальнаго опыта—съ одной стороны, и путемъ соціальнаго общенія—съ другой. Въ личномъ опытѣ однородныя воспріятія и представленія объединяются въ прочные комплексы; взаимная передача переживаній при обмѣнѣ особей высказываніями ведетъ къ тому, что однородные комплексы, сложившіеся въ опытѣ различныхъ особей, взаимно дополняются и гармонизируются, пріобрѣтая характеръ общезначимости или объективности, становясь комплексами соціально-организованнаго опыта. Такъ получаются «физическія тѣла» и «процессы». Въ ряду ихъ выступаютъ и «живые организмы», объективныя физіологическія координаціи—отраженіе индивидуальной жизни въ соціально-организующемся опытѣ, отраженіе неизмѣримо болѣе сложное и полное, чѣмъ отдѣльное «воспріятіе» живого организма въ опытѣ другого.

Непрерывно расширяющійся коллективный опытъ, принимающій въ жизни культурнаго человѣчества форму опыта научнаго, основаннаго на планомѣрномъ изслѣдованіи, вноситъ все новыя и новыя черты въ понятіе о физіологическомъ процессѣ, обогащаетъ представленіе объ организмѣ новыми и новыми элементами. Въ результатѣ—«отраженіе» начинаетъ все точнѣе соотвѣтствовать «отражаемому», функціональная связь того и другого стоновится все болѣе прямой и отчетливой. Имѣя передъ собою тѣ или иныя «непосредственныя переживанія», люди сознательно ищутъ прямо соотвѣтствующихъ имъ физіологическихъ процессовъ, и наоборотъ. При этомъ всѣ различныя степени и формы организаціи непосредственныхъ переживаній находятъ себѣ объективное отраженіе въ различныхъ степеняхъ и формахъ организаціи физіологической. Это *психо-физіологическій параллелизмъ жизни*, но не въ дуалистическомъ, а въ строго монистическомъ его значеніи: параллелизмъ не двухъ аттрибутовъ одной субстанціи, не двухъ сторонъ одной реальности, а параллелизмъ отражае-

маго съ его отраженіемъ, такой же, какой наблюдается при взаимодѣйствіи всѣхъ возможныхъ комплексовъ опыта, когда одни комплексы «отражаются» въ другихъ и обратно.

Путь, которымъ мы пришли къ принятой нами точкѣ зрѣнія, въ основныхъ чертахъ таковъ. Вслѣдъ за большинствомъ современныхъ психологовъ, мы признали, какъ фактъ, психофизіологическій параллелизмъ жизни, или, говоря общѣе, функціональную зависимость между жизнью физіологической и непосредственными переживаніями. Объясненія этой связи мы считали возможнымъ искать только въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ опыта, не пытаясь выйти за его предѣлы. Въ опытѣ параллелизмъ или однозначущая функціональная зависимость выступаетъ, какъ постоянное отношеніе, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ «отраженіи» одного комплекса въ другомъ или, выражаясь точнѣе и отчетливѣе, о результатахъ вліянія одного комплекса на другой. Конечно, параллельны не только «отраженіе» съ «отражаемымъ», но также и два «отраженія» одного и того же третьяго; однако, такъ какъ въ опытѣ мы не находимъ ничего третьяго, «отраженіемъ» чего могли бы быть одновременно и физіологическій процессъ, и потокъ непосредственныхъ переживаній, а за предѣлы опыта мы не умѣли и не желали выходить, то мы должны были принять, что изъ двухъ послѣднихъ одно является «отражаемымъ», а другое «отраженіемъ». Но такъ какъ исторія психическаго развитія показываетъ, что объективный опытъ съ его непрерывной связью и стройной закономѣрностью есть результатъ долгаго развитія, и лишь шагъ за шагомъ кристаллизуется изъ потока непосредственныхъ переживаній, то намъ оставалось только принять, что *объективный* физіологическій процессъ есть «отраженіе» комплекса непосредственныхъ переживаній, а не наоборотъ. Дальше оставался вопросъ: если «отраженіе», то въ чемъ же именно? Отвѣтъ мы дали сообразно съ принятой нами соціально-монистическій концепціей опыта. Признавая общезначимость объективнаго опыта за выраженіе его соціальной организованности, мы пришли къ слѣдующему

эмпиріомонистическому выводу: жизнь физіологическая есть результатъ коллективной гармонизаціи «внѣшнихъ воспріятій» живого организма, изъ которыхъ каждое является отраженіемъ одного комплекса переживаній въ другомъ (или въ немъ самомъ). Другими словами: *физіологическая жизнь есть отраженіе жизни непосредственной въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ.*

Universum.

(Эмпиріомонизмъ отдѣльнаго и непрерывнаго).

Эмпиріомонистическая точка зрѣнія на жизнь и міръ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новымъ вопросомъ, съ новой загадкой. Если различныя координаціи ассоціативнаго характера могутъ «отражаться» одна въ другой, т.-е. вызывать одна въ другой измѣненія по типу причинной связи, то онѣ должны находиться въ нѣкоторомъ «общемъ полѣ», быть не вполнѣ «отдѣльными» одна отъ другой. — Для дуализма *въ этомъ пунктѣ* особыхъ трудностей не возникаетъ. Онъ принимаетъ, что всѣ «тѣла» находятся въ одномъ, непрерывномъ общемъ полѣ — въ «природѣ физической», и понятно, что тамъ они могутъ «воздѣйствовать» одно на другое; психика же «воздѣйствуетъ» на другую психику *при посредствѣ* тѣлъ, а не прямо; поэтому для двухъ психикъ и не требуется непосредственно «общаго поля» (хотя, конечно, требуется другое «общее поле»—для каждой психики съ соотвѣтственнымъ ей «тѣломъ»). Но мы признали, что сама «физическая природа» есть *производное* отъ комплексовъ непосредственнаго характера (къ числу которыхъ принадлежатъ и «психическія» координаціи), что она есть отраженіе такихъ комплексовъ въ другихъ, имъ аналогичныхъ, только самаго сложнаго типа (въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ). Такимъ образомъ

сдѣлать «физическій міръ» посредникомъ между отдѣльными непосредственными координаціями, напр., психикой человѣка *A* и человѣка *B*, оказывается невозможно. Для нихъ требуется иное всеобщее поле, иная система непрерывныхъ связей, которой непосредственный опытъ однако не даетъ. Какимъ образомъ чужое сознаніе, находясь, несомнѣнно, *внѣ* моего, можетъ порождать въ немъ измѣненія по закону причинности, который выражаетъ соотношенія *непрерывнаго* характера? Какимъ образомъ мои собственныя «безсознательныя переживанія» одновременно являются и жизненно-связанными съ главной координаціей—«сознаніемъ», какъ части одной и той же «психической системы», и отдѣльными отъ этой координаціи—«недоступными сознанію»? — Вообще, если познаніе стремится установить *непрерывность* всего, что познается, то какимъ образомъ оно можетъ допустить *отдѣльность* различныхъ явленій, какъ мирится оно съ тѣмъ фактомъ, что различные комплексы выступаютъ *не въ одномъ* полѣ, не сливаются въ одинъ непосредственный *πᾶν*-комплексъ?

Этотъ же вопросъ можно выразить, какъ задачу объ «индивидуальномъ» и «универсальномъ», какъ требованіе охватить одной стройной познавательной концепціей самостоятельность «частнаго» и единство «всеобщаго». Фатальный для философіи вопросъ объ «я» и «не-я» представляетъ изъ себя только часть, только извѣстную сторону этой задачи, и разрѣшается вмѣстѣ съ нею.

Познаніе не можетъ создать точной картины опыта, если въ ней не найдутъ себѣ мѣста всевозможные *перерывы* опыта. Но картина не будетъ монистической, если эти перерывы останутся простыми *нарушеніями непрерывности*. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы свести ихъ къ тѣмъ же объединяющимъ формамъ, которыя вообще создаютъ познавательную непрерывность «реальнаго», — подобно тому какъ перерывъ между «организмомъ» и «психикой» мы свели къ объединяющей непрерывности причинной связи. Если бы это не удалось, то мы пришли бы только къ новой формѣ

дуализма, или, пожалуй, къ плюрализму «непрерывностей, раздѣленныхъ перерывами». Здѣсь—рѣшающее испытаніе для эмпиріомонистической точки зрѣнія.

I.

Изслѣдованіе нашей задачи всего удобнѣе начать съ вопроса о реальномъ единствѣ психической системы—о жизненной связи «сознанія» и «безсознательнаго» въ рамкахъ такой системы.

Принимая полный параллелизмъ физіологическихъ процессовъ съ непосредственными переживаніями, принимая, что первые представляютъ опредѣленное «отраженіе» вторыхъ, мы пріобрѣли для своего анализа большое методологическое преимущество: возможность, вмѣсто одной «стороны» жизни подставлять, по мѣрѣ надобности, другую. Однѣ особенности жизненныхъ комплексовъ легче прослѣдить и систематизировать съ «физіологической» точки зрѣнія, другія—съ «психической». Вопросъ о реальномъ единствѣ живого существа, очевидно, цѣлесообразнѣе разсматривать сначала «физіологически», потому что физіологія даетъ намъ это единство и въ наиболѣе наглядной, и въ наиболѣе понятной формѣ, какъ единство «живого тѣла». Опираясь на всѣ пріобрѣтенія физіологическаго анализа, гораздо легче преодолѣть трудности анализа «непосредственныхъ переживаній».

Физіологически, живое существо представляется, какъ непрерывный, пространственно-ограниченный комплексъ физико-химическихъ процессовъ. Процессы эти познаются энергетически, какъ усвоеніе и затрата энергіи въ томъ или другомъ «мѣстѣ» организма. «Непосредственныя переживанія» соотвѣтствуютъ тѣмъ случаямъ, когда усвоеніе и затрата взаимно не уравновѣшиваются, когда возникаетъ «жизнеразность». Въ сферу «психическаго опыта» входятъ лишь тѣ изъ непосредственныхъ переживаній, которыя соотвѣтствуютъ жизнераз-

ностямъ центральнаго нервнаго аппарата—наиболѣе развитой, наиболѣе *связной* изъ физіологическихъ системъ организма. Но и эти переживанія еще далеко не всѣ протекаютъ въ предѣлахъ психическаго опыта: когда въ различныхъ уголкахъ центральной нервной системы «жизнеразности» протекаютъ изолированно, не сливаясь съ общимъ потокомъ жизнеразностей объединяющихъ, «высшихъ» центровъ, то соотвѣтственныя переживанія остаются «внѣ сознанія». Гдѣ прерывается связь жизнеразностей, тамъ прерывается и связь непосредственныхъ переживаній *).

Итакъ, «общее поле сознанія» существуетъ постольку, поскольку жизнеразности центральнаго органа взаимно связываются въ непрерывный рядъ. Предполагать, что для другихъ, внѣ-сознательныхъ координацій, дѣло обстоитъ иначе, мы, очевидно, не имѣемъ никакихъ основаній. Получается такой выводъ: непосредственныя переживанія выступаютъ въ одномъ полѣ (т.-е. въ непосредственной связи) въ тѣхъ же случаяхъ, когда физіологическія жизнеразности непосредственно соединяются между собою; непосредственныя переживанія протекаютъ въ различномъ полѣ, когда жизнеразности физіологически разъединены, не образуютъ непрерывной цѣпи въ физіологической системѣ.

---

*) Представленіе, котораго, повидимому, держался Р. Авенаріусъ, что жизнеразности, протекающія въ отдѣльныхъ „Partialsysteme“, соединяются съ „фактами сознанія“ (E—Werte), совершенно неудовлетворительно. Ему противорѣчатъ всѣ тѣ случаи, когда „Partialsystem“, несомнѣнно, затронута раздраженіемъ и даже реагируетъ на него, но это не сознается (сложныя автоматическія дѣйствія при направленномъ въ другую сторону вниманіи). Конечно, „Partialsysteme“ существуютъ, это доказывается ученіемъ о мозговой локализаціи; но ихъ спеціальныя жизнеразности связываются съ „сознаніемъ“ постольку, поскольку эти „Partialsysteme“ являются *исходной точкой общихъ координированныхъ* жизнеразностей высшихъ центровъ, поскольку ихъ жизнеразности вступаютъ въ непрерывный общій потокъ жизнеразностей центральнаго аппарата.

Предположимъ, что въ двухъ частяхъ физіологической системы, въ *A* и въ *C*, возникаютъ жизнеразности. Обѣ эти части жизненно связываются между собою при посредствѣ комплекса клѣтокъ и тканей *B*. Если и *B* находится въ состояніи жизнеразности, которая непосредственно переходитъ въ жизнеразности *A* и *C*, то переживанія, соотвѣтствующія всѣмъ этимъ жизнеразностямъ, выступаютъ въ одной координаціи, въ одномъ полѣ; если *B* находится въ состояніи жизненнаго равновѣсія, такъ что жизнеразности *A* и *C* разъединены между собою. то непосредственныя переживанія, соотвѣтствующія обѣимъ жизнеразностямъ, протекаютъ въ различныхъ, взаимно отдѣльныхъ координаціяхъ, являются въ различныхъ «поляхъ переживаній». Напримѣръ, одно изъ нихъ «сознается», а другое остается «внѣ сознанія».

Жизненное усвоеніе и жизненная затрата энергіи—процессы *непрерывные* и *взаимно-противоположные*. При жизненномъ равновѣсіи оба эти процесса не прекращаются, а только взаимно нейтрализуются. Процессъ усвоенія, если его разсматривать отдѣльно, есть непрерывная положительная жизнеразность. процессъ затраты энергіи—непрерывная жизнеразность отрицательная. Слѣдовательно, жизненное равновѣсіе представляетъ изъ себя опредѣленный случай *интерференціи жизнеразностей*—случай взаимнаго уничтоженія противоположныхъ жизнеразностей.

Какъ мы уже знаемъ, жизненное равновѣсіе соотвѣтствуетъ «нулевымъ» переживаніямъ — отсутствію непосредственныхъ переживаній. Если жизнеразность смѣняется равновѣсіемъ, переживаніе исчезаетъ—прерывается. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующій, очень важный для нашего анализа выводъ: *перерывы переживаній соотвѣтствуютъ полной интерференціи противоположныхъ жизнеразностей* *).

---

*) Для удобства изложенія, мы заранѣе условимся съ читателемъ употреблять терминъ „интерференція“ въ этомъ болѣе узкомъ значеніи—взаимнаго уничтоженія величинъ равныхъ,

Теперь постараемся выяснить, какія слѣдствія вытекаютъ изъ этого положенія для эмпиріомонистической концепціи психическаго опыта.

II.

Жизнеразность не есть величина просто алгебраическая, это—энергетическая величина *жизненныхъ процессовъ*. Она обладаетъ опредѣленной «формой», болѣе простой или болѣе сложной, и форма эта соотвѣтствуетъ опредѣленному типу и комбинаціи элементовъ «непосредственно переживаемаго» *).

Предположимъ, что въ извѣстныхъ нервныхъ центрахъ имѣется жизнеразность+А, «форма» которой намъ дана, и знакъ тоже, именно, плюсъ— перевѣсъ усвоенія надъ затратою энергіи. Этой жизнеразности соотвѣтствуетъ въ сферѣ «непосредственныхъ переживаній» вполнѣ опредѣленный комплексъ элементовъ; обозначимъ его *E*. Въ тѣхъ же самыхъ центрахъ вполнѣ мыслима жизнеразность отрицательная, по своей формѣ вполнѣ «симметричная» первой, т.-е. во всѣхъ частяхъ воспроизводящая первую, только съ обратнымъ знакомъ. Эту вторую жизнеразность можно обозначить, какъ *A*, потому что въ соединеніи съ первою она должна давать полную интерференцію—жизненное равновѣсіе. Но взятая отдѣльно, она въ свою очередь соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленному «непосредственно переживаемому» комплексу, который мы пока назовемъ *X*, потому что не знаемъ заранѣе, каковъ онъ именно.

Если обѣ жизнеразности выступаютъ вмѣстѣ и одновременно, то въ силу принимаемаго нами параллелизма мы съ

но взаимно противоположныхъ по знаку. Въ физикѣ терминъ этотъ, какъ извѣстно, служитъ для обозначенія также и иныхъ случаевъ—къ интерференціи волнъ относятся и тѣ комбинаціи когда одна волна, присоединяясь къ другой, усиливаетъ ее собою.

*) См. R. Avenarius „Kritik d. r. Erfahrung", I, 73—76 слѣд., и II, 16—18 и слѣд.

полнымъ основаніемъ можемъ ожидать, что и оба комплекса «непосредственнаго» характера также являются совмѣстно. Однако, что же при этомъ получается? Обѣ жизнеразности *интерферируютъ*, образуя жизненное равновѣсіе, а оно означаетъ отсутствіе непосредственныхъ переживаній. Слѣдовательно, комплексы E и X, соединяясь, даютъ въ результатѣ нуль, *взаимно уничтожаютъ* другъ друга, т.-е. интерфирируютъ такъ же, какъ жизнеразности.

$$E+X=0; \text{ или } X=-E.$$

Необходимый выводъ: *интерференція жизнеразностей соотвѣтствуетъ интерференціи непосредственныхъ переживаній*. Эмпиріомонистически первая, очевидно, является отраженіемъ второй.

III.

Отвлеченная и дедуктивно добытая формула, которая говоритъ объ интерференціи переживаній, не можетъ имѣть для нихъ никакого реальнаго значенія, пока не обнаружено, какія конкретныя содержанія охватываетъ она собою. Требуется выяснить вопросъ, въ чемъ заключается интерференція переживаній, какія переживанія интерферируютъ между собою, взаимно уничтожая другъ друга. Отвѣта слѣдуетъ искать, очевидно, въ области психическаго опыта.

Какъ извѣстно, психическій опытъ представляетъ изъ себя непрерывный рядъ *измѣненій*, въ которомъ различные комплексы возникаютъ и исчезаютъ, замѣняясь новыми. Вступленіе какого-нибудь комплекса въ поле сознанія, его сохраненіе и его удаленіе изъ этого поля—къ этимъ тремъ моментамъ и въ то же время къ этимъ тремъ *типамъ* сводятся всѣ непосредственныя переживанія, какія намъ извѣстны. Логически очевидно, что первый и третій моменты взаимно-противоположны, и если они протекаютъ одновременно въ полномъ

взаимномъ соотвѣтствіи, то должны уничтожать другъ друга; а это и будетъ интерференція, дающая «нулевое переживаніе.

Но на это строгій критикъ можетъ сказать, что такой выводъ есть чисто формальная дедукція, подъ которую нельзя подставить дѣйствительныхъ наблюденій. Если въ дѣйствительности подобная интерференція происходитъ, то вѣдь констатировать ее невозможно: «нулевое», интерферированное переживаніе совершенно неуловимо; и тѣмъ болѣе нельзя установить, что оно возникло изъ двухъ параллельныхъ переживаній—возникновенія и уничтоженія какого-то комплекса. Нельзя, конечно, опровернуть той мысли, что если въ сознаніи какой-нибудь комплексъ уничтожается ровно настолько же, насколько возникаетъ, то въ результатѣ для сознанія ничего не получается; но не есть ли это *мнимая* мысль, пустая тавтологія, изъ которой нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ?

Отвѣтъ мы почерпнемъ изъ крайне простого эксперимента, который одновременно и докажетъ намъ существованіе эмпирической основы для нашего вывода, и выяснитъ отношеніе всѣхъ трехъ моментовъ «переживанія».

Пусть передъ нами имѣется непрозрачный черный экранъ, который закрываетъ для насъ поле зрѣнія. Въ этомъ экранѣ имѣется только одно маленькое отверстіе, чрезъ которое мы видимъ ограниченную часть совершенно ровной и плоской, однообразно окрашенной, положимъ, синей поверхности. Оставляя въ сторонѣ впечатлѣнія отъ экрана, мы можемъ сказать, что въ полѣ зрительнаго опыта имѣется вполнѣ опредѣленный комплексъ элементовъ «синяго» (для упрощенія, мы будемъ говорить только о цвѣтовыхъ элементахъ, не касаясь зрительно-иннерваціонныхъ, элементовъ «формы»). Пусть вся синяя поверхность непрерывно и ровно движется въ какомъ угодно направленіи, но въ своей собственной плоскости. Что тогда получается? Мы *не замѣчаемъ* этого движенія. Въ нашемъ «воспріятіи», въ нашемъ психическомъ опытѣ остается все одинъ и тотъ же комплексъ элементовъ «синяго», который не

измѣняется, какъ бы ни была велика скорость «физическаго» движенія плоскости *).

Что же это значитъ? Движеніе плоскости непрерывно устраняетъ одни за другими элементы «синяго» изъ поля зрительнаго опыта; но на мѣсто каждаго исчезающаго элемента то же самое движеніе вводитъ новый, съ нимъ одинаковый: тожественные ряды элементовъ возникаютъ и уничтожаются въ строгомъ соотвѣтствіи между собою, вполнѣ параллельно другъ другу; и результатъ именно таковъ, какого требуетъ понятіе интерференціи: новаго переживанія не возникаетъ.

Какъ видимъ, здѣсь идея интерференціи переживаній необходима, чтобы устранить противорѣчіе опыта «субъективнаго» (неизмѣнное воспріятіе) и «объективнаго» (движущаяся плоскость). Особенно очевидна становится необходимость такой концепціи въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе обычныя варіаціи подобнаго рода наблюденій.

Пусть синяя поверхность имѣетъ ограниченные размѣры, и по прошествіи нѣкотораго времени въ поле зрѣнія наблюдателя попадаетъ ея «край»; тогда исчезающіе элементы «синяго» не замѣняются въ воспріятіи вновь возникающими такими же элементами, и «синій» комплексъ уменьшается, а затѣмъ исчезаетъ (замѣняясь обыкновенно какимъ-нибудь другимъ). Тутъ уже движеніе поверхности «замѣчается», говоря точнѣе—выступаетъ какъ ближайшая, необходимая, непосредственно возникающая гипотеза, гармонически объединяющая рядъ измѣняющихся воспріятій. Гипотеза же интерференціи элементовъ переживаемаго является хотя и гораздо болѣе сложной, но не менѣе необходимой для того, чтобы гармонически объединить всѣ тѣ данныя опыта, на основаніи которыхъ мы «знаемъ», что синяя поверхность движется (напр., сообщенія объ этомъ другихъ людей) съ относительной неизмѣнностью «воспріятія» поверхности. И всякій неизбѣжно

*) Перемѣны, происходящія отъ утомленія глаза и т. подусловій мы игнорируемъ, такъ какъ онѣ ничего не мѣняютъ въ самомъ смыслѣ эксперимента.

«принимаетъ» эту гипотезу, высказывая ее, напр., въ такой формѣ: я знаю, что поверхность движется, но она *кажется* мнѣ неподвижной, потому что то, что уходитъ, одинаково съ тѣмъ, что приходитъ.

Этого мало. Дальнѣйшая гармонизація опыта требуетъ расширенія сферы, на которую простирается гипотеза, ея распространенія на другіе ряды фактовъ. Пусть синяя поверхность неподвижна. Человѣкъ «видитъ» ее, пока глаза открыты; стоитъ закрыть глаза—воспріятіе исчезаетъ; достаточно открыть ихъ—оно появляется снова. Объединяя массу подобныхъ наблюденій, человѣкъ «принимаетъ» существованіе «тѣлъ» или «вещей», какъ постоянныхъ «источниковъ» ощущеній. На почвѣ научнаго синтеза, онъ признаетъ, что его «воспріятіе» синей поверхности «обусловлено» свѣтовыми лучами, непрерывно отъ нея исходящими, вызывающими измѣненія въ сѣтчаткѣ глаза, нервныхъ проводникахъ, нервныхъ центрахъ. Но тутъ и возникаетъ новое противорѣчіе: дѣйствіе лучей, вызывающихъ измѣненія, продолжается непрерывно, а соотвѣтствующее «воспріятіе», быстро развившись до maximum, дальше извѣстное время замѣтно не измѣняется. Повидимому, вновь и вновь непрерывно возникая при продолжающемся дѣйствіи порождающихъ его условій, оно должно все болѣе возрастать, какъ это и происходитъ *въ самомъ началѣ* его развитія, когда оно еще только «образуется». Противорѣчіе исчезнетъ, если принять, что за извѣстнымъ предѣломъ оно настолько же «уничтожается», насколько «возникаетъ», что дальше этого предѣла интерференція элементовъ не допускаетъ его возрастанія. Физіологически это выражается въ томъ, что измѣненія нервныхъ элементовъ, ихъ «жизнеразности», не прогрессируютъ безъ конца, но на опредѣленномъ уровнѣ, находящемся въ зависимости отъ всей суммы условій, останавливаются, потому что дальнѣйшій ростъ ихъ уравновѣшивается новыми жизнеразностями, *реактивно* возникающими въ центральномъ аппаратѣ.

Если дѣйствіе лучей на сѣтчатку прекращается, напр., бла-

годаря закрытію глазъ, то зрительное воспріятіе исчезаетъ; это происходитъ хотя и очень быстро, но въ извѣстной непрерывной послѣдовательности: исчезающіе элементы комплекса не замѣняются вновь выступающими. Физіологически этому соотвѣтствуетъ устраненіе прежней жизнеразности: нѣтъ больше тѣхъ условій, которыя вновь и вновь вызывали ее, а та «реактивная» жизнеразность, которая также вновь и вновь возникала при этомъ, удерживая первую на извѣстномъ предѣлѣ, теперь окончательно ее уравновѣшиваетъ и уничтожаетъ; при этомъ послѣдняя и сама исчезаетъ, такъ какъ дѣйствіе вызывавшей ее причины прекратилось съ уничтоженіемъ первой жизнеразности.

Мы приходимъ къ слѣдующему выводу: интерференція переживаній не только вообще возможна, но необходимо должна быть признана для цѣлаго ряда такихъ случаевъ, когда психическій комплексъ сохраняется въ полѣ сознанія. Чтобы гармонически связать данныя «субъективнаго» и «объективнаго» опыта, неизбѣжно принять, что «сохраненіе» психическихъ комплексовъ есть *подвижное*, динамическое равновѣсіе, основанное на непрерывномъ вступленіи элементовъ въ поле сознанія и непрерывномъ ихъ удаленіи изъ него, равновѣсіе, подобное сохраненію формы водопада.

Впрочемъ, современное познаніе и *не можетъ* представлять себѣ психическую жизнь иначе, какъ въ видѣ потока переживаній. Закономѣрность движенія этого потока оно не можетъ не сводить къ причинной связи; а та интерференція переживаній, о которой мы говорили, есть *одна изъ типическихъ формъ причинной связи явленій*. Для физическаго опыта мы постоянно пользуемся этой формой причинности; задача заключается теперь въ томъ, чтобы показать намъ, что можетъ она дать для опыта психическаго и для монистической конценціи всякаго опыта вообще. Рѣшеніе вопроса о познавательной цѣлесообразности идеи есть рѣшеніе вопроса объ ея истинности...

IV.

Та связь непосредственныхъ переживаній, которую мы находимъ въ своемъ психическомъ опытѣ,—связь ассоціативная обладаетъ своеобразнымъ, *цѣпнымъ* характеромъ. *Непосредственно* къ каждому переживанію присоединяется всегда лишь очень ограниченное число другихъ аналогичныхъ комплексовъ; но *при посредствѣ* этихъ другихъ присоединяется уже гораздо бо́льшее количество еще иныхъ комплексовъ, затѣмъ при посредствѣ тѣхъ—дальнѣйшіе ряды переживаній. и т. д., безъ конца. Комплексъ *Z* можетъ стоять внѣ всякаго прямого отношенія къ комплексу *A* и тѣмъ не менѣе принадлежать къ одной съ нимъ ассоціативной цѣпи, связываясь съ нимъ путемъ ряда промежуточныхъ комплексовъ *Y*, *X*, *V*, *U*. . . . *E*, *D*, *C*, *B*. Только такимъ способомъ система психическаго опыта пріобрѣтаетъ тѣ колоссальные размѣры, какіе наблюдаются въ дѣйствительности.

Но вполнѣ очевидно, что при такомъ строеніи ассоціативной системы достаточно выпасть гдѣ-нибудь одному изъ посредствующихъ звеньевъ—и связь нарушается, цѣпь разрывается. Если переживанія *A* и *C* связаны при посредствѣ *B*, то они не могутъ оказаться *въ одномъ полѣ*, пока *B* отсутствуетъ. А комплексъ *B* при наличности *A* не является въ полѣ психическаго опыта при томъ условіи, что онъ *подвергся полной интерференціи*, что онъ уравновѣшенъ діаметрально противоположнымъ переживаніемъ. Такимъ образомъ *интерференція переживаній обусловливаетъ перерывъ психическаго поля*. И *A*, и *C*, какъ непосредственныя переживанія, могутъ тогда существовать *одновременно, но не вмѣстѣ*: одно, напр., въ полѣ сознанія, а другое—«внѣ сознанія».

На каждомъ шагу случается наблюдать, какъ ассоціативная

связь обрывается и вновь возстановляется. Ученикъ отвѣчаетъ выученный урокъ; ему кажется, что онъ его превосходно знаетъ, и вдругъ — остановка. Ученикъ «забылъ» все, что дальше. Учитель подсказываетъ всего нѣсколько словъ— и все недосказанное сразу всплываетъ въ психикѣ ученика. Эти нѣсколько словъ и были тѣмъ связующимъ звеномъ, которое временно выпало изъ ассоціативной цѣпи. — Ученикъ «забылъ» ихъ; однако, если бы дать ему время «подумать», онъ и самъ бы ихъ «вспомнилъ». Очевидно, что недостающее звено не было просто уничтожено, — оно «существовало», но не «переживалось». Чтобы такое сочетаніе понятій не было плоскимъ противорѣчіемъ, совершенно необходимо принять то, что мы признали: недостающее переживаніе, которое разрываетъ ассоціативную цѣпь, находится въ состояніи полной интерференціи, т.-е. въ соединеніи съ прямо-противоположнымъ переживаніемъ; рядомъ со вступленіемъ элементовъ въ поле сознанія идетъ устраненіе совершенно тожественныхъ элементовъ, и наоборотъ *).

Какъ бы ни былъ ничтоженъ размѣръ «интерферированнаго» комплекса, все равно, то, что присоединяется къ полю сознанія *при посредствѣ* этого комплекса, окажется внѣ этого поля. Величина перерыва совершенно не имѣетъ здѣсь значенія: ученикъ можетъ «забыть» одну букву, и онъ не въ состояніи вспомнить ни того имени, которое съ нея начинается, ни цѣлой исторіи, которая съ этимъ именемъ ассоціирована. Стоитъ напомнить ему эту букву—и онъ вспоминаетъ сразу все дальнѣйшее. При этомъ обыкновенно это «дальнѣйшее» вступаетъ въ поле сознанія съ такой стремительностью и въ такомъ количествѣ, которыя далеко превосходятъ предыдущее теченіе ассоціацій у того же лица; невольно яв-

*) Принять, что недостающее звено ассоціативнаго ряда „переживается" въ иномъ полѣ, здѣсь невозможно, потому что именно оно *прямо* и *непосредственно* ассоціировано съ наличными въ полѣ опыта звеньями, такъ что перерывъ между нимъ и этими послѣдними оказался бы необъяснимымъ.

ляется мысль, что всѣ эти комплексы уже «имѣлись готовыми», уже «переживались», только въ другомъ полѣ, которое было перерывомъ отдѣлено отъ поля сознанія; перерывъ исчезъ — и обѣ сферы переживаній слились между собою.

Въ данномъ случаѣ такое предположеніе можетъ показаться необоснованнымъ. Но въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, по основному смыслу очень близкихъ къ этому, оно оказывается необходимымъ, единственно возможнымъ.

Эти случаи мы уже знаемъ: всѣ явленія «безсознательныхъ высказываній» и вообще «внѣ сознательныхъ переживаній». На нихъ намъ слѣдуетъ опять остановиться: идея интерференціи переживаній даетъ имъ новое освѣщеніе, отнимающее всю ихъ принципіальную загадочность.

V.

«Безсознательныя высказыванія» соотвѣтствуютъ, какъ мы видѣли, изолированнымъ координаціямъ переживаній, которыя не примыкаютъ прямо къ главной координаціи—сознанію, но въ то же время жизненно съ ней связаны—до сихъ поръ мы не пытались ближе опредѣлить, какимъ образомъ. До сихъ поръ мы имѣли только намеки относительно характера этой связи: параллелизмъ переживаній съ ихъ физіологическимъ отраженіемъ — жизнеразностями — далъ намъ эти намеки. Не всѣ жизнеразности непосредственно сливаются съ главнымъ потокомъ жизнеразностей центральнаго аппарата; тѣ, которыя отъ него изолированы, должны соотвѣтствовать «изолированнымъ» отъ сознанія переживаніямъ съ ихъ «безсознательными» высказываніями. Теперь намъ становится понятнымъ и то, откуда эта изоляція возникаетъ, и то, какая жизненная связь при ней сохраняется.

Всѣ различныя координаціи непосредственныхъ переживаній, принадлежащія одному и тому же «живому существу», взаимно связаны такой же, по существу, связью, какъ та,

которая наблюдается внутри ихъ, — связью *ассоціативною*. Если, тѣмъ не менѣе, онѣ оказываются «въ различномъ полѣ», если онѣ непосредственно не сливаются между собою, то это зависитъ *не отъ абсолютныхъ перерывовъ* между ними: тогда не могло бы быть и рѣчи ни о какомъ жизненномъ единствѣ. Перерывы, это—только интерферированныя звенья непрерывной ассоціативной цѣпи, переживанія, нейтрализованныя параллельно протекающими противоположными переживаніями. Стоитъ этимъ промежуточнымъ звеньямъ выйти изъ своего динамическаго равновѣсія — и различныя координаціи сливаются, выступаютъ въ «общемъ полѣ». Такъ нерѣдко и бываетъ въ дѣйствительности.

Поясникъ это на примѣрѣ. Ваше «сознаніе» всецѣло поглощено обдумываніемъ труднаго и сложнаго предпріятія, которое вы подготовляете; «безсознательно» вы идете по улицѣ, тщательно обходя всѣ встрѣчныя препятствія. Но вотъ съ вами сталкивается знакомый, который останавливаетъ васъ и спрашиваетъ, куда вы идете. Вы сразу «возвращаетесь къ дѣйствительности» и начинаете замѣчать окружающее; но въ то же время прежняя нить мыслей не прерывается, а только нѣсколько спутывается и начинаетъ развиваться замедленнымъ темпомъ. Такимъ образомъ двѣ прежде взаимно изолированныхъ координаціи слились въ одномъ полѣ. Что же вызвало эту перемѣну? Новый комплексъ (окликъ знакомаго) съ большой энергіей вступилъ въ одинъ изъ ассоціативныхъ рядовъ и нарушилъ равновѣсіе ассоціативно смежныхъ комплексовъ. Въ числѣ этихъ комплексовъ нашелся и такой, который могъ ассоціативно связать данный рядъ съ другимъ и, выйдя изъ состоянія полной интерференціи, дѣйствительно связалъ ихъ.

На этой иллюстраціи легко видѣть, насколько подобная интерференція переживаній можетъ являться жизненно-цѣлесообразной. Пока два ассоціативные ряда были разъединены, каждый изъ нихъ развертывался самостоятельно, и ни одинъ «не мѣшалъ» другому. Едва они встрѣтились въ одномъ полѣ—

они начинаютъ непосредственно вліять одинъ на другой, что при большой ихъ разнородности приводитъ къ дисгармоническимъ комбинаціямъ. Отношеніе къ окружающему перестаетъ быть «автоматичнымъ» и стихійно-рѣшительнымъ, становится сознательнымъ, но также болѣе сложнымъ и болѣе колеблющимся; оно требуетъ большихъ затратъ энергіи, чѣмъ прежде *). Съ другой стороны «обдумываньe» затрудняется «посторонними обстоятельствами», которыя «отвлекаютъ вниманіе»; оно не только требуетъ большихъ затратъ (усиленнаго напряженія), но и подвигается менѣе успѣшно, потому что новые комплексы, вступившіе въ сознаніе, дисгармонируютъ съ тѣми, которые группировались въ процессѣ «обдумыванья», и понижаютъ ихъ энергію.

Гораздо болѣе яркія иллюстраціи къ нашей точкѣ зрѣнія и гораздо болѣе убѣдительныя доказательства ея правильности даетъ область психологическихъ и психіатрическихъ «чудесъ» — гипнотизма, внушенія, истеріи.

VI.

Здѣсь не мѣсто описывать тотъ богатый матеріалъ изъ области психіатріи, невропатологіи, гипнологіи, который имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашей идеѣ: матеріалъ этотъ можно найти въ учебникахъ, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ; благодаря той окраскѣ "загадочности, какая до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ ему свойственна, онъ проникъ даже въ популярную литературу. Наше дѣло отмѣтить тѣ *общія черты* этого матеріала, которыя не могутъ быть сдѣланы принципіально понятными иначе, какъ съ *нашей* точки зрѣнія.

Истерическіе параличи и анэстезіи имѣютъ чисто «функ-

*) Переходъ отъ „автоматическихъ“ реакцій къ „сознательнымъ“ всегда означаетъ непосредственное повышеніе затратъ энергіи, такъ какъ сознательныя реакціи всегда находятся въ процессѣ „выработки“ (см. мою работу „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“, Спб. 1901, главы о привычныхъ и пластичныхъ реакціяхъ).

ціональный» характеръ: никакихъ «органическихъ» измѣненій, какія бываютъ при другихъ параличахъ и анэстезіяхъ, здѣсь не удается констатировать: ни поврежденій или перерожденій въ нервныхъ центрахъ, ни нарушеній въ гистологіи проводниковъ. Болѣе того: принципіальная неустойчивость этихъ явленій, возможность почти мгновенно возникающихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ ихъ теченіи (трансферты, различные эффекты внушенія, неожиданныя излѣченія и т. под.) ясно доказываютъ, что здѣсь дѣйствительно нѣтъ никакихъ значительныхъ, сколько-нибудь глубокихъ измѣненій въ жизненной системѣ.— И еще въ большей, очевидно, мѣрѣ все то же относится къ параличамъ и анэстезіямъ внушеннымъ.

Какимъ же образомъ при жизненной цѣлости нервныхъ центровъ и проводниковъ возможны такія обширныя и серьезныя нарушенія въ ихъ функціи?

Различные опыты и наблюденія надъ истеричными показываютъ, что «анэстезированныя» области ихъ тѣла не только могутъ «чувствовать» внѣшнія раздраженія, но нерѣдко даже «чувствовать» гораздо тоньше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ, такъ что приходится признать настоящую «гиперэстезію» *). Эта «не чувствующая чувствительность» можетъ выражаться въ сложныхъ высказываніяхъ, что и заставило многихъ изслѣдователей принять особое «подсознаніе», управляющее реакціями анэстезированныхъ областей организма, а также выступающее и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ **). Мы видѣли, что всего проще и цѣлесообразнѣе разсматривать все

*) Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ и наблюденій упоминались въ статьѣ „Жизнь и психика“, въ первой главѣ. Важно отмѣтить, что существуютъ объективные и надежные критеріи, въ видѣ различныхъ методовъ изслѣдованія чувствительности и детальной механической регистраціи движеній точными приборами,—критеріи, позволяющіе исключить возможность обмана и симуляціи.

**) Напр., когда „вниманіе отвлечено“, и нормальное сознаніе не воспринимаетъ болѣе слабыхъ возбужденій — задаваемыхъ сзади вполголоса вопросовъ и т. под.

это, какъ частные случаи жизненнаго обособленія психическихъ координацій отъ главной группировки переживаній — отъ сознанія. Вопросъ заключается именно въ томъ, что̀ ихъ обособляетъ, какія «стѣны» или «перегородки» возникаютъ въ этихъ случаяхъ между принадлежащими одному существу группами переживаній.

Беремъ какой-нибудь изъ тѣхъ замѣчательныхъ, поражающихъ народное воображеніе фактовъ, когда удачное внушеніе устраняетъ эти таинственныя перегородки, и больной чувствуетъ себя «чудесно исцѣленнымъ»,—все равно, происходитъ ли это въ клиникѣ врача-спеціалиста, въ кабинетѣ шарлатана-магнетизера, въ Лурдскихъ пещерахъ и т. под. Что можетъ дать одинъ человѣкъ другому при актѣ «внушенія»? «Внушеніе», это—только опредѣленное высказываніе внушающаго, происходящее при опредѣленныхъ условіяхъ; лицо, подвергающееся этому акту, физіологически можетъ получить при этомъ только одно—такую или иную *жизнеразность*. Но эта жизнеразность можетъ при извѣстныхъ условіяхъ коснуться именно тѣхъ частей системы, которыя, находясь въ подвижномъ равновѣсіи, *раздѣляли* собою два потока жизнеразностей, протекавшихъ въ другихъ областяхъ системы; тогда оба потока сливаются въ одинъ, и разъединенныя системы высказываній объединяются между собою: отпавшая координація примыкаетъ къ главной. Психически человѣкъ получаетъ новое переживаніе, которое, присоединяясь къ главной ассоціативной цѣпи («сознанію»), въ то же время оказывается прямо ассоціировано и съ другой, до сихъ поръ отдѣльной цѣпью переживаній. Очевидно, это—то же самое, что «забытое слово», которое учитель подсказываетъ ученику, и безъ котораго весь конецъ стихотворенія выпадаетъ изъ области психическаго опыта ученика. И, подобно этому забытому слову, «новое переживаніе», позволяющее больному «вспомнить», какъ совершаются произвольныя движенія его до этого момента парализованной ноги, не можетъ быть *дѣйствительно новымъ* комплексомъ: какимъ образомъ оказалось бы оно тогда ассоціиро-

вано съ «отпавшей» координаціей, когда вводится непосредственно не въ нее, а въ главную координацію?

Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ объ *интерферированномъ* переживаніи (физіологически—объ интерферированной жизнеразности). «Внушающій» не можетъ *прямо* дать недостающее ассоціативное звено, какъ учитель прямо подсказываетъ забытую фразу: «внушающій» даетъ его косвенно, вызывая ближайшія къ нему изъ наличныхъ звеньевъ такимъ образомъ, что они выступаютъ съ исключительной, необычайной энергіей. Онъ говоритъ рѣшительнымъ тономъ: «встань и ходи»; несомнѣнно, что представленія и желанія, связанныя съ этими словами у паралитика, суть именно тѣ, которыя ближайшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ недостающимъ, интерферированнымъ комплексомъ (вѣроятно, иннерваціоннымъ); выступая съ рѣзко повышенной энергіей, они нарушаютъ динамическое равновѣсіе этого комплекса,—онъ становится «непосредственнымъ переживаніемъ» и смыкаетъ концы разорванной ассоціативной цѣпи.

«Внушеніе», какъ извѣстно, не единственный стимулъ такихъ исцѣленій. Всякія сильныя потрясенія психической системы до извѣстной степени обладаютъ этимъ свойствомъ. Нерѣдко (сравнительно, разумѣется) простой испугъ помогаетъ истеричному субъекту «вспомнить» употребленіе парализованныхъ частей тѣла. Путь здѣсь оказывается еще болѣе косвенный, чѣмъ при внушеніи, но сущность дѣла та же. Рядъ переживаній, съ большой энергіей вступающихъ въ цѣпь «сознанія», вызываетъ рѣзкія колебанія въ интенсивности и силѣ другихъ комплексовъ этой цѣпи; въ числѣ прочихъ, испытываютъ такое колебаніе и тѣ комплексы, которые ближе всего примыкаютъ къ интерферированнымъ звеньямъ; эти звенья вовлекаются въ общее потрясеніе психической системы и вводятъ въ него цѣлыя новыя координаціи.

Внушенные параличи и анэстезіи даютъ намъ и другой моментъ этихъ явленій—образованіе перерыва координацій путемъ жизненной интерференціи. Тутъ механизмъ явленій

выступаетъ еще нагляднѣе. Внушающій прямо стремится вызвать и фиксировать въ психикѣ паціента переживанія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя соотвѣтствуютъ нормальной функціи даннаго органа («твоя рука ничего не чувствуетъ... она безсильна... она неподвижна... она отнялась»... и т. под.). Если внушающему удастся достигнуть такимъ образомъ надлежащей интерференціи только на одномъ минимальномъ пунктѣ ряда переживаній, связывающаго данную частную координацію съ остальными, то дѣло сдѣлано, перерывъ между группами переживаній осуществленъ. Очень понятно, что совершенно аналогичнымъ путемъ его возможно и устранить, какъ это и дѣлается.

Внушеніемъ, при тѣхъ особенно благопріятныхъ для него условіяхъ, которыя даются нѣкоторыми гипнотическими состояніями, экспериментаторы достигаютъ результатовъ, заключающихъ въ себѣ, на первый взглядъ, не только психологическое, но и логическое противорѣчіе. Внушается, напр., по пробужденіи «не видѣть» такого-то; и паціентъ точно исполняетъ это, безъ малѣйшей симуляціи, въ чемъ убѣждаютъ различные контрольные пріемы. Паціентъ искренно изумляется, когда «невидимое» для него лицо беретъ и поднимаетъ какой-нибудь предметъ,—потому что ему кажется, что предметъ виситъ въ воздухѣ. Чтобы такимъ образомъ «не видѣть» данное лицо, его, очевидно, надо хорошо *различать* среди всей обстановки, отчетливо выдѣлять изъ нея, словомъ — ясно *видѣть*. Единственное возможное разрѣшеніе этого формальнаго противорѣчія, наглядно опровергающаго абсолютный апріоризмъ логики, таково: данное «невидимое» лицо все время продолжаетъ существовать для паціента какъ такой комплексъ элементовъ, который либо интерферируется цѣликомъ, либо отдѣляется отъ главной цѣпи переживаній интерферированными ассоціативными звеньями *).

*) Эти явленія часто обозначаютъ, какъ внушенныя „отрицательныя галлюцинаціи“. Съ нашей точки зрѣнія—названіе особенно удачное: принципіальнаго отличія отъ внушенныхъ

Вполнѣ аналогичный смыслъ имѣютъ, очевидно, различные опыты съ внушеннымъ забываніемъ и т. п. Но мы полагаемъ, что пока достаточно иллюстрацій.—Въ сущности, все это ничуть не болѣе загадочные факты, чѣмъ то постоянное явленіе, что *всѣ* комплексы сознанія существуютъ въ нашемъ психическомъ опытѣ съ перерывами, а *всѣ* наши двигательныя реакціи также съ перерывами возникаютъ въ сферѣ физическаго опыта. Познаніе не можетъ мириться съ нарушеніями непрерывности; оно творчески ихъ заполняетъ на основѣ того же опыта, создавая схемы, превращающія перерывы въ частные случаи непрерывности. Для перерывовъ сознанія такая схема— интерференція переживаній, для двигательныхъ реакцій—интерференція жизнеразностей.

VII.

Одна часть нашей задачи можетъ считаться выполненной: мы показали, какимъ образомъ жизненная связь тѣхъ комплексовъ, которые образуютъ одно «живое существо», допускаетъ раздѣленіе тѣхъ «полей», въ которыхъ являются эти комплексы. Съ достигнутой нами точки зрѣнія можетъ на первый взглядъ показаться совсѣмъ ужъ легкой другая часть задачи, — вопросъ о томъ, какъ возможно разъединеніе психическихъ полей у *различныхъ* живыхъ существъ. Но очень большая легкость иногда оказывается при ближайшемъ анализѣ еще большей трудностью: дѣло идетъ не только о томъ, какъ *разобщаются* комплексы опыта различныхъ живыхъ существъ, но и о томъ, какъ они *сообщаются*, въ какомъ об-

---

положительныхъ галлюцинацій не оказывается; если при наличности комплекса *A* (воспріятіе даннаго лица) внушается дополнительный комплексъ — A, который его, такъ сказать, нейтрализуетъ, то чѣмъ это отличается по существу отъ внушенія любого комплекса *B*, котораго нѣтъ въ наличности, такъ что онъ является положительной галлюцинаціей?

щемъ полѣ находятся ихъ отдѣльныя психическія поля. Интерференція можетъ только разъединить то, что уже связано.

Мы приняли, на основаніи многихъ соображеній, что всякому физіологическому комплексу соотвѣтствуетъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, отраженіемъ котораго онъ является. Вотъ физіологическій комплексъ—сѣтчатка глаза; такъ какъ онъ представляетъ изъ себя сложную, въ основѣ *нервную* ткань, то мы можемъ думать, что соотвѣтственный комплексъ непосредственныхъ переживаній очень высоко дифференцированъ и вообще отличается высокимъ развитіемъ. Онъ находится въ непрерывной жизненной связи съ остальной системой переживаній, и связь эта выражается въ наличности зрительнаго нерва, объединяющаго жизнеразности сѣтчатки съ жизнеразностями мозга. Перерѣжемъ одинъ изъ зрительныхъ нервовъ: связь одной изъ сѣтчатокъ съ мозгомъ нарушена, всѣ «непосредственные комплексы», соотвѣтствующіе ея жизнеразностямъ, отдѣлены отъ главной ассоціативной цѣпи, не вызываютъ въ ней больше тѣхъ комбинацій, которыя называются «зрительными впечатлѣніями». Это—зрительная анэстезія, но она не похожа ни на какую истерическую или внушенную слѣпоту: она не поддастся дѣйствію никакого внушенія. Тутъ не интерференція ассоціативныхъ звеньевъ, а что-то другое.

И, однако, связь не абсолютно утеряна. Другой глазъ видитъ; и при помощи довольно простой комбинаціи оптическихъ зеркалъ и стеколъ можно сдѣлать такъ, что онъ будетъ видѣть *сѣтчатку*, зрительный нервъ которой перерѣзанъ. Но «видѣть», «воспринимать» сѣтчатку, это, какъ мы знаемъ, означаетъ получать *отраженіе* тѣхъ «непосредственыхъ комплексовъ», которымъ она, какъ физіологическое явленіе, соотвѣтствуетъ. Другими словами, изолированные отъ главной цѣпи переживаній путемъ разрушенія, дезорганизаціи посредствующихъ звеньевъ, комплексы эти остались въ иной, «непрямой» связи съ этой цѣпью: они косвенно «отражаются» въ ней, но не вступаютъ въ нее непосредственно; и понятно,

что это «отраженіе» неизмѣримо бѣднѣе ихъ собственнаго содержанія: видѣть сѣтчатку глаза съ ея измѣненіями, это безконечно меньше, чѣмъ «видѣть при посредствѣ» этой сѣтчатки *).

Перерѣзка зрительнаго нерва есть его разрушеніе, дезорганизація; дезорганизованная часть его пріобрѣтаетъ и по отношенію къ мозгу и по отношенію къ живой еще сѣтчаткѣ такое же значеніе, какъ любая часть «неорганизованной среды». Перерывъ и тутъ не абсолютный: есть всѣ основанія думать, что тѣ физико-химическія измѣненія, которыя свѣтъ продолжаетъ еще вызывать въ сѣтчаткѣ, не пропадаютъ и теперь безслѣдно для мозга, что они и теперь «передаются» черезъ перерывъ нерва,—но совершенно не въ томъ видѣ и не въ той степени, какъ прежде;—они вызываютъ не тѣ «зрительныя» измѣненія въ мозгу, какъ прежде; а иныя, несравненно менѣе значительныя и несравненно менѣе сложныя, и главное—иного типа. Словомъ, черезъ перерывъ получается только слабое «отраженіе» процессовъ, происходящихъ въ сѣтчаткѣ,—подобно тому, какъ другая сѣтчатка при посредствѣ свѣтовыхъ волнъ, зеркалъ, стеколъ и вообще неорганизованной среды получаетъ лишь незначительное «отраженіе» физіологической жизни той же первой сѣтчатки. Изъ этихъ двухъ случаевъ «отраженія» намъ хорошо знакомъ, изученъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ—только послѣдній, но сущности дѣла это не мѣняетъ,—не мѣняетъ того, что съ точки зрѣнія современной науки, всюду, гдѣ организованная жизненная связь не существуетъ или разрушается, неорганизованные комплексы—внѣшней или внутренней среды—могутъ служить посредствующей связью для *косвеннаго отраженія* однихъ жизненныхъ процессовъ въ другихъ.

*) Послѣднее выраженіе при нашей концепціи должно считаться неточнымъ: сѣтчатка, явленіе физіологическое, не есть „орудіе“ зрѣнія, а „отраженіе“ ряда непосредственныхъ комплексовъ, ближайшимъ образомъ обусловливающихъ зрительный рядъ переживаній.

Такого рода отраженія однихъ жизненныхъ комплексовъ въ другихъ легко возникаютъ и тогда, когда между ними имѣется непосредственная, прямая жизненная связь: человѣкъ можетъ «видѣть» свою собственную сѣтчатку «при помощи» этой самой сѣтчатки (для этого требуются очень простыя оптическія приспособленія); человѣкъ можетъ «воспринимать» свое собственное тѣло, а при нѣкоторыхъ, правда совершенно исключительныхъ, однако принципіально осуществимыхъ условіяхъ— и нѣкоторые изъ своихъ «нервныхъ центровъ». Всѣ подобные случаи совершенно однородны съ тѣми, когда вообще одно живое существо «воспринимается другимъ.

Мы опредѣлили «среду» живыхъ существъ, не «отраженную» въ ихъ воспріятіи и представленіи, а взятую «an sich», какъ цѣпь неорганизованныхъ комплексовъ *). Вопросъ, возникающій изъ всѣхъ выше изложенныхъ фактовъ опыта, заключается въ слѣдующемъ: *объяснить съ точки зрѣнія причинной связи двойственное отношеніе среды къ жизненнымъ координаціямъ,—ея свойство и разъединять эти координаціи, дѣлая, напр., сознаніе одного существа непосредственно недоступнымъ другому, и въ то же время косвенно соединять ихъ, обусловливая взаимныя „отраженія“ одной координаціи въ другой.*

*) Напомнимъ, въ какомъ—отнюдь не метафизическомъ—смыслѣ употребляемъ мы это выраженіе „an sich“. Подъ извѣстные физіологическіе процессы другихъ людей мы подставляемъ „непосредственные комплексы“—сознаніе; критика психическаго опыта заставляетъ насъ расширить область этой подстановки, и мы всякую „физіологическую жизнь разсматриваемъ какъ „отраженіе“ непосредственныхъ организованныхъ комплексовъ. Но *неорганическіе процессы* принципіально не отличаются отъ физіологическихъ, которые представляютъ лишь организованную ихъ комбинацію. Находясь въ одномъ непрерывномъ ряду съ физіологическими, неорганическіе процессы также должны, очевидно, разсматриваться, какъ „отраженіе“; но чего? комплексовъ непосредственныхъ *неорганизованныхъ*. Выполнить эту подстановку конкретно въ своемъ сознаніи мы *пока не умѣемъ*; что же, вѣдь, мы часто не умѣемъ выполнить этого и по

VIII.

Прежде всего. у насъ есть данныя для нѣкоторыхъ отрицательныхъ характеристикъ интересующей насъ области «неорганизованныхъ комплексовъ».

Во всякомъ случаѣ, ихъ «неорганизованность» не можетъ быть полною и безусловною, они не могутъ представлять изъ себя абсолютнаго хаоса—иначе они не были бы комплексами и не составляли бы вообще никакой среды. Не обладая никакой организованностью, никакой опредѣленностью, они не могли бы «отражаться» въ нашемъ опытѣ въ видѣ *вполнѣ опредѣленныхъ* «внѣшнихъ воспріятій» и «физическихъ тѣлъ»: они не оказывали бы никакого опредѣленнаго, устойчиваго вліянія на теченіе нашего опыта. Очевидно, дѣло идетъ лишь объ *относительной неорганизованности*, или, что то же, о низшей и вичтожной организованности, неопредѣленной и неустойчивой по сравненію съ комплексами развитого опыта.

Далѣе, нельзя разсматривать эти комплексы и какъ находящіеся въ состояніи полной интерференціи, потому что она означаетъ *полный перерывъ* связи между ассоціативными рядами; а «среда» хотя и разъединяетъ ассоціативныя группировки, напр., психики различныхъ людей, но оставляетъ и нѣкоторую связь между ними, допускаетъ возможность косвеннаго ихъ общенія, возможность «отраженія» одной психики въ другой.

Но, съ другой стороны, въ любой цѣпи комплексовъ, всеравно какихъ, организованныхъ или неорганизованныхъ, *не-*

отношенію къ животнымъ (переживанія амёбы) и даже другимъ людямъ („непониманіе“ ихъ психики). Но вмѣсто конкретной подстановки мы можемъ формулировать *отношеніе* этихъ случаевъ („жизнь an sich“—непосредственные комплексы организованные, „среда an sich“—неорганизованные).

рерывъ ихъ общаго поля достигается только путемъ полной интерференціи, иначе онъ былъ бы безпричиннымъ. Если бы сознаніе *A* и сознаніе *B* связывались цѣпью неорганизованныхъ комплексовъ, въ которой не было бы полной интерференціи, то цѣпь эта не отличалась бы отъ любой ассоціативной цѣпи ничѣмъ, кромѣ очень неустойчиваго содержанія, и вмѣстѣ съ обоими сознаніями образовала бы одно общее поле, въ которомъ только кромѣ двухъ рядовъ опредѣленныхъ комбинацій была бы еще масса комбинацій неопредѣленныхъ и неустойчивыхъ. Въ дѣйствительности этого не наблюдается.

Итакъ, интерференція въ ряду комплексовъ среды есть, и полная, но такая, что полнаго перерыва связующей цѣпи не даетъ, а въ то же время даетъ перерывъ относительный, при которомъ двѣ, напр., системы сознанія образуютъ два различныхъ поля переживаній и однако «отражаются» одна въ другой. Опять передъ нами, повидимому, комплексъ противорѣчій, и притомъ плоскихъ.

Но это только повидимому. Присмотримся къ дѣлу поближе.

Въ организованной ассоціативной цѣпи отдѣльные комплексы обладаютъ извѣстной опредѣленностью и устойчивостью. Если они подвергаются интерференціи, то и она представляетъ изъ себя нѣчто опредѣленное и устойчивое: при продолжающейся смѣнѣ переживаній въ обѣихъ частяхъ ассоціативной цѣпи обѣ онѣ остаются въ теченіе извѣстнаго времени разъединенными—живутъ дѣйствительно отдѣльной жизнью.—Не таковы неорганизованные комплексы среды: они неопредѣленны и неустойчивы, они не обладаютъ сложившимся и сохраняющимся строеніемъ, они непрерывно и стихійно измѣняются — иначе мы не можемъ представить себѣ ихъ «неорганизованность». Но если такъ, то и полная интерференція для каждаго изъ такихъ комплексовъ можетъ быть только *моментомъ, но не состояніемъ:* это мгновенная, неустойчивая интерференція.

Принимая, какъ наиболѣе вѣроятныя характеристики, большую несложность и неопредѣленность, постоянныя распаденія

и непрочныя объединенія такихъ комплексовъ, принимая, что различныя ассоціативныя, напр., психическія системы связываются при посредствѣ *очень большого числа* такихъ мелкихъ неорганизованныхъ комплексовъ, мы можемъ сдѣлать одинъ важный выводъ уже a priori, на основаніи принципа вѣроятности. Этотъ выводъ будетъ такой: во всякой подобной цѣпи неорганизованныхъ комплексовъ, примыкающей къ двумъ различнымъ организованнымъ рядамъ, во всякій данный моментъ должны найтись пункты полной интерференціи (и притомъ, можно думать, *много* такихъ пунктовъ).

Разъ это такъ, разъ въ промежуточномъ ряду комплексовъ «среды» всегда имѣются отдѣльныя группировки, находящіяся въ полной интерференціи, то для насъ какъ нельзя болѣе понятно, почему поле психики A и психики B оказывается различнымъ. Но, спрашивается, какимъ же образомъ связь между A и B при этомъ не уничтожается безусловно?

Вопросъ рѣшается тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь дѣло идетъ объ *неустойчивой* интерференціи, моментально возникающей и столь же быстро исчезающей въ каждомъ данномъ ея пунктѣ. Пока интерференція продолжается, она прерываетъ не только «поле» комплексовъ, но и взаимное вліяніе, взаимодѣйствіе тѣхъ комплексовъ, которые разъединены интерферированными группировками. Но лишь только интерференція данной группировки прекращается, прежде разъединенные комплексы оказываются въ одномъ полѣ и начинаютъ взаимно измѣнять другъ друга, тѣмъ болѣе интенсивно, чѣмъ менѣе они организованы, чѣмъ болѣе неустойчивы. Такимъ образомъ, постоянно возникающіе перерывы цѣпи не мѣшаютъ тому, что различныя ея звенья дѣйствуютъ другъ на друга, извѣстнымъ образомъ «отражаются» одно въ другомъ. И если эта цѣпь связываетъ двѣ ассоціативныхъ системы, то этотъ рядъ послѣдовательныхъ «измѣненій» или «отраженій» приведетъ къ тому, что каждая изъ этихъ системъ — не прямо, но, какъ мы видимъ, весьма косвенно будетъ измѣнять другую—«отразится» въ ней—породитъ въ ней «воспріятіе» жизненнаго комплекса.

Пусть, напр., живое существо A и живое существо Z связываются цѣпью неорганизованныхъ комплексовъ среды δ, γ, δ, ε, . . . $\varkappa$, λ. μ, ... υ, φ, χ, ψ. Предположимъ, что въ данный моментъ группировки δ, λ, χ находятся въ состояніи полной интерференціи. Въ такомъ случаѣ, во-1), A и Z находятся въ *различномъ* полѣ; во 2), β и γ находятся въ одномъ полѣ съ системой A и подвергаются ея измѣняющему вліянію, а ψ—въ одномъ полѣ съ Z, и также подвергаются ея вліянію; въ 3), β вліяетъ на γ, υ на φ, и обратно, но пока δ, λ, χ интерферированы, черезъ нихъ никакое вліяніе, никакое измѣненіе не передается, не «отражается». Но въ слѣдующій моментъ дѣйствіемъ различныхъ примыкающихъ комплексовъ эти δ, λ, χ выводятся изъ состоянія интерференціи, переходя въ новый видъ δ', γ', $'\chi$, а въ состояніе интерференціи приводятся—также, конечно, дѣйствіемъ различныхъ примыкающихъ комплексовъ—β, μ, υ. Теперь уже комплексъ γ оказывается въ одномъ полѣ съ δ'' и ε; а такъ какъ онъ въ предыдущій моментъ измѣненъ вліяніемъ β и A, то это измѣненіе теперь черезъ него «отражается» и въ δ'' и въ ε, словомъ—«передается» дальше по цѣпи неорганизованныхъ группировокъ; но дальше въ какомъ-нибудь пунктѣ «задерживается» другими интерферированными группировками. Въ слѣдующій моментъ эти группировки выйдутъ изъ своего равновѣсія, и измѣненіе отразится черезъ нихъ на слѣдующихъ звеньяхъ, и т. д.—Этимъ путемъ—не прямымъ, а косвеннымъ—совершится «общеніе» живыхъ существъ, «воспріятіе» одного изъ нихъ другимъ и обратно.

Давая картину этой передачи, мы поневолѣ прибѣгаемъ къ *пространственнымъ* символамъ («цѣпь», «смежныя группировки» и т. под.); но здѣсь они имѣютъ тотъ же переносный смыслъ, какой придается имъ въ выраженіяхъ: «ассоціативная цѣпь», «ассоціація по смежности» и т. под. Мы воспринимаемъ свою «среду» пространственно; но это уже *отраженіе* неорганизованныхъ комплексовъ среды въ нашей психикѣ, а не самые комплексы въ ихъ непосредственности. Это вполнѣ

аналогично тому случаю, когда мы воспринимаемъ человѣка, какъ «тѣло», въ пространственной формѣ, но его «сознаніе» не представляемъ себѣ, какъ нѣчто пространственное *). Смежность всякихъ вообще «непосредственныхъ» комплексовъ слѣдуетъ представлять себѣ по типу смежности психическихъ группировокъ въ нашемъ опытѣ. **)

Я хотѣлъ бы продолжить изложеніе своей концепціи, но здѣсь возникаетъ опасеніе, которое заставляетъ меня немного уклониться въ сторону. Очень вѣроятно, что иного читателя-позитивиста моя концепція приведетъ въ большое недоумѣніе, что онъ скажетъ: какая метафизика!—и даже, быть-можетъ, съ негодованіемъ захлопнетъ книгу. А читатель-метафизикъ? Онъ, конечно, вовсе не будетъ читать мою работу, и говоря откровенно—это не слишкомъ огорчитъ меня. Но у читателя-позитивиста я попрошу еще нѣсколько минутъ вниманія. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы у меня съ нимъ вышло недоразумѣніе, которое, какъ я глубоко убѣжденъ, послужитъ не только не къ моей, но и не къ *его* пользѣ.

IX.

Метафизика возникаетъ тамъ, гдѣ мышленіе пытается выйти за предѣлы *возможнаго опыта*. Такъ какъ всякое дѣйствительное мышленіе есть *гармонизація опыта* и, слѣдовательно, имѣетъ опытъ своимъ содержаніемъ, то метафизика есть *мнимое мышленіе*. Она возможна потому, что область употребленія словъ шире области мышленія; она представляетъ изъ себя словесныя комбинаціи безъ познавательнаго содержанія. Она

*) Обыкновенно и здѣсь мы непослѣдовательны—мы „вкладываемъ“ сознаніе въ тѣло живого существа и, слѣдовательно представляемъ сознаніе отчасти въ пространственной формѣ. Это такъ назыв. „интроекція“, ея логическій анализъ данъ Авенаріусомъ въ „Человѣческомъ понятіи о мірѣ“; ея соціально-психологическій генезисъ я изслѣдую въ ст. „Авторитарное мышленіе“ („Изъ психологіи общества“, Спб., 1904).

**) Но безъ ея опредѣленности и устойчивости это не есть

подчиняется не законамъ логики, но законамъ грамматики, хотя иногда, впрочемъ, и ихъ въ увлеченіи нарушаетъ.

Выходъ за предѣлы *возможнаго* опыта совершается въ двухъ направленіяхъ:

1. Принимаются *элементы* принципіально иного рода, чѣмъ тѣ, какіе имѣются въ опытѣ. Такова подкладка непознаваемой «вещи въ себѣ», не имѣющей по содержанію (т.-е. по элементамъ) ничего общаго съ «явленіемъ».

2. Принимаются *отношенія* принципіально иныя, чѣмъ тѣ, въ какихъ соединяются элементы опыта. Таково все «абсолютное», «безусловное», «внѣ-временное» и т. д.

Этими двумя чертами характеризуется метафизика.

Выходъ за предѣлы *дѣйствительнаго* опыта въ область опыта *возможнаго* не есть метафизика, а *гипотеза*. Гипотеза—необходимый элементъ всякаго познанія; она даже является *душой* познанія. Всякое познаніе стремится на основѣ дѣйствительнаго опыта конструировать опытъ возможный,—стремится къ вѣрной гипотезѣ, дающей прочный базисъ для практики.

Гипотеза, которая имѣетъ дѣло съ дѣйствительными элементами опыта и его дѣйствительными отношеніями, которая только создаетъ изъ нихъ новыя комбинаціи, такая гипотеза, конечно, можетъ быть *не вѣрна*, но она не метафизична. Ей не хватаетъ «предпосылокъ» метафизичности.

Такова наша гипотеза. Ея «непосредственные комплексы», это—комплексы тѣхъ же элементовъ, какіе находитъ анализъ опыта. И внутреннія и внѣшнія отношенія этихъ комплексовъ—

связь „ассоціативная", предполагающая уже значительную степень постоянства въ комбинаціяхъ элементовъ и комплексовъ, при которой комплексъ *A*, какъ цѣлое, имѣетъ тенденцію внести въ поле переживаній комплексы B, C и т. д. также какъ цѣлыя системы. Связь неорганизованныхъ комплексовъ сама отличается неорганизованностью; но она настолько же *непосредственна*, какъ психическая связь ассоціированныхъ комплексовъ.

принципіально тѣ же, какими связываются элементы и комплексы въ опытѣ.

Но, можетъ-быть, здѣсь есть третья, хотя и производная, но зато самая важная черта метафизики—словесная пустота абстракцій? Этого было бы достаточно. Вѣдь «непосредственныхъ комплексовъ», которые для насъ «отражаются» въ растительныхъ и неорганическихъ тѣлахъ, мы не можемъ себѣ представить; значитъ они—только слово?

Слово не пусто, когда оно выражаетъ *опредѣленную тенденцію* въ группировкѣ фактовъ опыта, хотя бы эту тенденцію мышленію и не удавалось въ данное время реализовать. «Жителей Марса» мы не можемъ себѣ представить; но это—не пустое слово для того, кто обсуждаетъ вопросъ о происхожденіи каналовъ на Марсѣ. Для такого человѣка данный терминъ выражаетъ опредѣленную познавательную тенденцію: представить извѣстныя особенности планеты Марса по типу культурныхъ измѣненій земной поверхности. «Житель Марса»—это четвертое пропорціональное къ тремъ даннымъ: «земные каналы» — «человѣкъ» — «каналы Марса». Рѣшается задача: опредѣлить неизвѣстное, которое такъ же относится (не въ алгебраическомъ, разумѣется, смыслѣ) къ каналамъ Марса, какъ человѣкъ—къ каналамъ земли. Очень вѣроятно, что задача составлена никуда негодно; но не въ этомъ тутъ дѣло, а въ томъ, что ея *X*—не пустое слово, а функція данныхъ величинъ, хотя даже форма этой функціи не вполнѣ опредѣлена.

Наша задача составлена такъ: опредѣлить неизвѣстное, которое стоитъ въ такомъ же отношеніи къ неорганическимъ процессамъ и любой низшей формѣ жизни, въ какомъ психическія переживанія стоятъ къ физіологическимъ процессамъ нервной системы. Къ тремъ даннымъ опыта подыскивается четвертое, чтобы связать эти три въ гармонической формулѣ. Форма связи ближе еще не установлена; большинство позитивистовъ полагаетъ: неизвѣстное равно нулю. Я прихожу къ иному рѣшенію и намѣчаю направленія, въ которыхъ слѣдовало бы искать неизвѣстное, исходя изъ даннаго (элементы—

тѣ же, что въ опытѣ; отношенія—принципіально не отличающіяся отъ тѣхъ, какія намъ знакомы въ опытѣ, но только несравненно менѣе сложныя, несравненно менѣе опредѣленныя, несравненно менѣе устойчивыя, и т. д.). Рѣшеніе можно критиковать, можно находить, что гипотеза невѣрна, безполезна,— но нельзя утверждать, что она пуста, метафизична.

X.

Итакъ, наша гипотеза разсматриваетъ «физическую» среду жизни, какъ «отраженіе» (въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ) среды «непосредственной», которая разлагается на ряды неорганизованныхъ (точнѣе—минимально организованныхъ) комплексовъ. «Міръ» же, т.-е. сумма жизненныхъ процессовъ и ихъ среды, является въ этой концепціи, какъ *безконечно развертывающійся рядъ группировокъ, въ которыхъ связь элементовъ представляетъ самыя различныя степени организованности, отъ самыхъ низшихъ, свойственныхъ комплексамъ среды, до высшихъ, свойственныхъ психикѣ человѣка.* Наконецъ, «физическая природа», включая въ себя и «тѣла» живыхъ существъ, выступаетъ какъ «отраженіе» этого міра въ одной его части — въ высшихъ «психическихъ» группировкахъ, организующихся въ человѣческой психикѣ подъ вліяніемъ ея «общенія» съ другими.

Съ этой точки зрѣнія теряютъ всякую таинственность многія основныя загадки человѣческаго опыта.

Во-первыхъ, дѣлается понятнымъ тотъ фактъ, что матеріалъ для самыхъ высшихъ, «сознательныхъ» формъ жизни непрерывно берется изъ «мертвой природы», и что въ эту же «мертвую природу» безпрерывно переходитъ «живая жизнь». Дѣло идетъ здѣсь о группировкѣ менѣе организованныхъ комплексовъ въ болѣе организованныя, ассоціативныя комбинаціи, а также о дезорганизаціи этихъ послѣднихъ опять на менѣе организованные комплексы.

Во-вторыхъ, понятно и то, что «жизнь» подчиняется всѣмъ общимъ законамъ «неорганическаго міра», не создавая исключеній. Это только означаетъ, что высшія степени организованности, возникая путемъ усложненія и развитія низшихъ, естественно *включаютъ* въ себѣ эти послѣднія, какъ большее включаетъ въ себѣ меньшее.

Въ-третьихъ, ничего загадочнаго не оказывается не только въ общеніи «психическихъ» существъ при посредствѣ «физической» среды, но и въ *ограниченности* этого общенія, въ томъ, что оно возможно лишь при цѣломъ рядѣ условій, что оно легко прерывается, и когда существуетъ, то остается въ высшей степени неполнымъ. Достаточно представить себѣ, насколько косвеннымъ путемъ совершается это общеніе, какъ много можетъ быть посредствующихъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое вліяетъ только на смежныя, насколько должно ослабляться вліяніе начальныхъ звеньевъ при возрастаніи общаго ихъ числа, и какъ часто на пути передачи должны возникать интерферирующія комбинаціи, безусловно ее прерывающія,— и станетъ ясно, насколько больше въ каждомъ данномъ случаѣ шансы изолированности, чѣмъ шансы общенія жизненныхъ комплексовъ *). Но изолированность ничего не создаетъ, а общеніе порождаетъ организующій процессъ, результаты котораго прогрессивно накопляются и возрастаютъ.

Наше представленіе о роли неорганизованныхъ комплексовъ среды естественно приводитъ къ такому вопросу: а не возможенъ ли случай, когда во всей связующей два живыя существа цѣпи этихъ комплексовъ *не найдется* пункта полной интерференціи, такъ что «переживанія» обоихъ существъ окажутся *прямо въ одномъ полѣ*, двѣ ассоціативныхъ цѣпи прямо объединятся? Это было бы настоящимъ сліяніемъ душъ... На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что въ *нашемъ* опытѣ такихъ

*) „Общенія“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, охватывающемъ даже простое „воспріятіе“ одного живого существа другимъ.

случаевъ, повидимому, не встрѣчается; но съ другими живыми существами это, повидимому, бываетъ. Я подразумѣваю *конъюгацію* одноклѣточныхъ организмовъ и половыхъ клѣтокъ. Сліяніе двухъ клѣтокъ въ одну едва ли можетъ выражать что-либо иное, какъ объединеніе двухъ раньше независимыхъ рядовъ переживаній въ одинъ рядъ. Для людей такой методъ сліянія душъ, очевидно, не годится, хотя греческая миѳологія и нашла одинъ такой случай (исторія Гермафродита и нимфы).

Могутъ ли впослѣдствіи быть найдены людьми какіе-нибудь способы и средства прямого общенія ихъ психическихъ организацій — вопросъ, который здѣсь безполезно обсуждать.

XI.

Одно изъ самыхъ вѣроятныхъ и, какъ мнѣ кажется, наиболѣе сильное возраженіе противъ изложенной концепціи было бы такое.—Такъ какъ мы не умѣемъ представить себѣ низшихъ «непосредственныхъ комплексовъ», то къ чему можетъ послужить введеніе ихъ въ систему научнаго мышленія? Расширятъ ли они область нашего *предвидѣнія*, которое составляетъ реальный смыслъ познавательной дѣятельности?

Проще всего было бы отклонить это возраженіе такимъ путемъ. Если данная точка зрѣнія дѣйствительно устраняетъ нѣкоторыя изъ хроническихъ познавательныхъ противорѣчій, не создавая равносильныхъ имъ новыхъ, то она расширяетъ сферу предвидѣнія уже тѣмъ, что сберегаетъ часть энергіи познающаго для творческой дѣятельности познанія. — Но я лично не склоненъ остановиться на этомъ; я склоненъ полагать, что дѣйствительно правильная концепція должна и болѣе прямымъ путемъ увеличивать возможность предвидѣнія, хотя бы это обнаруживалось не сразу.

Совершенно очевидно, что наша точка зрѣнія позволяетъ постоянно, по мѣрѣ надобности, подставлять вмѣсто комбинацій «отражаемыхъ» — «отраженныя», вмѣсто комплексовъ

«непосредственныхъ»—«физическіе», и наоборотъ. Фактически мы такъ и поступаемъ вездѣ, гдѣ принимаемъ эти обѣ «стороны» дѣйствительности. Когда намъ надо предвидѣть поступки человѣка, мы съ большой пользой исходимъ изъ представленія объ его «непосредственныхъ переживаніяхъ», когда надо предвидѣть траекторію его паденія или вліяніе его непрозрачности на объемъ нашего поля зрѣнія, мы беремъ его, какъ «физическое» тѣло.

То же самое практикуется во всѣхъ областяхъ біологическаго опыта; но только по мѣрѣ приближенія къ низшимъ формамъ жизни точка зрѣнія непосредственныхъ переживаній все рѣже становится для насъ полезной. Но здѣсь мы никогда не покидаемъ ея вполнѣ. Когда, напр., мы видимъ ползущій пласмодій и знаемъ, что на пути его есть мѣсто, слегка смоченное сѣрной кислотой, мы «предвидимъ», что пласмодій свернетъ въ сторону, хотя характеръ происходящихъ при этомъ физико-химическихъ реакцій намъ неизвѣстенъ. Точно такъ же мы предвидимъ, что посаженное нами въ тѣни растеніе будетъ «тянуться къ свѣту», хотя механизмъ этого процесса намъ не вполнѣ ясенъ. Мы не говоримъ уже о насѣкомоядныхъ растеніяхъ и т. под. біологическихъ фактахъ. Все это мы стремимся «объяснить» и съ «физической» точки зрѣнія, потому что тогда наше предвидѣніе станетъ точнѣе, опредѣленнѣе, шире; однако и послѣ объясненія для насъ иногда будетъ экономнѣе пользоваться старымъ пріемомъ предвидѣнія.

Но и въ сферѣ неорганическихъ явленій наука часто даетъ такія формулировки для предвидѣнія, примѣняя которыя мы неизбѣжно становимся на точку зрѣнія антропоморфной аналогіи. Таковы, напр., всѣ законы, въ которые входятъ понятія minimum и maximum («линія наименьшаго сопротивленія», «принципъ наименьшей поверхности» и т. под.). Изъ этого антропоморфизма различные метафизики, какъ Вундтъ, дѣлаютъ выводы въ смыслѣ телеологическаго міропониманія. Наша точка зрѣнія ставитъ всѣ эти оттѣнки познавательной дѣятельности на ихъ надлежащее мѣсто. Она не

допускаетъ телеологическихъ выводовъ, потому что *причинно* объясняетъ жизненный смыслъ и значеніе этого антропоморфизма: если онъ бываетъ пригоденъ для предвидѣнія по отношенію къ неорганизованному міру, то именно потому, что наша психика сохраняетъ общія черты неорганизованныхъ комплексовъ, изъ которыхъ возникла путемъ развитія. Въ то же время наша точка зрѣнія наглядно выясняетъ ограниченное значеніе этого антропоморфизма; она показываетъ, что рамки его полезности суживаются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше мы уходимъ отъ нашего собственнаго типа организаціи переживаній. Этимъ предупреждаются многія ложныя предвидѣнія, которыя возможны съ точки зрѣнія панпсихизма и т. под. доктринъ.

Здѣсь открывается широкое поле для изслѣдованія пріемовъ и возможностей человѣческаго предвидѣнія вообще.

Съ точки зрѣнія нашей концепціи получаетъ опредѣленный смыслъ идея *мірового* прогресса. При сколько-нибудь дуалистическомъ міропониманіи понятіе прогресса примѣнимо только къ области *жизни*, да и то, строго говоря, не ко всей этой области: о прогрессѣ жизни, «лишенной сознанія», можно говорить лишь съ нѣкоторой натяжкой. Но если, какъ мы принимаемъ, царство неорганическое и царство жизни, жизнь рефлексовъ и жизнь сознанія представляютъ изъ себя только различныя степени организованности «непосредственныхъ комплексовъ», то понятіе прогресса становится во всѣхъ этихъ областяхъ одинаково полноправнымъ. Его содержаніемъ является тогда *возрастаніе организованности* комплексовъ.

Законъ энтропіи, который говоритъ о переходѣ мірового содержанія къ болѣе устойчивымъ, болѣе уравновѣшеннымъ группировкамъ, отнюдь не долженъ разсматриваться, какъ законъ *прогресса*. Устойчивость, уравновѣшенность—это, вообще

говоря, не то же самое, что организованность. Первая имѣетъ *статическую*, вторая—*динамическую* тенденцію.

Возрастаніе организованности идетъ въ двухъ направленіяхъ: во-1), расширеніе того матеріала, того содержанія, которое охватываетъ данный комплексъ (увеличеніе суммы его элементовъ); во-2), возрастаніе прочности той связи, которая объединяетъ его части (такъ что требуются все болѣе сильныя внѣшнія вліянія для нарушенія этой связи, для «дезорганизаціи» комплекса). Напр., переходъ отъ низшаго психическаго типа къ высшему означаетъ и прогрессивный ростъ количества переживаній, и прогрессивную ихъ гармонизацію. Это—*біологическая* характеристика прогресса; но ясно, что для принятой нами концепціи вполнѣ естественно понятіе возрастающей организованности примѣнить и къ «неорганическому» міру—разсматривая его не со стороны его отраженія въ нашей психикѣ и въ нашемъ соціальномъ познаніи, а со стороны его «непосредственнаго» существованія.

Такимъ образомъ, универсальная идея прогресса формулируетъ тотъ же идеалъ, который въ болѣе близкой намъ—біологической и соціальной сферѣ выражается словами: безконечное возрастаніе полноты и гармоніи жизни.

Та же самая тенденція въ еще болѣе частной области—жизни познавательной—воплощается въ идеалѣ *эмпиріомонизма.*

Всякій шагъ впередъ на пути познанія или, что то же, всякое *истинное познаніе* является эмпиріомонистическимъ: оно либо расширяетъ содержаніе, вмѣщающееся въ данныхъ формахъ познанія—расширяетъ его *эмпирическій* матеріалъ, либо создаетъ для этого матеріала болѣе цѣлостныя и прочныя формы—*монистически* его преобразуетъ; въ конечномъ же счетѣ осуществляетъ и то и другое.

Ни въ какомъ иномъ смыслѣ прогрессъ познанія невозможенъ: познаніе метафизическое, внѣ-эмпирическое, есть пустая фикція; познаніе, лишенное единства, внѣ-монистическое

означаетъ только пробѣлъ познанія. То и другое не есть «истина».

Свою точку зрѣнія мы считаемъ однимъ изъ необходимыхъ этаповъ эмпиріомонизма [1]). Если мы въ этомъ не ошибаемся, то она есть *истина времени*.

---

*) Эмпиріокритическая концепція кажется мнѣ также необходимой, но—пройденной ступенью этого пути. Я подразумѣваю, конечно, не самый принципъ критики опыта—такая критика всегда необходима,—а совокупность взглядовъ данной школы. Я не стану заниматься здѣсь разграниченіемъ отъ этихъ взглядовъ своей точки зрѣнія—оно слишкомъ нетрудно для свѣдущаго читателя; но чтобы иллюстрировать разницу пріемовъ, я предлагаю читателю сравнить, какъ трактуется вопросъ о связи между живыми существами въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса (ч. II) и его же „Der menschliche Weltbegriff“ или въ книгѣ его ученика Гольцапфеля „Panideal“ и въ этой моей работѣ.

Заключеніе.

Всѣ три основные вопроса, разсмотрѣнные нами въ этой работѣ, сводятся къ одной общей задачѣ:

найти тотъ путь, на которомъ возможно было бы систематически свести всѣ перерывы нашего опыта къ принципу непрерывности.

Изъ числа основныхъ перерывовъ опыта первый—наиболѣе привычный для современнаго сознанія—есть пропасть, раздѣляющая «духъ» и «матерію».

Новѣйшій позитивизмъ показалъ тожество *элементовъ*, на которые разлагается содержаніе обѣихъ этихъ областей опыта; перерывъ свелся такимъ образомъ къ двумъ принципіально-различнымъ типамъ связи элементовъ—физическому и психическому.

Нашъ анализъ привелъ насъ къ выводу, что эти два типа связи различаются вовсе не принципіально,—что это двѣ послѣдовательныя фазы организаціи опыта: *психическое есть опытъ организованный индивидуально, физическое—организованный соціально.* Второй типъ является однимъ изъ результатовъ развитія перваго.

Другой изъ основныхъ перерывовъ представляетъ, собственно, частный случай перваго: это перерывъ между «сознаніемъ» и «физіологіей» въ сферѣ жизни. Но онъ пріобрѣтаетъ осо-

бенное значеніе и ощущается съ особенной остротой именно потому, что проходитъ черезъ самую близкую намъ область реальнаго и потому, что вынуждаетъ въ одномъ понятіи «жизни» объединять, повидимому, абсолютно различныя по характеру и содержанію группы явленій.

Нашъ анализъ устанавливаетъ *причинную связь* между областью «непосредственныхъ переживаній» и областью «физіологическихъ процессовъ»: вторая разсматривается, какъ отраженіе первой (въ соціально организованномъ опытѣ живыхъ существъ).

Этотъ выводъ неразрывно связанъ съ представленіемъ *о строгомъ параллелизмѣ* обоихъ рядовъ явленій и объ одинаковой примѣнимости къ нимъ обѣимъ *принциповъ энергетики.*

Наконецъ, третій основной перерывъ это—тотъ, который выражается въ антитезѣ индивидуальнаго и универсальнаго, а также индивидуальнаго и другого индивидуальнаго. Это—перерывъ поля переживаній.

Нашъ анализъ свелъ его къ закону причинности, къ опредѣленной его формѣ—*интерференціи* (именно, интерференціи «непосредственныхъ» переживаній и вообще «непосредственныхъ комплексовъ»).

Само собой разумѣется, что всѣмъ этимъ намѣченная задача не исчерпывается: разрѣшеніе однихъ вопросовъ ставитъ другіе. Но эти дальнѣйшіе вопросы—менѣе общаго характера; ихъ мѣсто въ болѣе частномъ, болѣе спеціальномъ изслѣдованьи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Идеалъ познанія 5
2. Жизнь и психика:
A. Область переживаній 62
B. Психоэнергетика 94
C. Монистическая концепція жизни 124
3. Universum 148
Заключеніе 181